
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Фронтové будни

В 1941–1945 гг. все советское общество, вовлеченное в Великую Отечественную войну, оказалось в прямом смысле слова на грани жизни и смерти, и все существование советских людей было подчинено общей задаче — противостоянию фашистскому агрессору и достижению победы. Конечно, повседневная жизнь каждого человека в этих условиях была уникальной.

Жизнь человека на войне насыщена пограничными ситуациями, сменяющимися друг друга и постепенно приобретающими значение постоянного фактора. И это оказывает воздействие на всю жизнь общества, решительным образом влияет на психологию людей, особенно участников боевых действий. При этом для рядового и командного состава характерны некоторые особенности психологии, связанные с разной степенью ответственности и риска. Имеет свою специфику и восприятие действительности представителями разных родов войск и военных профессий. Оно определяется конкретной обстановкой и задачей каждого бойца и командира в бою, наиболее вероятным для него видом опасности, характером физических и нервных нагрузок, способом контакта с противником, взаимодействием с техникой (видом оружия). Однако главный элемент «психологии войны» является общим для всех: экстремальные условия обостряют до предела человеческие чувства, вызывают необходимость принятия немедленных решений, предельной четкости и слаженности действий, необходимых для того, чтобы выжить, равно как и для выполнения боевой задачи.

Наряду с экстремальной боевой обстановкой важнейшее влияние на психологию военнослужащих оказывали специфические условия фронтового быта. «Характеризуя условия боя, нельзя упустить из виду и такую их особенность, как чрезвычайно ощутимые зимние неудобства. Зимой — это стужа, когда застывает смазка даже на тщательно протертом оружии, когда кусок хлеба становится тверже льда... Бывает и летом, когда бойцы изнывают от жары, от недостатка воды, от жгучего песка и душливой пыли, ослепляющих бойца и затрудняющих ему дыхание. Нередки случаи в боевой обстановке, когда человек недосыпает, недоедает, живет и действует в неудовлетворительных санитарно-гигиенических условиях, не имеет нормального жилья и уюта, физически и нравственно устает, переутомляется и т. д.»¹.

В понятие фронтового быта, или уклада повседневной жизни в боевой обстановке, входят выполнение служебных обязанностей, а также отдых и досуг, в том числе и организованный,

то есть всё то, что составляет распорядок дня. Основными составляющими фронтового быта являются также боевое снабжение и техническое обеспечение войск: оружием, боеприпасами, средствами защиты, передвижения, связи и прочим, а также жилье, бытовое снабжение продуктами питания и обмундированием, санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, денежное довольствие, а также связь с тылом — переписка с родными, посылки, шефская помощь, отпуска.

Существует множество факторов, влияющих на специфику фронтового быта. Конкретные бытовые условия участников боевых действий определяются общими, социальными и ситуационными факторами. К первым относятся тип и масштаб войны, ее длительность, наступательный или оборонительный характер. Немалое значение имеет театр военных действий — с точки зрения климатических условий и времени года. К социальным факторам относятся принадлежность к роду войск и военной специальности, а также к рядовому или командному составу. В ряду ситуационных факторов — ход военных действий (наступление, оборона, отход), расположение на основном или второстепенном участках фронта, расстояние от переднего края и прочее.

Длительность войны обусловила широкое разнообразие в ведении боевых действий — от высокой мобильности до длительной позиционности на разных этапах войны и на разных фронтах, изменение характера войны — от преимущественно оборонительного на первых ее этапах к активному наступательному на завершающих, от ведения войны на своей территории к переносу ее на чужую, причем как на земли оккупированных противником стран, так и на собственно территорию Германии и ее союзников. Все это, безусловно, влияло на фронтовую повседневность участников боевых действий, их боевой опыт.

Главное, с чем приходится сталкиваться человеку на фронте, — экстремальная боевая обстановка, бытие на грани жизни и смерти. Именно «в бою находят свое предельное выражение все присущие человеку качества»². Каким бы храбрым, подготовленным профессионально ни был воин, он неизбежно испытывал в боевой обстановке чувство страха. Страх в бою — естественное чувство, вызванное инстинктом самосохранения. «Война как постоянная и серьезная угроза жизни, конечно, есть натуральнейший импульс к страху»³, — отмечал физиолог И. П. Павлов.

Часто страх становится фактором, препятствующим эффективной боевой деятельности и имеющим широкий диапазон последствий: от массовой паники и бегства с передовой значительных групп военнослужащих до индивидуальной психологической подавленности, утраты способности ясно мыслить, адекватно оценивать обстановку, вплоть до безынициативности и полной пассивности. Страх является одной из форм эмоциональной реакции на опасность. При этом для человека в экстремальной обстановке характерно чувство доминирующей опасности, обусловленное оценкой создавшегося положения, и часто то, что казалось опасным минуту назад, уступает место другой опасности, а следовательно, и другому страху. Например, страх за себя сменяется страхом за товарищей, страх перед смертью — страхом показаться трусом, не выполнить приказ и прочее. От того, какой из видов страха окажется доминирующим в сознании воина, во многом зависит его поведение в бою⁴.

Иногда страх вызывает у человека состояние оцепенения, лишает его самообладания, провоцирует неадекватное поведение или, напротив, заставляет мобилизовать волю, напрячь усилия, активизировать боевую деятельность. Обычно в боевой обстановке человек руководствуется смешанными идейно-волевыми мотивами, и понимание долга в его сознании неразрывно связано с подчинением воинской дисциплине, а любовь к Родине — с проявлением личного мужества. «Страх за собственную жизнь, а порой, не скрою, и обреченность чувствовал, наверно, чуть ли не каждый из пехотинцев, наиболее из всех родов войск выбиваемых фронтом, — вспоминал бывший командир пулеметного взвода лейтенант в отставке В. Плетнёв. — Но все-таки выше, сильнее чувств каждого из нас как индивидуума было наше общее солдатское чувство и сознание, что без всех нас, без тяжелых потерь, без фронтового братства, взаимовыручки победы не добыть, и мы говорили: «Если не мы, то кто? Лишь бы хватило нас на победу! Скорей бы!» Наверное, такое чувство и есть чувство долга»⁵.

Командир подразделения докладывает обстановку на передовой

Советский пехотинец на огневой позиции

Бойцы 115-й стрелковой дивизии в окопе на Невской Дубровке

Гвардейский расчет противотанкового орудия готовится к отражению атаки

Снайперы выбирают позицию

Красноармеец-сапер устанавливает мину

По мнению психологов, период полной боеспособности солдата на войне составляет примерно 60 дней, после чего требуется обязательный отдых⁶. В Красной армии в период Великой Отечественной этот фактор был еще неизвестен и не учитывался, отпуска на фронте являлись большой редкостью как для рядовых, так и для офицеров. Однако отдых от переднего края в том или ином виде все же случался — и тогда возникали новые сложности. Даже после кратковременного отсутствия на передовой, например после госпиталя, человеку требовалась адаптация к условиям фронтовой обстановки. У каждого это происходило по-своему: одним после ухода из зоны активных боевых действий на отдых или переформирование требовалось время для привыкания к боевой обстановке, а были и такие, кто стремился на передний край, рвался туда из госпиталя, чтобы скорее попасть обратно к своим боевым товарищам, бить ненавистного врага.

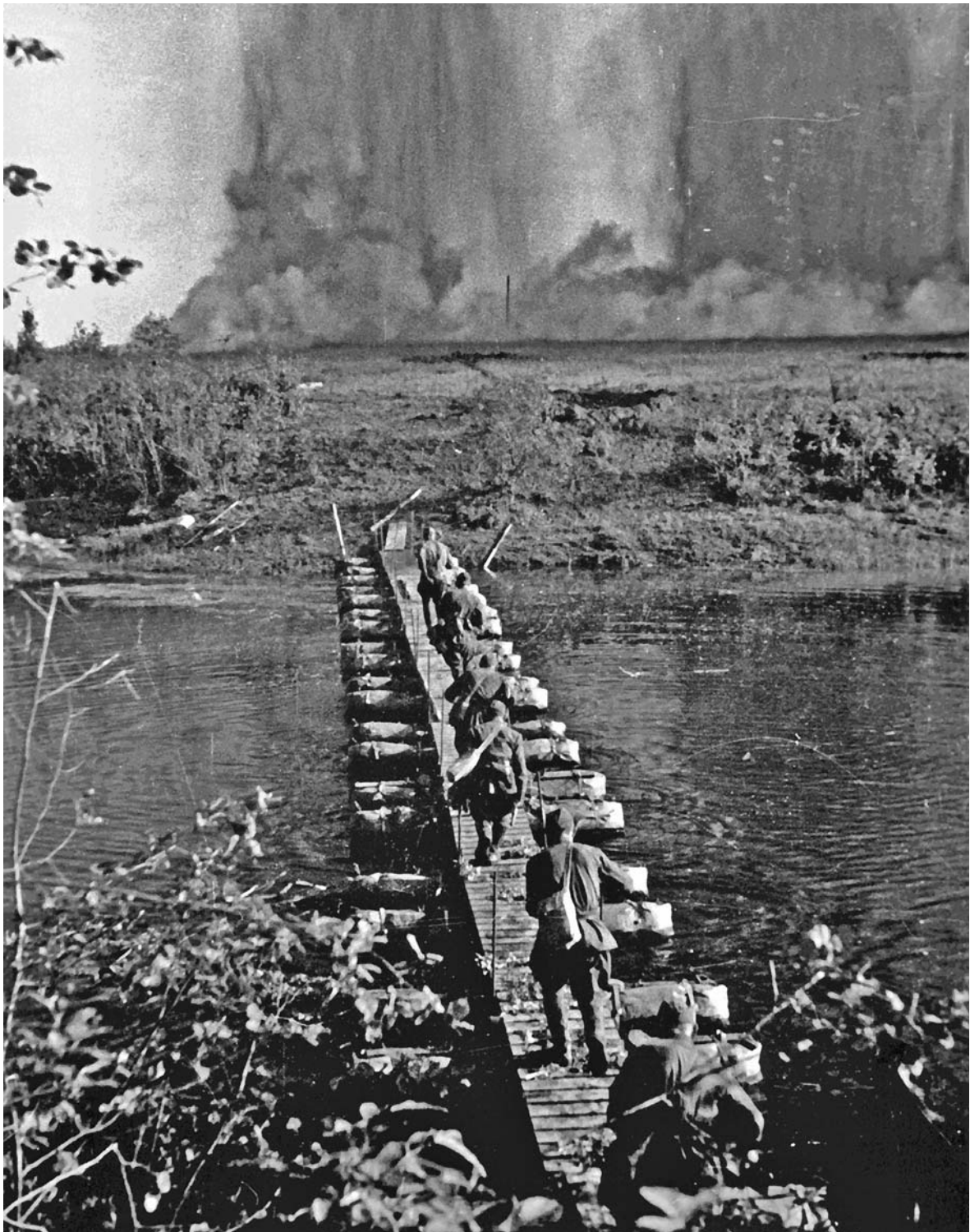
Далеко не у всех участников боя возникает чувство страха, и следовательно, не все они оказываются перед необходимостью его преодоления. «Вопрос не в том, переживает человек в бою эмоцию страха или не переживает никакой эмоции, а в том, переживает ли он отрицательную эмоцию страха или положительную эмоцию боевого возбуждения. Последняя является необходимым спутником военного призвания и военного таланта. Бывают люди, для которых опасность является жизненной потребностью, которые стремятся к ней и в борьбе с ней находят величайшую радость жизни»⁷. Выделяются две категории воинов: к первой относятся те, кто переживает в бою страх и вынужден преодолевать его, боевая обстановка их не увлекает; воины второй категории, напротив, стремятся к бою, их психическое состояние характеризуется отсутствием страха и наличием боевого возбуждения⁸.

В боевой обстановке с одинаковой вероятностью могут проявиться прямо противоположные коллективные настроения: с одной стороны, наступательный порыв, а с другой — страх, обреченность, способные в определенной ситуации привести к возникновению паники. Подвиг одного человека (или воинского коллектива) в боевых условиях является мощным психологическим импульсом для окружающих, побуждающим их к активному действию, и служит готовым образцом, своеобразной моделью поведения в опасной ситуации.

Наиболее ярким примером негативного воздействия «психического заражения» в боевой обстановке является паника. Ее случаи в начальном периоде Великой Отечественной войны, во время отхода советских войск под воздействием превосходившего по силе и мобильности противника, в значительной степени были вызваны общим состоянием глубокого психологического шока, который испытала армия в столкновении с реальной мощью противника, что противоречило довоенной пропаганде. При этом сильным импульсом, заставлявшим целые подразделения оставлять свои позиции, обычно становился крик «самолеты», «танки» или «окружают». За время своего отхода войска успели настолько «привыкнуть» к ударам превосходящих вражеских сил, собственным неудачам и поражениям, что сравнительно легко поддавались малодушию.

Очень часто паника возникала, когда солдат сталкивался на поле боя с чем-то непонятным: например, с применением противником нового вида оружия. В годы Великой Отечественной войны панику вызывало использование сирен на немецких пикирующих бомбардировщиках, радиовзрывателей, советских реактивных минометов «катюш». Кстати, этот психологический фактор был учтен Г. К. Жуковым в начале Берлинской операции, когда вслед за мощной артиллерийской подготовкой последовала ночная атака танков и пехоты с применением 140 прожекторов, свет которых не только ослепил неприятеля, но и вызвал у него паническую реакцию. Немцы решили, что против них пущено в ход неизвестное оружие.

Классическим примером борьбы с паникой в период Великой Отечественной войны стали приказы Ставки Верховного главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г. и наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. В первом из них каждый военнослужащий, оказавшись в окружении, обязан был «драться до последней возможности» и независимо от своего служебного положения уничтожать трусов и дезертиров, сдающихся в плен врагу, «всеми средствами, как наземными, так и воздушными». Особо мощным видом воздействия на сознание военнослужащих явился пункт приказа, гласивший, что семьи нарушителей

Воины Красной армии преодолевают водную преграду

Уточнение обстановки перед боем

Расчеты противотанковых орудий в рядах наступающей пехоты

Механик-водитель танка Т-34

присяги будут подвергнуты аресту⁹. Можно по-разному относиться к подобной жестокости, но нельзя отрицать его действенности: приказ № 227 сумел переломить настроение войск. Кстати, такие же чрезвычайные меры для преодоления кризиса на восточном фронте и повышения дисциплины войск предприняло германское командование.

В боевых условиях у бойцов и командиров формируется особое отношение к жизни и смерти, выражающееся, в частности, в постепенном привыкании к ужасным картинам и чувству отстраненности от них. Вот как описывала свои ощущения военврач Г. Д. Гудкова: «Чудовище войны многолико. На фронте, как это ни ужасно, человеческую смерть, даже если человек молод, со временем начинаешь воспринимать как обыденное явление. Чувство отчаяния, чувство невосполнимости потери если и не исчезает полностью, то притупляется. А если обострится — его подавляешь, чтоб не мешало»¹⁰.

С другой стороны, важное место в мировоззрении бойцов и командиров занимал «солдатский фатализм», как и «привычка к смерти», являвшийся защитным барьером для психики людей в экстремальных условиях. Поэт-фронтовик Давид Самойлов записал в своем дневнике: «Первый бой оформляет солдатский фатализм в мироощущение. Вернее, закрепляется одно из двух противоположных ощущений, являющихся базой солдатского поведения. Первое состоит в уверенности, что ты не будешь убит, что теория вероятности именно тебя оградила пуленепробиваемым колпаком; второе, напротив, основано на уверенности, что не в этом, так в другом бою ты обязательно погибнешь. Формулируется все это просто: живы будем — не помрем... Только с одним из двух этих ощущений можно быть фронтовым солдатом»¹¹.

Война в психологическом плане относится к категории «пограничной ситуации», то есть крайне опасной, неопределенной, непредсказуемой, угрожающей самой жизни человека и почти не зависящей от его воли и разума. Чем менее она управляема и зависима от человека, тем сильнее его склонность к поиску психологической опоры, в попытке управлять внешними обстоятельствами через иррациональные действия. Неопределенность, непредсказуемость событий в условиях постоянной угрозы самой человеческой жизни и есть та область, которая открывает дорогу к вере в сверхъестественные силы. Причем вера эта имеет вполне практическую цель — получить мистическую защиту, путем выполнения неких ритуальных действий (чтения молитв, ношения оберегов, соблюдения ситуационных табу) оградив себя от опасностей. Особенно такое стремление «повлиять на судьбу» характерно для военной обстановки, что приводит к росту бытовой религиозности в различных ее формах.

Основными носителями религиозного сознания в тылу в период Великой Отечественной войны выступали женщины: матери, жены, сестры, невесты ушедших на фронт мужчин. Молились за спасение близких, за победу над врагом и скорейшее окончание войны, искали духовного утешения. А на передовой, хотя и не столь явно, обращались к вере те, кто постоянно «ходил под Богом». «Я помню, когда мы хоронили своих (а многих молодых ребят принимали в партию рано тогда), и вдруг крестик обнаруживается или ладанка... — вспоминал фронтовик академик Г. А. Арбатов. — Верующий? Неверующий? Или мать дала там что-то такое? А потом я прочитал у генерала Эйзенхауэра, что в окопах атеистов не бывает»¹².

Однако бытовая религиозность не всегда выступала в традиционной форме веры в Бога. Гораздо чаще она проявлялась в виде разного рода суеверий и примет. «Ни в Аллаха, ни в Бога я не верю», — утверждал бывший комсорг батальона, минометчик Мансур Абдулин. Но тут же делал признания совершенно иного рода: «Помню, еще на пути к фронту... [вместе с новым полевым обмундированием] были нам выданы и пластмассовые патрончики с крышечкой на резьбе. Внутри — ленточка, которую надо было собственноручно заполнить своими анкетными данными, завинтить патрончик наглухо, чтоб в него не попала сырьость, и положить в кармашек. «Паспорт смерти» — так окрестили мы этот патрончик между собой. Не знаю, кто как, а я тот паспорт выбросил тихонько, чтоб никто не видел, и на его место положил в брюки свой талисман — предмет, который я должен буду сберечь до конца войны. Наверное, у всех моих товарищей были вещи, которые служили им талисманами, но говорить об этом было не принято: талисман «имел силу», если о нем знал только ты сам»¹³.

Человеку свойственно надеяться на лучшее — это тоже защитный механизм сознания, предохраняющий его от саморазрушения. Вера в благополучный исход событий, надежда на возвращение домой поддерживала людей в самых трудных условиях, придавала им новые силы.

Кроме всего прочего фронтовой быт во многом зависел от природно-климатических условий, в которых приходилось воевать. Вот как характеризует в своих военных записках жизнь солдат на Кавказском фронте осенью 1942 г. писатель В. А. Закруткин: «Кусок хлеба, спрятанный в вешевом мешке, превращается в липкий клейстер. Затвор и ствол винтовки ржавеют. От мокрой шинели идет пар. Сапоги покрываются зеленью. Везде тебя настигает проклятый дождь, и всюду слышится смертельно надоевший звук чавкающей, хлюпающей, брызгающей грязи. На дне окопа — вода; в землянках — вода; куда ни прислонишься — мокро; к чему ни прикоснешься — грязь»¹⁴. Другой ветеран, Ю. П. Шарапов описал суровые будни Карельского фронта: «По многу месяцев нередко длилась на других фронтах позиционная война, но нигде, кроме Севера, не измерялась она годами. Вдосталь натерпелся наш солдат в дни войны в Заполярье, где морозы корежили землю, снег слепил глаза, где вода неотступно преследовала человека, и он радовался каждой сухой кочке; где набухшие от дождя болота проглатывали людей до пояса; где земля, белая и красная, тверда, как бетон; где речки — перешагнуть можно, но дна не достанешь; где на сотни верст ни живой души, только белки летают с ветки на ветку в разрывах между деревьями; где в летний полдень жарко, а в полночь не согреться у костра; где в июне круглые сутки катится по горизонту громадный шар солнца, а небо нежно-зеленое, как лист салата, а в сентябре ночью такая темь, что абсолютно ничего не видно; где на целых полгода над землей нависает белесая мгла, из которой бесконечно сыплется снег»¹⁵.

Конечно, среди многих слагаемых солдатского быта одно из главных мест занимало вешевое довольствие. В Великую Отечественную войну был учтен печальный опыт Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. — большое количество обмороженных, и к началу первой военной зимы проблем с теплым обмундированием у Красной армии не было. А вот противник сильно уступал нашим войскам в качестве обмундирования: эрзац-сапоги, холодные шинели, пилотки. Такая неподготовленность неприятеля к зиме объясняется германскими планами молниеносной войны: немцы рассчитывали разгромить Советский Союз за несколько месяцев, потому и встретили русскую зиму в летнем обмундировании. Впрочем, и позднее, зимой 1942–1943 гг. под Сталинградом одеты они были не многим лучше и так же, как в 1941 г., укутывались в тряпки и женские платки, так и не сумев приспособиться к русскому климату.

Другая проблема фронтового быта, говоря языком интендантских служб, — квартирование. Безусловно, приоритетными на фронте были задачи выживания, а не удобства. По словам артиллериста П. В. Синюгина: «Чтобы выжить, нам землянка не нужна была. Землянка — это уже обширное помещение, два на два метра. Нам же хватало узенького ровика. Снаряд упадет, тебе ничего не сделает, осколки вверх полетят. Да еще в этом ровике делали подкоп, как мы называли, «лисью нору». Там один сидит, дежурит, остальные отдыхают, если боя нет»¹⁶. Впрочем, в период обороны даже на передовой удавалось создать своеобразный фронтовой уют в виде теплых землянок и блиндажей.

Во время войны всегда особенно остро встают проблемы, связанные с угрозой эпидемий, поэтому санитарно-гигиеническому обеспечению действующей армии уделялось повышенное внимание, при этом был учтен жестокий опыт Первой мировой и Гражданской войн, когда свирепствовал сыпной тиф. И хотя случаи заболеваний среди личного состава наступавших советских войск, безусловно, имели место, эпидемий благодаря усилиям медиков удалось избежать. Что касается немецкой армии, то она в течение всей войны была источником распространения сыпного тифа и других инфекций. В одном из секретных приказов по 9-й армии (группа армий «Центр») от 15 декабря 1942 г. констатировалось: «В последнее время в районе армии количество заболевших сыпным тифом почти достигло количества раненых»¹⁷. Основными переносчиками сыпняка были вши, а жилые помещения противника буквально кишели этими паразитами.

Нехитрая солдатская еда

После боя

На привале

Обед на позиции

Первостепенное значение в структуре фронтового быта занимает снабжение армии продовольствием. Оно было очень разным и зависело от определенных условий, конкретного фронта, этапа войны.

12 сентября 1941 г. было принято решение ГКО СССР о введении с 20 сентября новых продовольственных норм суточного довольствия личного состава Красной армии, а 22 сентября издан приказ НКО СССР, во исполнение этого решения введивший новые нормы. 24 января 1942 г. ГКО принял постановление «О структуре и штатах Главного управления продовольственного снабжения Красной армии», а 1 марта 1942 г. постановление «Об улучшении доставки продовольствия и фуража частям действующей армии»¹⁸. Впоследствии издавалось немало приказов, касающихся снабжения продовольствием отдельных категорий военнослужащих — летчиков, разведчиков, личного состава железнодорожных эшелонов и прочих, а также анализировавших недостатки в организации питания и снабжения войск на разных фронтах.

20 декабря 1942 г. вышел приказ НКО СССР «О расширении собственной продовольственной базы фронтов»¹⁹, предписывавший фронтам самостоятельно заниматься сезонной заготовкой овощей и фуража за счет использования местных ресурсов.

Особая ситуация с продовольственным обеспечением советских войск сложилась после перехода ими государственной границы. Вместо разоренной территории своей страны наши бойцы оказались в относительно благополучной в продовольственном отношении, несмотря на войну, Европе. 22 февраля 1945 г. Л. Шапаронова писала подруге из Польши: «Питание у нас здесь улучшилось, так как немцы оставили много коров, свиней, картошки и т. д. Питаемся мы сейчас без всяких норм»²⁰.

Еще один важный вопрос, касающийся бытовых условий на фронте, — употребление алкоголя личным составом. Во многих армиях использовали и используют различные химические стимуляторы — от алкоголя до наркотических веществ и различных медицинских психотропных препаратов, причем последние могут применяться как перед боевыми действиями, так и после них для снятия или смягчения психических травм.

Почти сразу после начала Великой Отечественной войны спиртное было введено в ежедневное снабжение личного состава на передовой. В подписанном И. В. Сталиным постановлении ГКО «О введении водки на снабжение в действующей Красной армии» от 22 августа 1941 г. говорилось: «Установить, начиная с 1 сентября 1941 г. выдачу 40° водки в количестве 100 граммов в день на человека красноармейцам и начальствующему составу первой линии действующей армии»²¹. Впоследствии, в 1942–1943 гг., было принято еще несколько постановлений ГКО СССР и приказов НКО СССР, регламентировавших более жесткий порядок выдачи водки в действующей армии и направленных против злоупотреблений при ее распределении²².

В воспоминаниях участников войны спиртное рассматривается не только как средство психологической разрядки в боевой обстановке, но и как незаменимое «лекарство» в условиях русских морозов. Немцы тоже широко пользовались спиртным, а обязательным атрибутом японских солдат была бутылка с рисовой водкой — sake²³.

На фронте выплачивалось денежное довольствие. Люди семейные отправляли свой денежный аттестат жене и детям, холостяки — родителям или невесте. Ценность денег на фронте теряла всякий смысл. «Бойцы были относительно свободны от забот о материальной стороне жизни. Стремясь успокоить близких, многие из них подчеркивали в письмах, что сыты, обуты и одеты»²⁴. «Будничная вещественность войны»²⁵ была совершенно особой: на фронте ценились простые и незатейливые вещи, в мирной жизни абсолютно незаметные — котелок, ложка, нож, бритва, лопатка и прочее, а то, что тогда считалось роскошью, наоборот, утрачивало какую бы то ни было ценность. И денежный эквивалент не имел к этому никакого отношения.

Кроме того, война обесценила деньги и в тылу: карточная система, нехватка продовольствия, распространенный натуральный обмен. Зная из писем родных и из собственных наблюдений за жизнью гражданского населения, как трудно прокормиться их семьям во

Играй, мой баян, и скажи всем врагам, что жарко им будет в бою!

В минуты затишья

Давай закурим, товарищ, по одной...

Вместе на отдыхе — вместе в бою!

Взвод на отдыхе в тылу

время войны, фронтовики часто сетовали на то, что «ничем, кроме как деньгами», помочь не могут, и советовали продавать и обменивать на продукты абсолютно любые вещи, особенно принадлежавшие лично им, мотивируя это тем, что главное сейчас — продержаться, выжить, сохранить силы и здоровье, а после войны, «если вернусь, всё будет, всё наживем». Пренебрежительные высказывания о вещах — мелочь, тряпки, барахло — встречались очень часто. «Мелочность быта непроизвольно отторгалась теми, кто ежедневно переживал смертельную опасность»²⁶. При возможности посылками с фронта большинство воинов старалось поддержать в тылу свои семьи, высылая в разоренные города и села необходимые в быту мелочи, чтобы хоть как-то возместить понесенные в связи с войной потери или дать возможность близким обменять присланное на те же продукты.

В боевой обстановке, особенно во втором и третьем периодах войны, выпадали и минуты отдыха. Первое, что делал в таких случаях солдат, — старался элементарно выспаться. Действительно, иногда в боевой или походной обстановке отдыхать не приходилось по несколько суток, и усталость была столь велика, что многие бойцы приучались спать на ходу, прямо на марше.

Бывали на фронте и нехитрые развлечения. Чаще всего под гитару или гармонь звучала задушевная песня. Пели в окопах не только довоенные, но и новые, рожденные в войну песни. По свидетельству К. М. Симонова, на разных этапах войны имели распространение те из них, которые более точно отражали настроения людей в связи с изменением положения на фронтах: в 1941 г. — «Напрасно старушка ждет сына домой...», в 1942 г. — «В землянке», в 1943 г. — «Темная ночь», в 1944–1945 г. — «Хороша страна Болгария...», «Эх, кабы дожить бы до свадьбы-женильбы...» и другие²⁷. И, разумеется, из уст в уста передавался богатый фронтовой фольклор. Одно из самых интересных явлений в развитии фольклора военных лет — изменение старых песенных текстов, приспособление их к новым условиям. Распространена была замена отдельных строк и куплетов в русских народных, казачьих, старых солдатских и популярных песнях советских авторов. Часто сочинялись стихи на известные мелодии любимых песен. Известно множество вариантов стихотворных текстов на одну и ту же мелодию. Так, различные варианты шахтерской песни «Коногон» («Нас извлекут из-под обломков...») бытовали у представителей разных родов войск²⁸.

Упоминают ветераны и кинопросмотры, как правило, на отдыхе в ближнем тылу, где существовало какое-то подобие клуба, и в госпиталиях — для персонала и легкораненых. Настоящим праздником становился приезд артистов фронтовых бригад, выступавших с концертами перед бойцами. И не было более благодарных зрителей, чем солдаты, которым вскоре предстояло идти в бой.

Рассказывали на привале байки, разряжая атмосферу взрывами хохота, особенно если в подразделении оказывался весельчак и балагур — свой собственный Василий Тёркин. Читали газеты и боевые листки, книги, которые удалось раздобыть, опять же не в окопах, а на отдыхе, да и нечасто это случалось. Играли в шахматы. А уж если удавалось разжиться патефоном и парой пластинок, то они становились величайшей ценностью и заигрывались до полного износа. А кто-то берег как зеницу ока старенький музыкальный инструмент или дрессировал подобранного в сгоревшем селе щенка, ставшего любимцем и талисманом подразделения. Индивидуальный опыт отдыха и способов разгрузки сознания от накопившегося нервного напряжения был весьма разнообразен.

Очень большое значение для солдата на фронте имела связь с тылом, и в первую очередь переписка с родными и близкими. Почти в каждом фронтовом письме встречаются слова о том, как радостно получать солдату весточку из дома, как поддерживает она его душевные силы, помогает и ободряет в бою. Не случайно самые трогательные образцы фронтовой лирики и песен военных лет — «Жди меня», «Темная ночь», «В землянке», «Огонёк» — посвящены письмам любимых или написаны в жанре письма.

Но не все фронтовики получали письма из дома: семьи многих остались на оккупированной врагом территории, и их судьба была неизвестна. И тогда, чтобы боец не чувствовал себя одиноким, над ним брали шефство незнакомые люди, живущие в тылу. Присылали по-

Вручение фронтовикам партбилетов

Полевая парикмахерская

Артиллеристы — народ закаленный!

В бою силен, в быту опрятен

Эх, путь-дорожка фронтовая...

Свежий номер нарасхват

Медсестра полевого госпиталя М. Ткачёва у койки раненого

Прощание с боевым товарищем

сылки и письма, приезжали с подарками на фронт. «Дорогой фронтовик, наша бригада шлет тебе комсомольский привет...», «Дяденька солдат, эти варежки я связала для тебя сама...», «Здравствуй, незнакомый боец! Пишет тебе девушка из далекой Сибири...» — страна щедро делилась своим душевным теплом с теми, кто ее защищал.

Значительную группу составляли письма девушек незнакомым бойцам и командирам. Упоминание об этом мы находим во фронтовых записках Д. Самойлова: «В войну часто переписывались незнакомые одинокие люди — солдаты, оставившие семью в оккупации, с девушками, брошенными эвакуацией на Урал или в Сибирь. Девушек этих звали «заочницы». Порой такая переписка заканчивалась свадьбой»²⁹.

Фронтовые письма являются, пожалуй, самыми уникальными и искренними свидетельствами того времени. Мысли и чувства разных людей были настолько близки, так совпадали их мечты и надежды, такое было духовное родство у товарищей по оружию, что и чужие письма (сугубо личные!) воспринимались как свои собственные. И тот, кто чувствовал, что сам не сумеет живо и образно передать свое душевное состояние в письме, заимствовал слова у другого. Наиболее яркие письма переписывались и распространялись наравне с любимыми песнями. Заменялись лишь адреса, имена да некоторые детали³⁰. В воинских частях часто практиковалось, что бойцы, хорошо владевшие слогом, писали письма по просьбе менее грамотных товарищей, по-своему излагая их мысли. Об этом свидетельствует в своих воспоминаниях Д. Самойлов, упоминая о существовании такого явления, как солдатские «письмовники»³¹.

«Летописью боя» и «хроникой чувств» назвал в своих стихах фронтовые письма поэт и журналист И. П. Уткин. Но главное, подчеркивая искренность этих документов, многие фронтовики уже тогда считали, что в будущем именно по ним следует сверять свои душевные качества, чтобы поддерживать их на той нравственной высоте, которой достигли на войне, потому что под пулями не лгут, не лицемерят, не думают о том, как бы изысканнее высказаться. «Кончится война, и совсем небезынтересно будет прочитать все эти письма, полученные на фронте, — писал 22 апреля 1943 г. пулеметчик Василий Пластинин. — И по ним сверить свою жизнь и жизнь своих друзей. Ведь сегодняшние дни, а теперь уже годы войны отличает невероятная людская искренность, что ли, обнаженные чувства, отсутствие фальши в отношениях между товарищами. И если кого-нибудь из них я увижу изменившимся, я предьявлю ему его собственное письмо и скажу: «Смотри, каким ты был»³².

Определенные и весьма существенные особенности имела фронтовая повседневность рядового и командного состава. При этом «для окопника глубоким тылом считалось все, что находилось дальше медсанбата, а там жизнь текла совсем другая, «кому война, кому мать родна»³³, — отмечал писатель-фронтовик В. Л. Кондратьев. Психология людей из «второго эшелона» была совершенно иной. Не случайно на фронте так не жаловали «штабных», приписывая им все смертные грехи, исходя из своих, «окопных» критериев нравственной оценки человека — пошел бы с ним в разведку или нет.

Специфика социальных и профессиональных категорий, рядового и командного состава, представителей разных видов и родов войск, безусловно, имела место. «Конечно, точка зрения солдата на войну — одна точка зрения, командира полка — другая, даже на один и тот же бой. Потому что они ведь и смотрят на него с разных точек и имеют в нем, в этом бою, различные задачи, — писал К. М. Симонов. — Я говорю не о политической задаче — общей, нравственной, патриотической, — а о военной задаче в бою»³⁴.

Впрочем, наиболее существенные различия обуславливались в первую очередь характером и степенью ответственности, возложенной на каждого от служебного положения. Рядовой отвечает только за себя, выполняя приказы всех вышестоящих начальников, и его инициатива предельно ограничена рамками этих приказов. Командир любого ранга несет ответственность не только за себя, но и за своих подчиненных, званием и должностью ему дано право посылать их на смерть, и в этом самое трудное его испытание — испытание властью. Чем выше должность, тем большее число людей зависит от его воли, деловых и человеческих качеств. Но над каждым командиром есть другой командир, чья власть еще больше, и его

инициатива тоже ограничена рамками приказов, хотя возможность ее проявить шире, чем у простого солдата. Случалось, что страх перед начальством оказывался сильнее, чем перед врагом, — и самой отвратительной трусостью была не боязнь смерти, а боязнь доложить правду о сложившейся ситуации на позиции: за такой трусостью на войне всегда стоят чьи-то жизни³⁵.

Принадлежность к офицерскому корпусу формировала у людей особый психологический склад. И возрождение ряда традиций, заимствованных у старого офицерского корпуса, не было пустой фразой. В первую очередь, это отражало изменения в политике государства по отношению к армии: «признание, хоть и негласное, у народа — защитника Отечества — определенных прав; создание кадровой армии (гвардия — как в старые времена, укрепление статуса офицерского состава); ликвидация «двуначалия» — института военных комиссаров»³⁶, и как итог, отражающий качественные перемены, — введение формы с погонами, встреченное «с интересом и удовольствием»³⁷. Многие советские офицеры действительно почувствовали себя наследниками и продолжателями славных побед русского оружия. Ведь возвращение прежней воинской атрибутики совпало с переломом в ходе войны и начавшимся наступлением Красной армии.

Впрочем, на фронте были свои, особые законы, вносившие существенные поправки в отношения людей, независимо от их воинского звания. Без крепкой фронтовой спайки выжить было просто невозможно. «Отношения между собой у фронтовых солдат, как правило, были дружеские... — вспоминал Д. Самойлов. — Наши командиры проявляли о нас заботу, были просты в обращении, ничего не заставляли делать зря, да и жили примерно так, как жили мы, одинаково разделяя с нами все опасности и превратности фронтовой жизни. Но на фронте не специально подбирались добрые, заботливые, смысленные и смелые командиры — на фронте была необходимость смелой и взаимной выручки, справедливости и заботы. Командиру, не обладающему подобными качествами, не поверят в бою... Вся обстановка опасности, смерти, единения, ответственности, долга, вся непосредственность и жизненность этих категорий, абстрактных в иное время и в иных обстоятельствах, определяли поведение большинства фронтовых офицеров»³⁸.

Именно среди этой самой многочисленной и близкой к солдатской массе категории взводных и ротных офицеров были наибольшие потери. Если за войну среди командиров Красной армии безвозвратные потери составили более 1 млн человек, или 35% от общего числа офицеров, состоявших на службе в вооруженных силах в период войны, то более 800 тыс. из них приходилось на младших лейтенантов, лейтенантов и старших лейтенантов³⁹. «Младшие офицеры... испытали войну на своей шкуре, в одном окопе с рядовыми, — вспоминал бывший лейтенант Т. Жданович. — В этом вся тяжесть: ты и рядовой, ты и как командир рядовых подними, да и сам в бой. И сам не дрогни, и других сдержи»⁴⁰.

Психологически особенно трудно командовать людьми было именно молодым офицерам, им требовалось прежде всего завоевать у солдат авторитет, подтверждающий их право (не уставное, но моральное) распоряжаться чужими жизнями, несмотря на собственную молодость. А авторитет в бою можно было завоевать только личным примером, подвергая свою жизнь той же степени риска, что и жизнь подчиненных. Это становление и взросление вчерашних школьников, попавших на войну в непривычном качестве человека, наделенного властью, давалось им нелегко. «Не по возрасту тяжкая и страшная ответственность легла на их плечи, — отмечал писатель-фронтовик Г. Я. Бакланов. — И вот им, восемнадцати-девятнадцатилетним, нередко приходилось вести в бой людей, которые были вдвое старше их, и строго требовать, и даже посылать на смерть. А это для молодых и совестливых гораздо труднее, чем самому пойти»⁴¹. У многих солдат, оказавшихся под началом беззлых лейтенантов, были уже взрослые дети, ровесники их командира, и характер взаимоотношений между такими бойцами и командирами был особенно сложен, причудливо сочетая солдатское повиновение и отцовскую заботу и снисходительность у одних и подчеркнутую суровость и уважение к чужому жизненному опыту у других. Для офицеров постарше эта проблема была не такой острой: собственный опыт уравнивал их с подчиненными, лишая, таким образом, ситуацию психологической двойственности.

У каждого вида и рода войск, представителей разных военных профессий также существовали специфика повседневной жизни и особенности восприятия военной действительности, зависящие от ряда факторов, которые можно классифицировать следующим образом: конкретная обстановка и задача каждого бойца и командира в бою; наиболее вероятные (типичные) виды опасности; характер физических и нервных нагрузок; специфика контактов с противником (ближний или дальний); взаимодействие с техникой (видом оружия); особенности военного быта.

Главный фактор, влияющий на психологию родов войск в условиях боевых действий, — специфика видов, форм и степени опасности, присущих каждому из них. «Чувство опасности присутствует у всех и всегда, — писал в 1942 г. К. М. Симонов. — Больше того, продолжаясь в течение длительного времени, оно чудовищно утомляет человека. При этом надо помнить, что все на свете относительно... Человеку, который вернулся из атаки, деревня, до которой достают дальнобойные снаряды, кажется домом отдыха, санаторием, чем угодно, но только не тем, чем она кажется вам, только что приехавшим в нее из Москвы»⁴².

Привыкая к «своему» виду опасности и со временем почти не реагируя на него, солдаты, оказавшись в непривычных условиях, иногда терялись, испытывая чувство страха там, где представители других родов войск чувствовали себя естественно и непринужденно, так как для них именно такая обстановка была повседневной реальностью. Вот как описывает подобную ситуацию бывший танкист, полный кавалер ордена Славы И. Р. Архипкин: «Воевать везде одинаково трудно, что в пехоте, что в танковых... Но, как бы сказать, пехотинцу, он окоп выкопал, лег, понимаете, — и отстреливайся. А если он в танк попадет? Вот у нас десантники были, танкодесантники... Ну, там по несколько человек — по шесть, по восемь на танке, когда сколько. И командир отделения у них, боевой такой парень, симпатичный, красивый, грудь в орденах вся. И вот, бывало, попросим его: давай, мол, в танк залезем... Я, говорит, не могу в нем сидеть: понимаете, вот какое-то ощущение — снаряд прилетит сейчас, попадет... А уж земля, говорит, она меня и укроет, и все тут»⁴³.

На войне каждый видел жизнь через то дело, которым занимался, имея собственный «радиус обзора»: пехотинец — окоп, танкист — смотровую щель танка, летчик — кабину самолета, артиллерист — прицел орудия, врач — операционный стол. Но разница в их восприятии войны была обусловлена еще и тем, что, выполняя каждый по-своему тяжелую солдатскую работу, представители разных родов войск осуществляли ее по-разному: кто-то вблизи, встречаясь с противником лицом к лицу, успевая увидеть его глаза, а кто-то на расстоянии, посылая снаряд или бомбу в намеченную цель и не всегда представляя размеры разрушений и количество смертей, вызванных этим снарядом. Для последних противник не был «очеловечен», представляясь безликой фигуркой на мишени. Другое дело — пехота. Бывшая санинструктор О. Я. Омельченко справедливо отмечала: «Тяжело воевать и летчикам, и танкистам, и артиллеристам, — всем тяжело, но пехоту ни с чем нельзя сравнить»⁴⁴.

XX в. с бурно развивающимся техническим прогрессом предопределил возникновение системы «человек — машина». Военная техника объединяла такое количество людей, какое было необходимо для ее функционирования в бою, создавая тем самым особый вид коллектива со своими внутренними связями: пулеметный и оружейный расчет, танковый и летный экипаж, команду корабля и подводной лодки и другие. Возник и такой феномен человеческих отношений, как «экипажное братство», наиболее ярко проявлявшееся у танкистов и летчиков. Несколько человек в одинаковой степени рисковали жизнью, и жизнь всех членов экипажа в бою зависела от четкости и слаженности действий каждого, от глубины эмоционального контакта между ними, понимания друг друга не только с полуслова, но и с полувзгляда. Чем сильнее были подобные связи, тем больше вероятность уцелеть. Боевая действительность определяла кодекс поведения и взаимоотношения людей.

Еще один аспект проблемы «человек и техника» — это превращение некоторых родов войск в элитарные: не по принципу подбора кадров, а по стратегическому значению в данной войне и формированию особой психологии личного состава. В годы Великой Отечественной войны таким особым сознанием своей значимости отличались бронетанковые

Снайпер Людмила Павличенко

Снайпер Мария Кувшинова

войска, авиация и флот, причем военно-воздушные и военно-морские силы наиболее ярко. В психологическом плане у летчиков и моряков было много общего. В бою и для тех, и для других гибель боевой техники почти всегда означала собственную гибель: самолет, подбитый над территорией противника, оставлял экипажу, даже успевшему выпрыгнуть с парашютом, мало шансов на спасение; у моряков с торпедированного корабля было также мало шансов достичь берега или быть подобранными другим судном. Поэтому среди представителей других родов войск те и другие слыли за отчаянных храбрецов. Впрочем, они и сами старались поддерживать подобную репутацию.

И наконец, отношение человека к своей боевой машине, будь то танк, самолет, корабль или подводная лодка, было «одушевленным»: техника воспринималась почти как живое существо, и если была хоть малейшая возможность ее спасти, даже рискуя собственной жизнью, люди это делали.

Большинством наших воинов война воспринималась как работа, тяжелый труд. И солдат в первую очередь был тружеником — каждый на своем месте. Пехота — «царица полей», великая труженица войны, не была однородной. Она включала в себя множество боевых профессий с присущей им спецификой. Так, в наиболее сложных условиях приходилось действовать снайперу-«охотнику», в течение долгих часов выслеживая врага, чтобы поразить его с первого выстрела, а самому остаться незамеченным, не дать себя обнаружить. Здесь требовались огромная выдержка и хладнокровие, особенно во время снайперской дуэли, когда в смертельный поединок вступали равные по меткости и сноровке противники. Такие же качества требовались и для пехотной разведки, которая всегда была «ближе других к смерти», отправляясь на задание в тыл врага: за языком или в разведку боем, специально вызывая огонь противника на себя. «Я вскоре понял разницу между обыкновенной пехотой и разведкой, — отмечал в военных записках Д. Самойлов. — Назначение пехоты — вести бой. Разведки — все знать о противнике. Вязывание в бой (если это не разведка боем), в сущности, для разведки — брак в работе. Пехоте легче в обороне, особенно в долгосрочной. Разведке легче в наступлении, когда для того, чтобы ворваться в расположение противника, не надо преодолевать минные поля и проволочные заграждения»⁴⁵. Из всех многочисленных видов разведки, за исключением агентурной, пехотная была самой опасной и напряженной.

Не меньшие, чем у пехотинцев, нагрузки приходились на долю артиллеристов, тащивших на себе тяжелые пушки по размытым и разбитым дорогам войны. Велико было и их психологическое напряжение в бою. Не случайно в наводчики орудия выбирали самых волевых и хладнокровных. «В горячке боя взрывы никто не считает, и мысли только об одном: о своем месте в бою, не о себе, а о своем месте. Когда артиллерист тащит под огнем снаряд или, припав к прицелу, напряженно работает рулями горизонтального и вертикального поворота орудия, лоя в перекрестие цель (да, именно цель, редко мелькает мысль: «танк», «бронетранспортер», «пулемет в окопе»), то ни о чем другом не думает, кроме того что надо быстро сделать наводку на цель или быстро толкнуть снаряд в ствол орудия: от этого зависят твоя жизнь, жизнь товарищей, исход всего боя, судьба клочка земли, который сейчас обороняют или освобождают»⁴⁶.

По-разному влияли на представителей разных родов войск и особенности местности, где велись боевые действия, и природно-климатические условия. Характерным примером может служить переход наших войск через пустыню Гоби в ходе Дальневосточной кампании в августе 1945 г. Примечательны в этом отношении воспоминания участника тех событий — бывшего артиллериста А. М. Кривеля: «Для нашего полка воды требовалось больше, чем для любого другого, нужно было напоить лошадей. Наши четвероногие друзья в эти дни научились не хуже человека пить из фляги. И солдаты делили с ними те скудные капли, которые получали из «централизованного» фонда. Еще труднее было танкистам. В металлической коробке танка жаркий, будто расплавленный воздух, руками не тронешь нагретое железо. У всех пересохло в горле, стали сухими губы. Танки передвигались на расстоянии ста метров друг от друга. Взметенный горячий песок набивался внутрь, слепил глаза, лез во все щели, как наждак, перетирал стальные детали гусениц»⁴⁷.

Впрочем, при всех различиях, присущих разным родам войск, те из них, которые отнесли к сухопутным войскам, имели между собой много общего — именно потому, что сражались на земле. У летчиков восприятие боевой обстановки было качественно иным, как и сама обстановка. Они испытывали особый риск и особые нагрузки, причем для каждого вида авиации свои, но эти различия не столь значительны и существенны, так как реальность воздушного боя была единой для всех. «Воздушный бой длится мгновения, — вспоминает бывший летчик-истребитель И. А. Леонов. — И бывали у нас в полку случаи, когда за эти несколько минут у молодых летчиков появлялась седина. Такое испытывали тяжелое нервное напряжение... Сначала видишь в небе крохотные точки. Не можешь даже определить — чьи летят самолеты: свои или чужие. Точки быстро растут. И по одному тому, как к тебе приближается вражеский летчик, идет ли в лобовую атаку — ты можешь определить примерно и опыт его, и норов... В бою, как говорится, приходится вертеть головой на 360 градусов. Отовсюду может достать враг. Бросаешь самолет в такие фигуры, которые в иное время, может быть, и не сделал бы. Ты заворачиваешь вираж, догоняя врага. Или на крутом вираже стараешься оторваться от него. Камнем направляешь машину вниз и круто выводишь из пике. В этот момент испытываешь большие перегрузки: веки сами закрываются, щеки обвисают от натуги, все тело будто налитое свинцом. А самое главное в бою — ты должен в доли секунды принять единственно верное решение. От него зависит — выйдешь ли ты победителем или погибнешь... Мы искали врага в небе, чтобы победить. Приходилось вылетать по четыре-пять раз. Это было очень тяжело даже для молодых, тренированных летчиков. Случалось, кто-нибудь из ребят приведет самолет на аэродром и вдруг тяжело ткнется головой в приборы. Что такое? Ранен? Убит? Нет, потерял сознание от переутомления... Но молодость выручала нас. Пройдет два-три часа, и мы снова готовы к полету»⁴⁸.

У моряков, особенно подводников, были не менее чудовищные физические и нервные нагрузки. Командир подводной лодки Ш-303 Герой Советского Союза капитан 3 ранга И. В. Травкин вспоминал: «Вражеские катера обнаруживают подводников и начинают бомбежку. Лодка оказалась в кольце противолодочных кораблей. Сорок пять часов она уже под водой. Тяжело дышать. У многих началось кислородное голодание. Чтобы меньше был расход кислорода, люди лежат — таков приказ командира. Слипаются глаза, клонит ко сну... Лодку сильно бомбят, и она ложится на грунт. Почти два часа продолжается бомбежка. Два часа ада... Чтобы уменьшить шумы на лодке, краснофлотцы сняли обувь, обмотали ветошью ноги и двигаются по палубе неслышно. Обстановка тяжелая. Люди задыхаются. Немеют пальцы, деревенеют подошвы ног, тело покалывает иголками. Уснул электрик Савельев. Дышит тяжело. На губах розовая пена... Мы не знаем, когда наступит смерть от удушья. По теоретическим расчетам, нам полагалось задохнуться после трех суток пребывания под водой»⁴⁹. Лодке удалось вырваться из блокады, пройдя под водой через минное поле. Выдержать подобное напряжение мог не каждый.

Но вот еще одна сторона войны — в восприятии тех, кто по роду своей службы спасал от смерти, облегчал страдания искалеченных, возвращал раненых в строй. «Мало кто задумывался и задумывается над тем, какие переживания выпали в годы войны на долю медицинского персонала наших войск, — пишет бывший военврач Г. Д. Гудкова. — А между тем война — даже в периоды успешных наступательных операций — оборачивалась к нам, медикам, исключительно тягостной, губительной стороной. Мы всегда и везде имели дело с муками, страданиями и смертью. Наблюдать это нелегко. Еще тяжелее хоронить тех, кого не сумел выводить, спасти. Тут не выручает никакой профессионализм... На войне мучения и страдания, даже гибель становится повседневным, рядовым делом миллионов сильных, здоровых, как правило, именно молодых людей. Да и спасать жертвы войны приходится, не зная, избавишь ли их от новых мук или от неисправимой беды»⁵⁰. Большинство фронтовиков, связавших впоследствии свою судьбу с медициной, сделали это в знак высшей благодарности к тем, кто спасал им жизнь на фронте, в медсанбатах и госпиталях.

Еще один специфический ракурс фронтовой повседневности Великой Отечественной войны — массовое, по сравнению со всеми предшествующими войнами, участие в ней жен-

щин, признанное и по характеру, и по масштабу историческим и социально-психологическим феноменом. За шесть предвоенных лет курс занятий в организациях Осоавиахима по противовоздушной и химической обороне прошли 38 млн человек, треть из которых были девушки. Сотни тысяч девушек овладели стрелковым оружием, разнообразными авиационными и морскими специальностями, десятки тысяч стали радистками, медсестрами, освоили парашютное дело, автодело.

С началом войны сотни тысяч женщин устремились в армию, не желая отставать от мужчин, чувствуя, что способны наравне с ними вынести все тяготы воинской службы, а главное — утверждая за собой равные с ними права на защиту Отечества. Они добровольцами вступали в ряды Красной армии, в дивизии народного ополчения.

Женщины в СССР не были военнообязанными, хотя законодательство Советского Союза предусматривало в случае необходимости привлечение их в ряды Красной армии⁵¹. Статья 13 закона «О всеобщей воинской обязанности», принятого четвертой сессией Верховного Совета СССР 1 сентября 1939 г., предоставила народным комиссариатам обороны и Военно-морского флота «право брать на учет и принимать на службу в армию и на флот женщин, имеющих медицинскую, ветеринарную и специально-техническую подготовку, а также привлекать их на учебные сборы»⁵². В военное время женщины, имевшие такую подготовку, могли быть призваны в армию и на флот для несения вспомогательной и специальной службы.

Первыми были мобилизованы врачи и медперсонал 1905—1918 гг. рождения. Во время войны в действующей армии женщины составляли 41% фронтовых врачей, 43% военных хирургов и военных фельдшеров и 40% санинструкторов и санитаров⁵³. В 1941—1945 гг. по линии Красного Креста 300 тыс. женщин получили специальности медицинских сестер, 300 тыс. — санитарок, свыше 500 тыс. — сандружинниц МПВО⁵⁴. Они спасали жизнь раненым, вынося их из-под огня на поле боя, эвакуировали в тыл, лечили в медсанбатах и госпиталях, вернули в строй 72% раненых и 91% больных защитников Отечества. Благодаря их усилиям за время войны в армии не было эпидемий. За мужество и неустанный труд в годы войны 40 тыс. женщин-медиков были удостоены различных наград, 16 получили звание Героя Советского Союза, одна стала полным кавалером ордена Славы⁵⁵.

17 сентября 1941 г. постановлением Государственного Комитета Обороны «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» в стране было введено всеобщее военное обучение. 21 ноября 1942 г. был издан приказ народного комиссара обороны СССР о начальной подготовке и обучении военным специальностям женщин в комсомольско-молодежных спецподразделениях Всевобуча⁵⁶. Всего за время войны без отрыва от производства военную подготовку прошли свыше 222 тыс. женщин, из них получили специальность минометчиц — 6097, станковых и ручных пулеметчиц — 12 318, автоматчиц — 15 290, связисток — 29 509, специалистов для подразделений военно-автомобильных дорог — 11 061⁵⁷.

На базе Центральной школы инструкторов-снайперов при Главном управлении Всевобуча НКО действовали курсы по подготовке женщин-снайперов. «Многие женщины постигали искусство снайперской стрельбы прямо на фронте, проходя обучение в частях и соединениях действующей армии»⁵⁸. 21 мая 1943 г. приказом НКО женские курсы отличных стрелков снайперской подготовки были переформированы в Центральную женскую школу снайперской подготовки (ЦЖШСП)⁵⁹. За время своего существования школа сделала семь выпусков, подготовила 1061 снайпера и 407 инструкторов снайперского дела⁶⁰. В январе 1944 г. школа стала Краснознаменной. Выпускницы женской школы воевали на всех фронтах, уничтожили тысячи фашистских солдат и офицеров. 492 из них были награждены орденами и медалями, пять женщин-снайперов — Н. В. Ковшова, Т. И. Костырина, А. Н. Молдагулова, Л. М. Павличенко, М. С. Поливанова получили звание Героя Советского Союза, а Н. П. Петрова одна стала полным кавалером ордена Славы⁶¹.

В годы войны были созданы 1-я отдельная женская добровольческая стрелковая бригада, 1-й отдельный женский запасной стрелковый полк и другие⁶². Но самым уникальным явлением стало создание боевых авиационных частей из летчиц-добровольцев, учитывая их горячее желание идти на фронт.

Пулеметчица З. Козлова

Командир женского авиаполка Е. Д. Бершанская ставит боевую задачу своим подчиненным

Командир танковой роты старший лейтенант Е. С. Кострикова

8 октября 1941 г. нарком обороны СССР издал приказ «О сформировании женских авиационных полков ВВС Красной армии»⁶³: 588-го ночного бомбардировочного авиаполка, ставшего впоследствии 46-м гвардейским; 587-го авиаполка дневных бомбардировщиков, ставшего затем 125-м гвардейским, и 586-го истребительного авиаполка ПВО. Их формирование было поручено прославленной летчице, штурману экипажа «Родина», в сентябре 1938 г. совершившего легендарный беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток, Герою Советского Союза М. М. Расковой. Командиром 586-го истребительного авиаполка стала одна из опытейших летчиц страны майор Т. А. Казаринова. Майор М. М. Раскова была назначена командиром 587-го бомбардировочного авиаполка. 588-й ночной легкомобомбардировочный авиаполк возглавила майор Е. Д. Бершанская⁶⁴.

Советские женщины сражались как в составе отдельных «женских» полков, так и в обычных «мужских» частях во всех видах авиации (истребительной, штурмовой, бомбардировочной), проявили исключительное мужество и внесли свой весомый вклад в достижение победы над врагом. Так, с марта 1942 г. полком авиации дальнего действия, а затем бомбардировочным авиаполком командовала Герой Советского Союза В. С. Гризодубова, получившая в 1943 г. воинское звание полковника. Истребители Т. У. Памятных и Р. Н. Сурначевская 19 марта 1943 г. вели неравный бой с 42 «юнкерсами», прикрывая железнодорожную станцию. За мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны 32 женщины-летчицы и штурмана стали Героями Советского Союза, а стрелок-радист Н. А. Журкина — полным кавалером ордена Славы⁶⁵.

Женщины попадали в армию не только на добровольной основе, но и по мобилизации. «Годные к военной службе женщины в возрасте от 19 до 30 лет призывались и направлялись в войсковые части и учреждения, а в возрасте до 45 лет — в стационарные тыловые учреждения. Освобождались от призыва в армию, на флот и в войска НКВД женщины, обремененные семьей и беременные, а также работавшие на предприятиях оборонной промышленности, в органах НКВД и НКГБ, на железнодорожном и водном транспорте, студентки высших учебных заведений и техникумов». Кроме женщин-военнослужащих были вольнонаемные, которые трудились «в штабах всех инстанций и в войсках на должностях обслуживающего персонала военно-медицинских, продовольственных (полевых хлебозаводов, пищеблоков), вещевых, банно-прачечных, ремонтных и других учреждений»⁶⁶.

«В связи с созданием многомиллионных армий, развитием техники, вооружений, большими потерями на фронте, привлечение женщин на военную службу становится велением времени, необходимой потребностью. И вот уже сотни тысяч женщин различных возрастов и специальностей находятся в действующей армии: на машинах зенитных установок, в войсках связи, снайперами, за штурвалом самолета и рычагами управления танком, в матросских бушлатах и с флажками регулировщика в руках. Практически не было той воинской специальности, в которой женщины не сражались бы вместе с мужчинами за свое Отечество в 1941—1945 гг.»⁶⁷

Так, 26 марта 1942 г. во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны СССР от 25 марта 1942 г. вышел приказ НКО СССР о мобилизации 100 тыс. девушек в войска ПВО⁶⁸. В октябре 1942 г. по решению ГКО была проведена вторая массовая мобилизация женщин в войска ПВО. К январю 1943 г. по комсомольским путевкам туда пришли 123 884 девушки-добровольца. Всего же с апреля 1942 по май 1945 г. в войсках ПВО служили до 300 тыс. женщин. В некоторых полках и дивизиях они составляли от 50 до 100% личного состава. К концу войны удельный вес женщин достиг 24% контингента Войск ПВО⁶⁹.

Много женщин служило в частях и на узлах связи. Уже в августе 1941 г. в войска связи были призваны 10 тыс. девушек. 13 и 14 апреля 1942 г. были изданы приказы наркома обороны № 0276 «О замене ряда должностей красноармейцев в частях связи женщинами» и № 0284 «О мобилизации в войска связи женщин для замены красноармейцев»⁷⁰. В 1941—1945 гг. женщины составляли 12% личного состава войск связи, а в отдельных подразделениях — до 80%⁷¹. «Высвобождающиеся из фронтовых, армейских и запасных частей связи мужчины-связисты направлялись на укомплектование и пополнение стрелковых дивизий, бригад, артиллерийских, танковых, минометных частей, находившихся на фронте»⁷².

Приказом наркома обороны от 19 апреля 1942 г. для замены красноармейцев-мужчин 40 тыс. женщин были мобилизованы в Военно-воздушные силы на должности специалистов связи, шоферов, кладовщиков, делопроизводителей, писарей, поваров, библиотекарей, бухгалтеров и других административно-хозяйственных работников, а также стрелков-вооруженцев⁷³.

5 мая 1942 г. вышло постановление Государственного Комитета Обороны о мобилизации 25 тыс. девушек-комсомолок и некомсомолок-добровольцев в Военно-морской флот «в целях более рационального использования рядового и младшего начальствующего состава мужского пола», а 6 мая — соответствующий приказ народного комиссара ВМФ СССР⁷⁴. 10 мая Главное политическое управление ВМФ издало специальную директиву об организации политической работы с мобилизованными девушками⁷⁵.

3 июня 1942 г. был издан приказ НКО о замене командного и начальствующего состава, который по характеру работы мог быть заменен начсоставом, ограниченно годным и старшими возрастами, а также женщинами-военнослужащими и вольнонаемными⁷⁶.

Женщины служили в бронетанковых и механизированных войсках не только на вспомогательных должностях. Были среди них механики-водители, стрелки-радисты, командиры танков и танковых подразделений. М. В. Октябрьская и И. Н. Левченко стали Героями Советского Союза.

Маршал Советского Союза А. И. Ерёменко писал: «Едва ли найдется хоть одна военная специальность, с которой не справились наши отважные женщины так же хорошо, как их братья, мужья и отцы»⁷⁷. Они воевали летчицами и танкистами, пулеметчицами, автоматчицами, минометчицами, саперами, минерами, артиллеристами, разведчицами, снайперами, зенитчицами и прожектористками, водителями и регулировщицами. Тысячи женщин-офицеров готовили военные училища во многих городах страны — и они командовали расчетами, взводами, ротами, полками, служили политработниками, участвовали в решающих операциях Красной армии на всех фронтах. А в тылу врага свыше 100 тыс. женщин сражались в партизанском движении, в партийном и комсомольском подполье⁷⁸.

В изданном в 2010 г. статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь» утверждается, что «за период Великой Отечественной войны всего были призваны на военную службу 490 235 женщин»⁷⁹. Впрочем, в это число не вошли женщины, относящиеся к целому ряду вспомогательных служб и вольнонаемному составу: подсчитать их точное количество авторам статистического сборника не удалось.

До сих пор неизвестны соотношения вольнонаемных и военнослужащих, добровольцев и мобилизованных, их социальный, образовательный, национальный состав и семейное положение. Официальная статистика не выделяет женщин в особую группу при подсчете военных потерь, умалчивает о количестве раненых, контуженых и ставших инвалидами женщин-комбатантов. В уже упомянутой «Книге потерь» также констатируется: «Потери среди женщин и лиц вольнонаемного состава отдельной строкой не выделялись, поэтому число погибших, умерших и пропавших без вести военнослужащих-женщин показывалось в графах, соответствующих их воинским званиям, вместе с потерями всего личного состава войск, а лица вольнонаемного состава показывались в графе «рядовые». По этой причине не представляется возможным определить точное число потерь среди этой категории лиц. Они учтены в общем количестве потерь военнослужащих»⁸⁰.

Женская судьба на войне особенно тяжела и трагична. Просясь на фронт, девушки и женщины были готовы к подвигу, но не к армейским будням, и то, с чем им пришлось столкнуться на войне, стало для них неожиданностью. Гражданскому человеку всегда трудно перестроиться «на военный лад», а женщине особенно. Армейская дисциплина, солдатская форма не всегда по росту, мужское окружение, тяжелые физические нагрузки, трудности быта, проблемы гигиенического характера — все это явилось нелегким испытанием. Но это была именно та «будничная вещественность войны, о которой они, когда просились на фронт, не подозревали»⁸¹.

Потом был и сам фронт с ежеминутной опасностью и «вечно преследующим, но скрываемым страхом»⁸². Впоследствии они сами удивлялись тому, что смогли все это выдержать. И послевоенная психологическая реабилитация у женщин проходила сложнее, чем у мужчин: слишком велики для женской психики подобные эмоциональные нагрузки. «Мужчина, он мог вынести, — вспоминала бывший снайпер Т. М. Степанова. — Он все-таки мужчина. А вот как женщина могла, я сама не знаю. Я теперь, как только вспомню, то меня ужас охватывает, а тогда все могла: и спать рядом с убитым, и сама стреляла, и кровь видела, очень помню, что на снегу запах крови как-то особенно сильный... Вот я говорю, и мне уже плохо... А тогда ничего, тогда все могла»⁸³.

По мере роста числа женщин-военнослужащих и вольнонаемных в армии, начиная с 1942 г., издавались специальные «женские» приказы и постановления: например, приказы наркома обороны СССР от 12 августа 1942 г. «О выдаче некурящим женщинам шоколада или конфет взамен табачного довольствия»⁸⁴, от 11 апреля 1943 г. «Об увеличении нормы выдачи мыла женщинам-военнослужащим»⁸⁵.

Не остался без внимания и такой вопрос, как медицинское обслуживание женщин⁸⁶. Так, в 1943 г. в издательстве «Медгиз» вышла специальная брошюра «Указания по организации гинекологической лечебно-профилактической помощи женщинам, служащим в Красной армии», в которой отмечалось, что «особенности физиологии женщины требуют серьезного внимания к организации ряда специфических мероприятий лечебного и профилактического порядка»⁸⁷. Составителями брошюры были начальник Главного военно-санитарного управления Красной армии генерал-полковник медицинской службы Е. И. Смирнов и главный гинеколог Красной армии полковник медицинской службы И. Ф. Жордания, основавший в период войны самостоятельный раздел военной медицины — военную гинекологию, разработавший систему оказания медицинской помощи раненым и больным женщинам на различных этапах медицинской эвакуации.

В число обязательных лечебно-профилактических мероприятий были включены периодические медицинские осмотры военнослужащих женщин, организованы циклы первичной подготовки медицинских сестер и врачей по акушерству и гинекологии, проводились ежегодные научно-практические конференции военных гинекологов фронтов⁸⁸. В армейских госпиталях развертывались женские палаты, во фронтовых госпиталях — гинекологические отделения. Всего в составе каждой армейской и фронтовой госпитальной базы в 1943—1944 гг. имелось до 300 гинекологических коек⁸⁹. Были созданы и специальные женские госпитали. Так, 1 октября 1943 г. на Ленинградском фронте впервые в Красной армии эвакуационный госпиталь № 1443 на тысячу коек был переформирован в женский⁹⁰.

Особыми нормативными документами регулировались нередкие случаи, когда женщины демобилизовывались из армии по беременности. 1 сентября 1942 г. вышло сразу два постановления Совета народных комиссаров СССР: № 1458 «О порядке выдачи пособий по беременности и родам работницам и женщинам-служащим вольнонаемного состава войсковых частей и учреждений действующих Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД СССР на военное время»⁹¹ и № 1459 «О порядке выдачи пособий по беременности и родам женщинам-военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава, уволенным из Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД СССР на военное время»⁹²; а также приказы наркома обороны СССР № 269 от 10 сентября 1942 г. «О порядке обеспечения при временной нетрудоспособности вольнонаемного состава войсковых частей и учреждений действующей армии и о порядке выдачи пособий по беременности и родам»⁹³ и заместителя наркома обороны № 187 от 28 сентября 1944 г. «О предоставлении льгот беременным женщинам и матерям»⁹⁴.

11 июля 1944 г. был издан приказ заместителя наркома обороны СССР № 0201 «О введении обязательных ежемесячных медицинских осмотров всего личного состава Красной армии»⁹⁵ — офицерского, сержантского, рядового и вольнонаемного, как мужчин, так и женщин, с целью предотвращения распространения венерических заболеваний.

Командир экипажа Пе-2 М. Долина

Регулировщица

Военный водитель Н. К. Ядыгарова

Феномен участия женщины в войне сложен уже в силу особенностей женской психологии, а значит, и восприятия ею фронтовой действительности. «Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания, — подчеркивала С. А. Алексиевич. — Если мужчину война захватывала как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии: бомбежка, смерть, страдание — для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны — физические и моральные, она труднее переносила «мужской» быт войны»⁹⁶. В сущности, то, что пришлось увидеть, пережить и делать на войне женщине, было чудовищным противоречием ее женскому естеству.

Другая сторона феномена — неоднозначное отношение военного мужского большинства, да и общественного мнения в целом к присутствию женщины в боевой обстановке, в армии вообще. Психологи отмечают у женщин более тонкую нервную организацию, чем у мужчин. Самой природой заложена в женщине функция материнства, продолжения человеческого рода — женщина дает жизнь, и тем противоестественнее кажется словосочетание «женщина-солдат», «женщина-воин».

Не все женщины, служившие в армии в годы войны, оказались непосредственно на передовой: были и вспомогательные службы, на которых требовалось заменить ушедших на фронт мужчин, и службы «чисто женские», как, например, в банно-прачечных отрядах. Наше сознание спокойно воспринимает женщину-телефонистку, радистку, связистку, врача или медсестру, повара или пекаря, шофера и регулировщицу, то есть те профессии, которые не связаны с необходимостью воевать. Но летчик, снайпер, стрелок, автоматчик, зенитчик, танкист и кавалерист, матрос и десантник — это уже нечто иное. Жестокая необходимость толкнула женщину на этот шаг, и желание самой защищать Отечество от беспощадного врага, обрушившегося на ее землю, ее дом, ее детей — священное право!

Но не только это «несоответствие» женской природы и представлений о ней тому жестокому, но неизбежному, что требовала служба в армии, на фронте, вызывало противоречивое отношение к женщинам на войне. Чисто мужское окружение, в котором им приходилось находиться в течение длительного времени, создавало немало проблем. С одной стороны, для солдат, надолго оторванных от семьи, в том их существовании, где, по словам Д. Самойлова, «насушной потребностью были категории дома и пренебрежения смертью, — единственным потребком тепла и нежности была женщина», а потому «была величайшая потребность духовного созерцания женщины, приобщения к ее миру... потому так усердно писали молодые солдаты письма незнакомым «заочницам», так ожидали ответного письма, так бережно носили фотографии в том карманчике гимнастерки, через который пуля пробивает сердце»⁹⁷. Об этой потребности «духовного созерцания женщины» на фронте вспоминают и сами фронтовички. «Женщина на войне... Это что-то такое, о чем еще нет человеческих слов, — говорит бывшая санинструктор О. В. Корж. — Если мужчины видели женщину на передовой, у них лица другими становились, даже звук женского голоса их преображал»⁹⁸. По мнению многих, присутствие женщины на войне, особенно перед лицом опасности, облагораживало человека, который был рядом, делало его «намного более храбрым»⁹⁹.

Но существовала и другая сторона проблемы, ставшая темой сплетен и анекдотов, породившая насмешливо-презрительный термин ППЖ (походно-полевая жена). Такое тоже было. Но вот что характерно: особенно охотно злословили по этому поводу в тылу те, кто предпочитал отсиживаться подальше от передовой, за спинами тех же девчонок, ушедших на фронт добровольцами.

Рождались на фронте и подлинные, возвышенные чувства, самая искренняя любовь, особенно трагичная потому, что у нее не было будущего — слишком часто смерть разлучала влюбленных. Но тем и сильна жизнь, что даже под пулями заставляла людей любить, мечтать о счастье, побеждать смерть. И осуждать их за это из далекого тыла, пусть голодного, холодного, но все-таки относительно безопасного, было куда безнравственнее.

Девушка-санинструктор сопровождает раненого солдата

Медсестры Северного флота

О том, как непросто складывались на войне женские судьбы, свидетельствует подборка писем женщин-военнослужащих, обнаруженная в делах политотдела 19-й армии за февраль 1945 г. Эти копии были сняты военной цензурой и «проанализированы» работниками политотдела «для улучшения партийно-политической работы среди женщин армии»¹⁰⁰. В них, как в зеркале, отражается вся трагедия женщины на войне, те горькие, порой неприглядные стороны, о которых не принято говорить. Спектр мыслей, чувств, настроений авторов писем чрезвычайно широк, они предельно искренни и интимны, явно не предполагая бесцеремонного вмешательства цензуры в свою личную жизнь.

Среди многих других сюжетов в письмах женщин-военнослужащих ярко и многосторонне раскрывается проблема взаимоотношений мужчин и женщин на фронте. Интересен тот факт, что фронтовая мораль гораздо строже осуждала неверную жену, оставшуюся дома и изменившую мужу-фронтовику с «тыловином», чем фронтовую подругу, по-женски пожалевшую солдата, идущего на смерть. К. М. Симонов по этому поводу писал: «Мы, говоря о мужчинах на войне, привыкли все-таки, беря в соображение все обстоятельства, главным считать, однако, то, как воюет этот человек. О женщинах на войне почему-то иногда начинают рассуждения совсем с другого. Не думаю, чтобы это было правильно»¹⁰¹.

Бывшие солдаты с благодарностью вспоминают сестреночек, которые выносили их, раненых, с поля боя, выхаживали в медсанбатах и госпиталях, сражались с ними рядом в одном строю. Женщина — друг, соратник, боевой товарищ, делившая все тяготы войны наравне с мужчинами, воспринималась ими с подлинным уважением.

За заслуги в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны свыше 150 тыс. женщин были награждены боевыми орденами и медалями. Более 200 человек стали кавалерами ордена Славы 2-й и 3-й степеней, а четыре женщины — воздушный стрелок-радист Н. А. Журкина, снайпер Н. П. Петрова, пулеметчица Д. Ю. Станилиене и санинструктор М. С. Нечепорчукова (Наздрачёва) — стали полными кавалерами ордена Славы¹⁰². 87 советским женщинам присвоено звание Героя Советского Союза¹⁰³. Более 650 женщин из числа участвовавших в освобождении Европы награждены правительственными наградами Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии, Югославии и других стран¹⁰⁴.

Повседневная жизнь городского населения и сельских жителей в условиях войны

Великая Отечественная война круто изменила жизнь городских и сельских жителей СССР. Эвакуация больших масс населения и промышленных предприятий в восточные районы страны, потеря значительных территорий, в том числе житниц страны, сказались на жизни советского общества. Хлеб, продукты питания, а также большинство товаров повседневного спроса выдавались по карточкам. Не хватало жилья, топлива, электроэнергии. Работа городских коммунальных служб и транспорта в условиях военного времени ухудшилась. В то же время производственная нагрузка на каждого работника, особенно в сельской местности, максимально возрастала, а время отдыха сокращалось до минимума, ужесточались трудовая дисциплина и меры наказания за ее нарушения.

Общее горе сплотило советских людей, укрепило тыл, вызвало в рабочей и крестьянской среде готовность трудиться не покладая рук во имя общей победы. Жители городов и деревень знали, что выплавленная ими сталь, произведенные снаряды, выращенный хлеб и другие продукты сейчас крайне необходимы стране, фронту. Главным лейтмотивом их жизни стали патриотизм, воля к победе, сплоченность, искреннее стремление трудиться с полной отдачей сил, помогать армии бить врага до полной победы.

Война привнесла свою крайне сложную, а порой и жестокую специфику в жизнь городского населения. Повседневная жизнь городов тыловых районов была особенно тяжелой в первый период войны. Массовый приток эвакуированных в тыл породил колоссальные трудности по их размещению, обеспечению продовольственными и промышленными товарами, трудоустройству и прочему. Возможности жилищно-коммунальной сферы были и без того чрезвычайно ограниченными, а строительство жилья шло медленно. 13 сентября 1941 г. было принято специальное постановление СНК СССР «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» за счет государственного бюджета и кредитования.

Эвакуированных рабочих, служащих, их семьи пришлось размещать преимущественно в общежитиях и на частных квартирах. Общежития были переполнены, не хватало кухонь, отсутствовали водопровод и канализация, что заметно снижало общий санитарный уровень жилья и повышало угрозу распространения инфекционных заболеваний. Перенаселены были и частные квартиры в результате уплотнения местных жителей. Семьи (иногда их было от трех до пяти) часто проживали в одной квартире, порой в одной комнате разместились по две и более семьи. Средняя норма на человека составляла примерно 3 кв. метра¹⁰⁵.

И все же, несмотря на сложности военного времени, согласно правительственному постановлению в 1941 и 1942 гг. в тыловых городах, принявших эвакуированных, были построены тысячи квадратных метров жилых помещений упрощенного типа. Так, в Новосибирске в самый тяжелый период войны, осенью 1941 и в начале 1942 г., было сдано в эксплуатацию свыше 202 тыс. кв. метров жилых помещений; в Томске за первый год войны для размещения эвакуированных граждан было сдано дополнительной площади более чем на 25 тыс. кв. метров¹⁰⁶.

Во второй половине 1942 г. жилищные условия горожан начали улучшаться: активизировалось жилищное строительство, налаживалась работа коммунальных служб по водоснабжению и канализации, отоплению и освещению жилья. Администрация многих эвакуированных предприятий проводила ремонт жилых помещений, занималась их санитарной обработкой¹⁰⁷.

Однако немалые проблемы в области снабжения населения продовольственными и промышленными товарами оставались. В зависимости от отраслей народного хозяйства рабочие, инженерно-технические работники, служащие, а также их иждивенцы и дети снабжались хлебом и сахаром по первой или второй категориям. По первой категории снабжались работники предприятий оборонной, нефтяной, угольной, химической промышленности, машиностроения и станкостроения, металлургии, электростанций, строек черной и цветной металлургии, предприятий и строек Главвоенстроя, железнодорожного строительства, строительства шахт. К первой категории на период проведения сезонных работ были отнесены также работники лесной, торфяной и рыбной промышленности. Рабочие и служащие других отраслей народного хозяйства и остальное городское население снабжалось по нормам второй категории. Снабжение населения другими продовольственными продуктами по карточкам практически не осуществлялось, кроме детских продовольственных карточек¹⁰⁸.

Осенью 1943 г. в связи с выделением продовольственных ресурсов для населения освобожденных районов нормы хлеба были еще более снижены. Ухудшилось и качество питания. Важно отметить, что это снижение наблюдалось при повышенных физических и морально-психологических нагрузках. На многих промышленных предприятиях работали в две смены по 11 часов без выходных дней. Рабочие оборонных заводов не уходили домой даже на ночь, отдыхали прямо около станков. Плохое питание и большие нагрузки у большинства населения порождали истощение, авитаминоз, желудочно-кишечные болезни, способствовали распространению легочных и инфекционных заболеваний¹⁰⁹.

Квалифицированной медицинской помощи в городах не хватало. Сказывались и увеличение населения в городах, и мобилизация врачей в армию. В селах, несмотря на то что часть больных лечилась в городах, ситуация была еще тяжелее. Остро ощущалась нехватка лекарственных препаратов и медицинского оборудования. Сложность проблемы усугублялась тем, что часть предприятий фармацевтической промышленности оказалась на оккупированной территории.

Недостаточность медицинского обслуживания и медикаментов в условиях резкого ухудшения жизненных условий, нагрузок и стрессовых ситуаций обусловила повышение смертности населения, о чем свидетельствуют данные помесечной регистрации актов гражданского состояния тыловых территорий РСФСР. С июля 1941 г. смертность горожан начала быстро расти, а в конце года стала особенно высокой. Смертность населения продолжала расти и в 1942 г.: в марте, апреле и мае был зафиксирован самый высокий коэффициент смертности городских жителей за все годы войны. Так, показатели смертности выросли в городах Горьковской области — в 1,6 раза, Вологодской — в 3 раза, Кировской — в 1,9 раза, в Татарской АССР — в 1,8 раза, в Куйбышеве — в 1,6 раза, в Казани — в 2 раза¹¹⁰.

Лишь с июня 1942 г. коэффициент смертности начал постепенно снижаться. В последующие годы эта тенденция приобрела устойчивый характер. В 1944 г. по отношению к 1942 г. смертность населения сократилась в городах Кировской и Иркутской областей — в 2 раза, в Татарской АССР — в 2 раза, в Архангельской области — в 4 раза, в Молотовской — в 3 раза, в Горьковской и Вологодской областях — в 6 раз¹¹¹. Позитивные изменения в предотвращении роста заболеваемости и смертности населения в годы войны были связаны с рядом причин, прежде всего улучшением медицинского обслуживания.

С 1942 г. были введены дополнительные карточки для питания рабочих, занятых на тяжелых работах. Такими карточками также пользовались беременные женщины и кормящие матери, доноры и больные. Дополнительное горячее питание выдавалось рабочим, выполняющим и перевыполняющим производственные нормы. Было организовано питание для детей дошкольного и школьного возраста. Положительную роль в улучшении питания горожан сыграло постановление СНК СССР от 7 апреля 1942 г. «О выделении земель для подсобных хозяйств под огороды рабочих и служащих», стимулировавшее развитие коллективного и индивидуального огородничества. С 1943 г. начались продовольственные поставки из-за рубежа. С 1945 г. стали восстанавливаться нормы выдачи хлеба, действовавшие до ноября 1943 г.

Оказывалась специальная помощь матери и ребенку. Важную роль в этом сыграл указ Президиума Верховного Совета СССР, принятый 8 июля 1944 г. Так, предусматривалось увеличение государственной помощи многодетным и одиноким матерям. Одновременно вводилось государственное пособие одиноким матерям, не состоявшим в браке, на содержание и воспитание детей, родившихся после указа, до достижения ими двенадцатилетнего возраста. Существенно были увеличены льготы беременным женщинам. Наряду с этим родители, имевшие трех детей при зарплате до 400 рублей в месяц, четырех детей при зарплате до 600 рублей в месяц, а также пятерых и более детей независимо от заработка, освобождались на 50% от платы за помещение детей в ясли и детские сады. В то же время предусматривалось создание яслей и детских садов, а также комнат матери и ребенка на предприятиях и учреждениях с массовым применением женского труда¹¹².

За годы войны в СССР были мобилизованы 29,6 млн, в РСФСР — 21,2 млн граждан¹¹³. Мобилизация значительно изменила возрастнополовой состав населения городов и сел в сторону численного увеличения женщин, что существенно деформировало брачную структуру. Особенно низкий уровень числа заключенных браков фиксировался в 1942 г. Так, в городах Приморского края брачность в 1942 г. по отношению к 1941 г. сократилась на 57,6%, Челябинской области — на 56,9%, Хабаровского края — на 55%, Новосибирской области — на 51,4%, Саратовской — на 50,3%, Горьковской — на 47,3%, Куйбышевской — 46,3%. Предельно низкими были показатели брачности в 1943 г. В Сибири — на 1 тыс. человек фиксировалось три брака в городах и два в селах¹¹⁴. Существенно понизились коэффициенты брачности в уральских городах. В Свердловске, например, уровень брачности составлял: в 1942 г. — 3,8%, в 1943 г. — 3,6%.

Увеличение брачности городского населения стало наблюдаться только в 1943 г. и особенно в 1944 и 1945 гг. Значительным фактором повышения брачности были изменения в законодательстве о браке и семье. 8 июля 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ, устанавливавший, в отличие от Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 г., юридическую силу только за зарегистрированными браками в органах записи актов граждан-

ского состояния. В указе отмечалось, что только зарегистрированный брак порождал права и обязанности супругов, то есть был юридически действительным. Лицам, состоявшим в фактически брачных отношениях до издания этого указа, предлагалось зарегистрировать брак с указанием срока фактической совместной жизни.

Снижение уровня брачности влияло на изменение уровня рождаемости, что было связано также с тяжелейшими условиями быта и труда, повышенным физическим и психологическим напряжением, в целом негативно влиявшими на здоровье женщин. Из данных статистики видно: на 1 тыс. человек, зарегистрированных ЗАГСами, в тыловых городах РСФСР рождаемость составляла: в 1941 г. — 34,1, в 1942 г. — 20,2, в 1943 г. — 13,3, в 1944 г. — 14,9¹¹⁵.

В условиях войны значительно увеличилось число детей-сирот. Многие из них попадали в детские дома. Дополнительно к уже существовавшим до войны дошкольным, школьным и так называемым смешанным (для детей-родственников разных возрастов) детским домам в военное время были созданы новые учреждения: школьные интернаты, колхозные детские дома, специальные детские дома для детей воинов Красной армии и партизан, детские дома для детей иностранцев и другие. Всего к 1946 г. в СССР насчитывалось 5390 детских домов (560 тыс. человек), в том числе в РСФСР — 3700 детских домов (375 тыс. человек). Из детских домов и приемников-распределителей на воспитание в семью были взяты тысячи детей. В РСФСР таких детей к 1945 г. насчитывалось 308 тыс.

Президиум Верховного Совета СССР 8 сентября 1943 г. принял специальный указ «Об усыновлении», где устанавливалось, что по просьбе усыновителя усыновляемому ребенку, не достигшему десятилетнего возраста, могут быть присвоены фамилия и отчество по имени усыновителя. Кроме того, усыновители могли быть вписаны в актовые книги о рождении в качестве родителей усыновляемого. Однако при усыновлении детей, достигших десятилетнего возраста, присвоение им фамилии и отчества по имени усыновителя, а также запись усыновителей в качестве родителей не допускались без согласия детей¹¹⁶.

Война тяжелым бременем легла на мирное население, чрезвычайно усложнив его повседневную жизнь. Тяжелая морально-психологическая атмосфера, гибель родных и близких, труд во имя Победы на пределе физических возможностей усугублялись тяжелыми условиями быта, недостатком питания и тепла. Однако принятые в военные годы социально-демографические и экономические меры способствовали улучшению жилищных и санитарно-гигиенических условий жизни россиян, питания, медицинского обслуживания, что привело к постепенному сокращению числа смертей и повышению рождаемости и помогало преодолевать тяготы военного времени.

В течение первых пяти месяцев 1941 г. через военкоматы было призвано в армию 340 тыс. жителей Москвы¹¹⁷. Многие шли добровольцами, в том числе 17-летние юноши и девушки. В первые же дни войны было принято решение создать отряды народного ополчения. В столице предполагалось закончить их формирование к 6 июля. Только за три дня поступило 170 тыс. заявлений о зачислении в народное ополчение.

Добровольцы, которых не направляли по состоянию здоровья на фронт, скрывали свои недуги, боясь, что им откажут в стремлении попасть в ополчение. 16–17-летние добровольцы сознательно завышали свой возраст. Многие не называли свои звания и ученые степени из опасения остаться в тылу. Более 2 тыс. сотрудников Академии наук СССР сражались в рядах действующей армии и ополчения. Вначале предполагалось сформировать 64 ополченские дивизии, но с учетом нужд промышленности, нехватки вооружения было создано 12 дивизий, куда зачислены около 120 тыс. москвичей и 50 тыс. добровольцев из Подмосковья. Плохо обученные и вооруженные, они понесли большие потери, но сыграли свою роль в обороне Москвы. Некоторые из дивизий выступили в жестокой схватке с противником, стали гвардейскими и дошли с боями до Берлина.

Остававшиеся в городе москвичи готовились самоотверженно защищать столицу. В самые напряженные для Москвы дни огромную роль в подъеме морального духа защитников столицы, да и всех воинов Красной армии сыграл парад на Красной площади, состоявшийся 7 ноября 1941 г. Практически все население Москвы участвовало в обороне города. Подростки

Женская бригада на маскировочных работах на Манежной площади в Москве

Москвички на курсах по оказанию первой помощи раненым

и женщины трудились на строительстве оборонительных сооружений под Москвой, работали в военных госпиталях, на промышленных предприятиях, направлялись на уборку картофеля и овощей в колхозах, помогали при эвакуации.

Во второй половине июля 1941 г. в столице по инициативе горкома партии была объявлена мобилизация на оборонительное строительство. В первую очередь были мобилизованы московские строители. Специальная комиссия МГК ВКП(б) по мобилизации строителей направила в район Брянска 25 тыс. специалистов строительных специальностей из Академстроя и других московских строительных организаций. Возглавил их начальник Академстроя А. С. Корнев. «Ни один, подчеркиваю, ни один человек из многотысячного коллектива строителей не захотел воспользоваться льготами об освобождении от мобилизации... — отмечал позднее А. С. Корнев. — Строители на своих собраниях обсуждали призыв партии к народу.. В заключение на собраниях зачитывался приказ — первый приказ уже не рабочим строем, а военным строителям»¹¹⁸.

Строительство развернулось по всему Брянскому рубежу. Отряд строителей столицы пополнили свыше 20 тыс. человек молодежи из городов и сел Орловской и Брянской областей и московских студентов. Они возвели четыре оборонительные полосы, построив 14 тыс. разных оборонительных объектов, отрыв 500 км противотанковых препятствий, было произведено более 150 тыс. кубометров земляных работ. И когда в октябре 1941 г. на фронте создалась крайне неблагоприятная обстановка, нависла непосредственная угроза над Москвой, строители уходили вместе с войсками с Брянской линии обороны, чтобы под Тулой, в Плавске, Черни, Щёкине, Крапивне, Одоеве, Скопине сооружать новые оборонительные рубежи¹¹⁹.

Подлинный трудовой героизм и самоотверженность проявили сотни тысяч жителей Москвы и Московской области, участвовавшие в строительстве оборонительных сооружений Можайской линии обороны, а затем на ближайших подступах к Москве и в самом городе. В соответствии с постановлением ГКО от 16 июля 1941 г. «О Можайской линии обороны»¹²⁰ под руководством командования Московского военного округа развернулось ее строительство. Предстояло возвести оборонительные сооружения на площади около 30 тыс. кв. км. Сформированные колонны и рабочие батальоны, управления военно-полевого строительства в кратчайшие сроки создали четыре укрепленных района, прикрывавших важнейшие оперативные направления: волоколамское, можайское, малоярославецкое и калужское. Люди работали в любую погоду, нередко под огнем противника. Они вырыли 700 км противотанковых рвов, возвели 3800 дзотов и дотов. Общая численность жителей Москвы и Московской области, привлекавшихся в августе — ноябре 1941 г. на строительство Можайской линии обороны, внешнего оборонительного рубежа Москвы и обороны внутри города, составляла около 600 тыс. человек, причем примерно три четверти из них женщины¹²¹.

По наблюдениям участвовавшего в оборонительном строительстве директора Московского текстильного института В. И. Губина, выполнение норм у кадровых рабочих составляло 120% (имеются в виду профессиональные строители — как военные, так и гражданские); что же касается мобилизованных городских жителей (служащих, работников умственного труда, учащихся и прочих), то у них выполнение норм составляло 60–80%, у сельских жителей — 90–100%¹²². Однако в ходе строительства, по мере накопления у людей соответствующего опыта, количество выполнявших и перевыполнявших нормы выработки неуклонно увеличивалось. Участие сотен тысяч городских и сельских жителей в возведении оборонительных рубежей, безусловно, являлось составной частью народного подвига в войне.

Привлечение гражданского населения к оборонительному строительству на подступах к столице продолжалось некоторое время и после начала контрнаступления советских войск под Москвой, то есть после 5–6 декабря 1941 г. К середине декабря 1941 г. на оборонительных работах на подступах к столице были задействованы 250 тыс. москвичей, городских и сельских жителей Московской области (из них 75% женщин), в том числе на строительстве укреплений — 165 тыс., на сооружении лесных завалов — 85 тыс. Что касается сооружения лесных завалов на возможных путях продвижения врага к Москве, то на этих работах в разные дни (по данным на 6–17 декабря 1941 г.) были задействованы от 83 тыс. до 100 тыс. человек

Горожане выходят из укрытий в Москве после отбоя воздушной тревоги

Девушки-добровольцы уходят на защиту Москвы

Жители столицы строят на улицах баррикады

Москвичи с детьми укрываются в метро во время налета немецкой авиации

гражданского населения, в том числе от 34 тыс. до 39 тыс. москвичей и от 46 тыс. до 62 тыс. жителей Московской области. Всего на конец января 1942 г. в лесах Московской области были устроены лесные завалы протяженностью 1528 км¹²³.

Жители Московской области активно участвовали в возведении рубежей и узлов обороны не только на подступах к Москве, но также к Звенигороду, Клину, Наро-Фоминску, Ногинску, Орехово-Зуеву, Подольску, Серпухову, Солнечногорску и десяткам других городов ближнего и дальнего Подмосковья. Так, 23 октября 1941 г. Серпуховской городской комитет обороны принял постановление о мобилизации трудоспособного населения на оборонительные работы, и пять дней спустя в возведении укреплений на подступах к городу участвовали 3 тыс. серпуховчан¹²⁴.

В связи с усиливавшимися воздушными налетами противника с конца июня 1941 г. началась эвакуация москвичей. К декабрю из 4,5 млн москвичей в городе остались 2,5 млн человек¹²⁵. Население из Москвы эвакуировалось в Московскую, Куйбышевскую, Рязанскую области, Татарскую АССР, Узбекскую и Казахскую ССР. Уже в 1943 — начале 1944 г. москвичи начали возвращаться домой и на прежнюю работу. Однако некоторая часть эвакуированных граждан оставалась в местах эвакуации.

Война вызвала в столице большие продовольственные трудности. В Москве раньше, чем в других городах страны, — с 17 июля 1941 г. была введена карточная система снабжения продовольственными товарами и предметами широкого потребления. Система оставалась дифференцированной: разные нормы выдачи продуктов утверждались для рабочих, служащих, детей и иждивенцев. К концу 1941 г. в Москве существовало более 100 норм и видов продовольственного и промтоварного снабжения. Повышенными нормами снабжения пользовались прежде всего рабочие оборонных предприятий. Некоторые преимущества были даны беременным женщинам и кормящим матерям, донорам, лицам, больным туберкулезом, а также детям.

К концу 1942 г. карточками были обеспечены 3 млн москвичей, но в городе сильно ощущался недостаток питания, тем более что люди работали с высоким физическим напряжением — по 11–12 часов в сутки. Особенно тяжелое положение сложилось со снабжением Москвы к апрелю 1942 г. По состоянию на 1 апреля у поставщиков в наличии уже не было продовольственных товаров: зерна оставалось лишь на один день, а муки и того меньше. Однако государственно-политическое руководство страны, власти столицы голода в Москве не допустили, и голодных смертей в городе не было.

И все же в сентябре 1943 г. нормы питания в Москве пришлось еще более понизить — в связи с выделением дополнительных ресурсов жителям освобожденных от оккупации районов. Нормы на хлеб стали восстанавливаться только в 1945 г. В 1943 г. наладили общественное питание, которым были охвачены 1,2 млн человек.

Медицинские работники прилагали все усилия, чтобы не допустить распространения острозаразных заболеваний в Москве, предотвратить эпидемии. Уже в 1944 г. удалось снизить общую смертность населения почти до довоенного уровня. В 1945 г. коэффициент смертности снизился до 13%¹²⁶.

В суровых условиях войны рождаемость в столице сократилась вдвое. Самой низкой она была в 1943 г. — 9,8%, то есть более чем в 2 раза ниже предвоенной. Сказались и широко-масштабная эвакуация населения, и мобилизация мужчин на фронт, и трудности и лишения военного времени. Резкое падение показателя рождаемости в 1942 г. до 14,4% было также связано с эвакуацией в 1941 г. беременных женщин из Москвы. В 1944 г. был зафиксирован положительный естественный прирост населения города, правда, он составил лишь 1,5%. В 1945 г. он поднялся до 7,3%, но довоенного уровня — 9,2% не достиг.

Воздушные налеты и обстрелы частично разрушили жилой фонд столицы. В связи с этим восстановительные работы по капитальному ремонту жилья не прекращались в Москве даже в самое тяжелое для города время. 19 августа 1944 г. было принято специальное постановление СНК СССР «О мерах оказания помощи жилищному хозяйству Москвы». Всего за годы войны было восстановлено свыше 1 тыс. жилых домов и более 100 админи-

стративных зданий столицы. Капитальные вложения за годы войны в городское хозяйство составили 1 млрд 65 млн рублей. На эти средства строились больницы, бани, детские сады, асфальтировались улицы и дороги.

Тяжелые разрушения коснулись и транспорта. Правда, метро продолжало действовать, и это решало многие проблемы быстрого передвижения. Именно в годы войны было завершено строительство Замоскворецкого и Покровского радиусов Московского метрополитена. Почти четверть подвижного состава наземного транспорта нуждалась в ремонте, постоянно нарушался график движения. Только в 1943 г. эти трудности удалось в значительной мере преодолеть. К концу войны были введены в действие три новых троллейбусных маршрута, проложены десятки километров трамвайных путей.

В декабре 1941 г. в Москве было снижено количество ежедневного расходования электроэнергии, сокращен лимит потребления тепловой энергии и уменьшена температура подаваемой горячей воды по теплосетям¹²⁷.

Однако, несмотря на тяготы и лишения военного времени, культурная, образовательная и научная жизнь в столице не замирала. В 1941–1942 гг. школы в Москве не работали, но уже в декабре 1941 г. действовало 32 консультационных пункта для учащихся старших классов, в них занимались 12 тыс. школьников. В сентябре 1942 г. занятия в школах были возобновлены. К 1944 г. число школьников возросло со 176 тыс. до 410 тыс. человек. В 1941–1942 гг. в столице действовало 27 вузов, в которых обучались 23,4 тыс. студентов. Несмотря на эвакуацию научных учреждений, не прекращали научную деятельность 227 сотрудников Академии наук СССР¹²⁸.

В Москве работали театры. Большой театр был эвакуирован в Куйбышев, однако в помещении Театра оперетты разместился филиал Большого театра — открытие сезона состоялось 19 ноября 1941 г. 30 ноября 1941 г. исполком Моссовета принял решение об открытии в столице Драматического театра имени Ленсовета, а также Театра эстрады и миниатюр. Работа в Москве театров и кинотеатров положительно воздействовала на настроения жителей. Кроме того, работники культуры и искусства выезжали с концертами на фронт. Организовывались также концерты и выступления артистов непосредственно на предприятиях Москвы. В целом, с 22 июня по 15 октября 1941 г. ими было дано 2126 шефских концертов¹²⁹.

8 июля 1941 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер записал в своем дневнике о намерениях А. Гитлера в отношении Москвы и Ленинграда: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация»¹³⁰. Он считал, что с падением Ленинграда «будет утрачен один из символов революции, и дух славянского народа в результате тяжелого воздействия боев будет серьезно подорван», а для Советского Союза «может наступить полная катастрофа»¹³¹.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. была объявлена мобилизация по Ленинградскому военному округу, в этот же день в Ленинграде и Ленинградской области было введено военное положение. В развитие этого указа 27 июня 1941 г. последовал приказ начальника гарнизона г. Ленинграда генерала М. М. Попова об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в городе. Приказ устанавливал жесткий контроль за общественным порядком, строго регламентировал время работы учреждений и организаций, воспрещал въезд в Ленинград всем лицам, не прописанным на жительство, за исключением специально командированных, запрещал фотографирование и кино съемку в пределах города без разрешения коменданта гарнизона, воспрещал движение легкового автотранспорта и пешеходов с полуночи до четырех часов утра, кроме имеющих специальные пропуска.

В тот же день исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся принял решение о привлечении к трудовой повинности всех трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 50 лет и женщин от 16 до 45 лет, за исключением работающих на предприятиях оборонной промышленности.

Обстановка на северо-западном направлении советско-германского фронта быстро ухудшалась: 26 июня 1941 г., когда немецкие войска достигли Западной Двины, Финляндия официально начала войну против Советского Союза, и Ленинград оказался в непосредственной близости от зоны боевых действий. В этих условиях требовались срочные организационные меры по укреплению его обороноспособности. 30 июня в городе началась запись в народное ополчение. Была создана Комиссия по вопросам обороны Ленинграда, которая посчитала необходимым создать на добровольных началах армию народного ополчения в 200 тыс. человек, в которой предполагалось иметь 15 дивизий, сформированных по производственному принципу. А 10 июля 1941 г. 1-ю (Кировскую) дивизию уже провозжали на фронт, на Лужский оборонительный рубеж, где ей сразу же пришлось участвовать в ожесточенных боях с немецко-фашистскими войсками¹³².

30 июля 1941 г. командование группы армий «Север» получило приказ А. Гитлера «продолжать наступление в направлении Ленинграда, нанося главный удар между озером Ильмень и Нарвой с целью окружить Ленинград и установить связь с финской армией»¹³³. В свою очередь, И. В. Сталин хорошо понимал важность сражения за Ленинград и подтвердил это в разговоре с посетившим Москву в конце июля 1941 г. Г. Гопкинсом, личным представителем президента США Ф. Рузвельта, назвав Ленинград в числе тех важнейших стратегических пунктов, которые должны быть удержаны во что бы то ни стало¹³⁴.

Между тем в самом Ленинграде обстановка становилась все напряженнее. С первых дней войны была начата эвакуация детей из Ленинграда, однако ее результаты вряд ли могли быть признаны удовлетворительными. Большинство вывезенных детей были направлены в районы Ленинградской области, откуда их в скором времени пришлось возвращать обратно в город по причине начавшихся систематических налетов авиации противника. Всего до начала блокады в город были возвращены 175 тыс. детей¹³⁵.

В июле 1941 г. началась эвакуация рабочих (в первую очередь квалифицированных) вместе с наиболее ценным оборудованием предприятий, но за месяц удалось эвакуировать с заводами немногим более 100 тыс. человек¹³⁶. При этом городская комиссия, созданная 27 июня 1941 г. при исполкоме Ленгорсовета, столкнулась с нежеланием многих ленинградцев уезжать из города. Многочисленные подтверждения тому имеются в дневниках самих ленинградцев: директор Архива АН СССР Г. А. Князев сделал в своем дневнике 27 июня 1941 г. такую запись: «Я остаюсь. По своей воле я не уеду из Ленинграда. Многое придется пережить, может быть, умереть... Но так что же! Моя жизнь сама по себе не имеет для государства никакого значения, а только, пожалуй, в сочетании с тем, что мне вверено охранять! А это здесь, в Ленинграде»¹³⁷. Но и те, кому нечего было охранять, кроме своего скромного имущества, тоже решительно не хотели уезжать, о чем потом сожалели.

Прибывшая 26 августа 1941 г. в Ленинград комиссия Государственного Комитета Обороны могла на месте убедиться в серьезности ситуации, увидеть целый ряд существенных промахов и упущений руководства обороной города. Комиссия потребовала перевести город на осадное положение, а также высказала резкое недовольство медленными темпами эвакуации населения и беспечностью руководства в отношении продовольственных ресурсов города. Проблема эвакуации мирного населения Ленинграда в августе 1941 г. встала действительно остро, и городская эвакуационная комиссия, наверстывая упущенное время, сумела только за период с 15 по 27 августа вывезти из города свыше 200 тыс. человек. Всего же за период с 29 июня по 27 августа 1941 г. из Ленинграда были эвакуированы 636 203 человека, из них 488 703 ленинградца, в том числе 220 тыс. детей, и 147 500 человек из Прибалтийских республик и Карело-Финской ССР¹³⁸. Тем не менее в Ленинграде все еще оставалась значительная часть населения.

Сообщая в Москву о незначительных запасах основных продовольственных товаров в Ленинграде на 27 августа: муки и зерна — на 17 дней, крупы — на 29 дней, рыбы — на 16 дней, мяса — на 25 дней, масла животного — на 29 дней, комиссия ГКО предлагала создать в Ленинграде к 1 октября полуторамесячные запасы продовольствия¹³⁹. 18 июля 1941 г. в Ленинграде была введена карточная система распределения продуктов. Однако город не был обеспечен продовольствием на длительный срок.

Взятие противником станции Мга привело к утрате последней железной дороги, связывавшей Ленинград со страной. После того как 8 сентября 1941 г. немцы в результате недельных ожесточенных боев захватили Шлиссельбург и таким образом отрезали Ленинград с суши, германское командование нанесло завершающий удар с юга на красногвардейском направлении. Последней надеждой уже блокированного Ленинграда остался Пулковский оборонительный рубеж, на котором его защитники стояли насмерть.

11 сентября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта представил в Ставку за подписями К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова доклад, в котором был вынужден признать безуспешность своих попыток переломить ход событий и перейти к активным действиям. Вечером того же дня Ставка освободила К. Е. Ворошилова от обязанностей командующего Ленинградским фронтом, назначив вместо него генерала армии Г. К. Жукова¹⁴⁰.

Незабываемые страницы в историю защиты Ленинграда вписали ленинградские рабочие, служащие, интеллигенция, домохозяйки, студенты и старшеклассники, которые в любую погоду, под бомбежками, артиллерийским и пулеметным огнем трудились на возведении укреплений. В первые дни войны Военный совет Северо-Западного фронта принял специальное решение о строительстве оборонительных рубежей, а 27 июня 1941 г. Ленинградский горисполком разработал меры по привлечению на эти работы населения города. В июле — августе на строительстве укреплений на ленинградском направлении одновременно работали до полумиллиона человек, а в октябре ежедневно трудились до 80 тыс.¹⁴¹

В основном усилиями мобилизованных на оборонные работы жителей Ленинграда и Ленинградской области только на южном и северном оборонительных обводах к началу января 1942 г. было построено 425 броневых, 124 железобетонные, 783 деревоземляные огневые точки, сооружено около 82 км противотанковых рвов, почти 25 км эскарпов и контрэскарпов, 8,5 км надолб, 144 км проволочных заграждений, более 24 км баррикад. Более 2 тыс. рабочих, инженеров и служащих ленинградского Металлического завода строили оборонительные сооружения в районе станций Ижора и Ручьи. С 12 июля по 12 декабря 1941 г. только с ленинградской фабрики «Скорород» были направлены на оборонительные работы более 12 тыс. человек. Коллективы ленинградских Балтийского и Адмиралтейского заводов изготавливали бронесооружения и монтировали их на оборонительных рубежах¹⁴².

И хотя немцам все же удалось преодолеть эти оборонительные укрепления, но на это они затратили немало сил и времени, нарушив запланированные германским командованием сроки наступления на Ленинград. В конечном итоге, противник отказался от идеи прямого штурма Ленинграда, ограничившись его блокадой. Ленинград оказался первым стратегическим объектом на пути германского вермахта, который он не смог взять. И в этом немалая заслуга строителей оборонительных рубежей.

29 сентября 1941 г. была подписана секретная директива германского командования «О будущем города Петербурга», в которой, в частности, говорилось: «Фюрер решил стереть Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта. Финляндия также заявила о своей незаинтересованности в существовании города непосредственно у ее новой границы... Предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землей... Если вследствие создавшегося положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты»¹⁴³.

Немецко-фашистские войска незамедлительно начали осуществление этого варварского плана, приступив к систематическим артиллерийским обстрелам города и бомбардировкам с воздуха. Для населения осажденного Ленинграда, в котором остались свыше 2 млн 500 тыс. человек, в том числе не менее 1 млн 200 тыс. несамодеятельного населения, из них около 400 тыс. детей¹⁴⁴, началась длительная, каждодневная борьба за жизнь, полная опасностей, тревог, переживаний и лишений.

С сентября 1941 г. тяжелая артиллерия немцев вела огонь по Ленинграду из районов Стрельны, Красного Села, Урицка, Пушкина. Гитлеровцы стремились уничтожить запасы продовольствия и топлива, электростанции, водопровод и тем самым парализовать жизнь в

Ленинградцы строят баррикады на Тракторной улице

Перевозка надолб на Московском шоссе в блокадном Ленинграде

Выгрузка песка из трамвайного вагона на Стремянном кольце Ленинграда

городе, при этом они не скрывали, что целью этих обстрелов было также разрушение жилых зданий и истребление жителей Ленинграда¹⁴⁵. Осенью 1941 г. в результате артиллерийских обстрелов в городе был убит 681 человек и 2268 ранены. Только с 4 сентября по 30 ноября 1941 г. город обстреливался 272 раза общей продолжительностью 430 часов¹⁴⁶. Иногда население оставалось в бомбоубежищах сутками.

Почти одновременно с артиллерийскими обстрелами начались бомбардировки Ленинграда вражеской авиацией. 6 сентября немецкие самолеты, прорвавшись к Ленинграду, подвергли массированной бомбардировке промышленные предприятия и жилые кварталы. 8 сентября на город было сброшено 6327 зажигательных и 48 фугасных бомб, в результате чего в различных районах вспыхнуло 183 пожара¹⁴⁷. Самый большой пожар в этот день возник на продовольственных складах им. А. Е. Бадаева. Ленинградцы, еще не привыкшие к воздушным налетам, были потрясены этим пожаром. Впоследствии среди голодавшего населения города возникла легенда, согласно которой именно пожар на Бадаевских складах стал причиной невиданного голода зимой 1941–1942 гг.

В условиях осады продовольственное обеспечение войск и населения Ленинграда оказалось особенно трудным. Как отмечалось выше, к началу войны Ленинград не располагал значительными запасами продовольствия. До начала блокады в город успели доставить свыше 60 тыс. тонн зерна, муки и крупы из Ярославской и Калининской областей, около 24 тыс. тонн зерна и муки из портов Латвии и Эстонии. Осада Ленинграда не позволила завезти в город в достаточном количестве картофель и овощи, всегда игравшие важную роль в питании населения.

Принятое 30 августа 1941 г. Государственным Комитетом Обороны постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда», по которому Наркомат путей сообщения обязывался ежедневно, начиная с 31 августа, направлять на станции Волховстрой-2 и Лодейное Поле восемь маршрутов с продовольствием для Ленинграда, не могло быть реализовано в полной мере в условиях уже фактической блокады города. По этой причине Совнарком СССР принял 1 сентября 1941 г. постановление о снижении хлебных норм для населения, а в целях экономии ограниченных запасов муки предложил использовать для выпечки хлеба различные примеси: овес, соевый жмых, ячменный солод и прочее. Со 2 сентября рабочие и инженерно-технические работники стали получать 600 граммов, служащие — 400 граммов, иждивенцы и дети — 300 граммов хлеба. Но положение с продовольствием становилось все более напряженным. 11 сентября пришлось вторично снизить нормы выдачи продовольствия ленинградцам: для рабочих и инженерно-технических работников — до 500 граммов хлеба, для служащих и детей — до 300 граммов, для иждивенцев — до 250 граммов¹⁴⁸, были также снижены нормы выдачи крупы и мяса.

В трудной обстановке осени 1941 г. главной задачей трудящихся осажденного города стало снабжение фронта оружием, боеприпасами, снаряжением и обмундированием. По решению Военного совета Ленинградского фронта и горкома партии в блокированном городе в качестве действующих было оставлено 175 промышленных предприятий, а остальные законсервированы¹⁴⁹.

Особенно острую потребность Ленинградский фронт испытывал в боеприпасах. 11 сентября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял специальное постановление «Об увеличении производства артиллерийских снарядов и мин в ленинградской промышленности», которым она обязывалась выпустить в сентябре 1941 г. для фронта 550 тыс. минометных и 566 тыс. артиллерийских выстрелов¹⁵⁰.

Это была труднейшая задача для привлеченных к ее выполнению заводов, цехов, участков и мастерских, ранее не специализировавшихся на выпуске военной продукции. К тому же блокада нарушила традиционные производственные связи промышленности города с заводами и фабриками других районов страны. Это привело к усилению внутригородского кооперирования и переводу предприятий на выпуск строго ограниченной номенклатуры продукции. Например, в совместном производстве полковых пушек участвовали 60 заводов, в изготовлении реактивных установок — 40 предприятий. Детали автоматов производились

на семи заводах, пулеметов и минометов — на 15 заводах. Изготовлением боеприпасов были заняты свыше 100 предприятий¹⁵¹. В сентябре 1941 г. предприятия блокированного Ленинграда выпустили более тысячи 76-мм пушек, 2500 минометов, сотни противотанковых орудий и пулеметов¹⁵².

Выпуск продукции для фронта затруднялся постоянными артиллерийскими обстрелами и бомбардировками, от которых только в сентябре 1941 г. пострадали 26 оборонных предприятий. В течение осени 1941 г. 28 фабрик и заводов были перебазированы в относительно спокойные северные районы города. Некоторые цеха Кировского завода разместились в производственных помещениях других предприятий. В целях бесперебойного снабжения фронта боеприпасами и вооружением были созданы заводы-дублиеры. Совместными усилиями военных специалистов, рабочих, инженеров, техников и научных сотрудников сентябрьское задание Военного совета Ленинградского фронта по выпуску боеприпасов было в целом выполнено. С начала войны до 1 октября 1941 г. в Ленинграде было произведено более 1 млн 347 тыс. артиллерийских снарядов и мин¹⁵³.

Октябрь 1941 г. начался для ленинградцев с известия об очередном, теперь уже третьем по счету, снижении хлебной нормы. С 1 октября рабочие и инженерно-технические работники стали получать на день 400 граммов, остальное население — 200 граммов хлеба. В октябре 1941 г. дневная выпечка хлеба по сравнению с сентябрем 1941 г. сократилась почти в 1,5 раза и составляла 1092 тонны в день. По свидетельству блокадников, с октября 1941 г. «хлеб постепенно становился главным и единственным продуктом питания. Другие продукты стали исчезать из употребления. Мясо исчезло в октябре, крупа и сахар выдавались в нормах, не обеспечивающих нормальное поддержание физических сил. Надвигалась страшная угроза голода»¹⁵⁴.

Попытки советских и партийных органов восполнить недостаток запасов муки за счет картофеля и овощей не принесли существенных результатов, хотя на протяжении всего октября 1941 г. были организованы массовые выезды на уборку урожая в колхозы и совхозы Всеволожского района и на пригородные поля. До того как выпал снег, удалось выкопать и вывезти 14,5 тыс. тонн картофеля, 31 тыс. тонн овощей и 1700 тонн капустного листа. Но этого было недостаточно даже для нужд общественного питания, и исполкому Ленгорсовета 19 октября 1941 г. пришлось принять решение о передаче предприятиям общественного питания 1405 тонн картофеля из семенного фонда¹⁵⁵.

К октябрю 1941 г. угрожающее положение сложилось и с топливом. Накануне войны Ленинград расходовал в сутки 1700 вагонов привозного топлива. С установлением блокады крупнейшие торфопредприятия и лесоразработки Ленинградской области остались на территории, занятой противником. Между тем особого уменьшения потребности в топливе не произошло, так как прибавились фронтовые расходы. Имевшихся на 1 сентября 1941 г. в Ленинграде нефтепродуктов могло хватить на 18–20 дней, каменного угля — на 75–80 дней. В октябре 1941 г. городские организации располагали всего полумесячным запасом топлива.

Резко снизилась и выработка электроэнергии, так как Волховская, Свирская и Дубровская ГЭС, дававшие раньше городу основную часть электроэнергии, оказались за кольцом блокады. Городским потребителям электроэнергия поступала в основном с переведенной на торф 5-й ГЭС, находившейся вблизи от переднего края, под постоянным огнем вражеской артиллерии и авиации. В октябре 1941 г. Ленинград получал электроэнергии в три раза меньше, чем в июне 1941 г. Были приняты самые жесткие меры по ее экономии: электроэнергию разрешилось использовать только важнейшим промышленным предприятиям и учреждениям по списку, утвержденному руководством обороны города¹⁵⁶.

Помимо недостатка продуктов питания и нехватки топлива и электроэнергии ленинградцы постоянно подвергались обстрелам и бомбежкам. В октябре 1941 г. они стали еще ожесточеннее. Днем город обстреливался артиллерией, а по ночам начинала работать вражеская авиация, которая с октября 1941 г. изменила свою тактику и стала бомбить город только с высоты 5–7 км. В течение ночи над Ленинградом появлялись 15–25 самолетов отдельными группами, которые использовали возникшие пожары для прицельного бомбометания. Сиг-

Работница ленинградского завода «Большевик» Мария Михайлова за упаковкой снарядов

Токарь у заводского станка в блокадном Ленинграде

налы воздушной тревоги следовали один за другим. В октябре 1941 г. на город было сброшено 42 987 зажигательных бомб, или две трети от общего количества сброшенных на Ленинград за всю войну¹⁵⁷. Жертвами бомбардировок и обстрелов в этот месяц стали 4 тыс. ленинградцев, из которых около тысячи были убиты¹⁵⁸.

Только принимая во внимание ухудшавшуюся с каждым днем обстановку в блокированном Ленинграде, можно оценить в полной мере трудовой подвиг ленинградских рабочих и инженерно-технических работников, продолжавших снабжать фронт вооружением, боеприпасами, военным снаряжением и обмундированием.

В начале октября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял постановление о производстве артиллерийского и стрелкового оружия. В нем отмечалось, что выпуск минометов и пушек должен удвоиться, а производство боеприпасов предполагалось увеличить в несколько раз, составив в октябре 1941 г. 2200 тыс. артиллерийских снарядов и мин. Только рабочие завода имени Карла Маркса обработали в октябре 1941 г. более 200 тыс. корпусов мин и снарядов. На базе изготовленных здесь реактивных минометных установок был сформирован первый на Ленинградском фронте реактивный минометный полк¹⁵⁹. Директор завода «Севкабель» А. К. Козловский записал в своем дневнике 31 октября 1941 г.: «Октябрь был самый напряженный месяц по обстановке. Бомбежки сутками не прекращались, артиллерийские обстрелы также, но завод дал рекордный выпуск спецпродукции. Решение Военного совета по «полевым» перевыполнено. Золотые люди. Такой народ действительно трудно победить. Соппротивление растет пропорционально натиску, да в положительной степени»¹⁶⁰.

В конце сентября — начале октября 1941 г. начались занятия в ленинградских вузах, большинство из которых еще находились в блокированном городе. Деятельность высшей школы в этот период была направлена на решение тех задач, которые выдвинули война и оборона города. Предусматривалось обучение всех студентов и профессорско-преподавательского состава военному делу, противохимической и противопожарной защите. Первостепенная роль отводилась тем курсам и дисциплинам, которые в условиях военного времени имели большое практическое значение. Оборонная тематика нашла свое выражение и в дипломных работах студентов. Большинство студентов свои учебные занятия совмещали с работой на заводах и фабриках, в производственных мастерских, на строительстве оборонительных укреплений, в рабочих отрядах, госпиталях, командах МПВО. Во всех институтах учебные занятия были построены так, что позволяли чередовать оборонную и академическую работу. Преподаватели оказывали всемерную помощь студентам в их самостоятельной учебной работе, широко практикуя систему месячных заданий, контрольных работ, консультаций, сдачи зачетов и экзаменов в течение всего учебного года¹⁶¹.

Вследствие ухода тысяч юношей и девушек на фронт и на производство в крупнейших вузах города (Университете, Политехническом, Горном и других) количество учащихся уменьшилось более чем в два раза по сравнению с довоенным временем. Тем не менее осенью 1941 г. ленинградские вузы дали городу дополнительно сотни инженеров, технологов, врачей, учителей. Электротехнический институт имени Ульянова (Ленина) произвел досрочный выпуск специалистов радио и телефона. Первый медицинский институт имени академика И. П. Павлова подготовил более 500 врачей, в которых так нуждались госпитали и больницы блокированного Ленинграда¹⁶².

8 ноября 1941 г. противник практически без боя захватил Тихвин и перерезал последнюю железную дорогу, по которой доставлялись грузы к Ладожскому озеру для Ленинграда. Тем самым создалась угроза полной блокады города. Вступивший по приказу И. В. Сталина во временное командование 4-й армией генерал К. А. Мерецков сумел остановить наступление противника. В итоге цель германского командования — соединиться с финской армией и полностью блокировать Ленинград — не была достигнута. Но город по-прежнему оставался в смертельной опасности.

Неоправдавшиеся надежды на скорое избавление от вражеской осады настраивали население Ленинграда и его руководство на жестокую необходимость жить и работать в условиях длительной блокады. В это время в городе среди 2,5 млн населения находились еще

свыше 200 тыс. школьников, и исполком Ленгорсовета принял решение начать их обучение. 3 ноября 1941 г. в 103 школах начали занятия 30 тыс. старшеклассников; 60 тыс. учащихся младших классов стали учиться в бомбоубежищах, красных уголках и на квартирах¹⁶³. Это решение было принято, несмотря на непрекращавшиеся варварские обстрелы и бомбежки противника и большие потери от них. В ноябре 1941 г. жертвами этих обстрелов и бомбежек стали 6627 жителей осажденного города, из которых 1730 были убиты и 4897 ранены¹⁶⁴.

Еще более жестоким врагом — коварным и невидимым — стал голод, с которым бороться в условиях блокады и недостатка продуктов питания оказалось почти невозможно. В начале ноября 1941 г. в ленинградских больницах появились первые жертвы так называемой алиментарной дистрофии — заболевания, вызванного истощением организма от постоянного недоедания. В середине ноября были отмечены первые случаи смерти от дистрофии¹⁶⁵. Вскоре этот незнакомый ранее термин стал известен всем ленинградцам, а число жертв этого заболевания нарастало с каждым днем. Единственным средством борьбы с дистрофией являлось полноценное питание, но после захвата немцами Тихвина население ожидало новое снижение и без того мизерных норм. С 13 ноября по решению Военного совета Ленинградского фронта на рабочую карточку стали выдавать 300 граммов, а на все остальные — по 150 граммов хлеба. Перед этим, четвертым по счету снижением норм продовольствия другие продукты выдавались нерегулярно и не полностью. В ноябре иждивенцы в дополнение к хлебному пайку получили всего по 1,5 кг других продуктов. Как следствие, к концу ноября смертность населения выросла в 3–4 раза по сравнению с мирными временами¹⁶⁶.

Руководство города, промедлившее с эвакуацией населения и с созданием продовольственных запасов, теперь было озабочено спасением оставшихся в блокированном городе людей. С 9 ноября 1941 г. Государственный Комитет Оборона принял специальное постановление о выделении авиации для доставки грузов в Ленинград. Этим постановлением, начиная с утра 10 ноября и до 14 ноября, дополнительно к 26 «дугласам», работающим на Ленинградской линии, выделялось еще 24 транспортных самолета с тем, чтобы ежедневно на доставку продовольствия в Ленинград и вывозе обратно оборонных грузов работали 50 «дугласов». Установленный на пять дней план доставки продовольствия в Ленинград предусматривал ежедневную транспортировку не менее 200 тонн продовольствия, в том числе концентратов — 135 тонн (каша пшенная и суп гороховый), копченой колбасы и копченой свинины — 20 тонн, сухого молока и яичного порошка — 10 тонн, сливочного масла — 15 тонн, топленого сала и комбиджира — 20 тонн¹⁶⁷. Для снабжения почти 2,5 млн населения блокированного Ленинграда этого было ничтожно мало, тем более что более половины из 200 тонн доставляемых ежедневно в город составляли концентраты, а не высококалорийные продукты.

Конечно, действовавший еще с сентября 1941 г. воздушный мост между Большой землей и осажденным городом лишь в незначительной степени удовлетворял его потребности в продовольствии. В октябре — декабре 1941 г. по воздуху в Ленинград было доставлено 4325 тонн продовольствия. С наступлением ледостава на Ладожском озере и прекращением водных перевозок единственным средством снабжения города осталась транспортная авиация.

Реальную помощь, как показал даже не совсем успешный опыт осенней навигации, могли принести только перевозки по Ладожскому озеру. Поэтому по инициативе Военного совета Ленинградского фронта было решено проложить по Ладоге ледовую дорогу, подготовка к строительству которой началась еще в октябре 1941 г. Автодорожный отдел Управления тыла Ленинградского фронта, которому было поручено сооружение этой дороги, проделал совместно с учеными Гидрологического института большую подготовительную работу по изучению ледового режима Ладоги и проектированию трасс ледового пути. 6 ноября 1941 г. был подготовлен первый вариант проекта постановления Военного совета Ленинградского фронта «О постройке ледяных дорог через Ладожское озеро». В последующих проектах было скорректировано направление строительства ледового пути, и 13 ноября 1941 г. заместитель командующего войсками и начальник тыла Ленинградского фронта генерал-майор Ф. Н. Лагунов подписал приказ по тылу «Об организации постройки ледяной дороги по водной трассе мыс Осиновец — маяк Кареджи»¹⁶⁸.

Дзот у корпусов больницы имени Фореля на проспекте Стачек в блокадном Ленинграде

Ленинградская молодежь — бойцы МПВО за ремонт крыши здания

Блокадница на набережной Рошалья у штабеля дров

В результате напряженных и самоотверженных поисков была развезена ледовая дорога по трассе Коккореве — острова Зеленцы — Кобона. 19 ноября командующий войсками Ленинградского фронта генерал-лейтенант М. С. Хозин, член Военного совета фронта А. А. Жданов и генерал-майор А. В. Гвоздков (за начальника штаба фронта) подписали приказ войскам Ленинградского фронта «Об организации автотракторной дороги через Ладожское озеро»¹⁶⁹.

21 ноября 1941 г. в Осиновец прибыл первый конносанный конвой, доставивший по еще очень тонкому льду 63 тонны муки, но для осажденного Ленинграда это были бесценные тонны, с ними появилась надежда на спасение. 23 ноября 1941 г. из Кобоны вышла первая автоколонна, которая по окрепшему за эти дни льду благополучно перевезла на западный берег 70 тонн муки¹⁷⁰. Чтобы наладить бесперебойные перевозки по ледовой дороге и довести ее запланированный грузооборот в оба конца до 4 тыс. тонн в сутки предстояло еще преодолеть огромные трудности.

19 ноября 1941 г., когда 4-я армия перешла в контрнаступление на тихвинском направлении, Военный совет Ленинградского фронта был вынужден принять (под грифом «совершенно секретно») постановление «О временном изменении норм отпуска хлеба». В нем говорилось: «1. Во избежание перебоев в обеспечении хлебом войск фронта и населения гор. Ленинграда установить с 20 ноября 1941 г. следующие нормы отпуска хлеба: рабочим и ИТР — 250 г, служащим, иждивенцам и детям — 125 г, частям первой линии и боевым кораблям — 500 г, летно-техническому составу ВВС — 500 г, всем остальным воинским частям — 300 г. 2. Выдать в третьей декаде ноября месяца 100 г сухофруктов и 100 г картофельной муки по детским карточкам». Это были самые голодные нормы выдачи хлеба войскам и населению Ленинграда за все время блокады. Суточный лимит расхода муки и примесей составлял с 20 ноября всего 510 тонн, из них населению Ленинграда — 310 тонн, Ленинградской области — 31 тонну, войскам Ленинградского фронта — 144 тонны, частям Балтийского флота — 25 тонн¹⁷¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что этим постановлением лимитировался не только суточный расход муки, но и примесей. Чтобы не прекратить выдачу населению хлеба совсем, приходилось использовать при его выпечке всевозможные примеси, такие как солод, соевая мука, жмыхи, овсяная мука, содержание которых постоянно росло и к этому времени составило 40% по отношению к муке. Но и примеси были на исходе. В качестве одного из компонентов примесей ученые предложили целлюлозу, применявшуюся ранее только как сырье для получения бумаги. Разработанные под руководством заместителя директора ВНИИ гидролизной промышленности профессора В. И. Шаркова гидролизные установки для превращения целлюлозы в пищевой продукт были смонтированы на шести предприятиях города. Постановлением Военного совета Ленинградского фронта от 19 ноября 1941 г. ежедневная выработка пищевой целлюлозы с 20 ноября по 22 ноября была определена в 35 тонн, а с 23 ноября она должна была достигнуть 80 тонн¹⁷². В конце ноября 1941 г. пищевая целлюлоза стала поступать на хлебозаводы. Конечно же, ее применение не обогатило питательную ценность хлеба, представлявшего собой темно-коричневую полужидкую массу, которую в булочных развешивали при помощи лопаток. И все же целлюлоза спасла отчаянное положение, помогла экономить таявшие с каждым днем запасы муки. За годы блокады было выработано 16 тыс. тонн пищевой целлюлозы, что позволило дополнительно выпекать сотни тонн хлеба. Всего за годы блокады хлебопекарная промышленность Ленинграда получила свыше 26 тыс. тонн различных примесей, что обеспечило населению города дополнительно 50 тыс. тонн хлеба¹⁷³.

Все эти меры по изысканию дополнительных источников продовольствия и так называемых пищевых заменителей помогли в первую очередь растянуть на возможно длительное время выдачу хотя бы и низкокалорийного хлеба. Однако объявленное 20 ноября 1941 г. понижение норм выдачи хлеба имело для большинства ленинградцев тяжелые физические и моральные последствия.

И все же в эти трудные ноябрьские дни 1941 г. Ленинград делал всё, чтобы не позволить врагу ступить на свои улицы. Его промышленность продолжала выпускать артиллерийские

орудия, минометы, боеприпасы, которые направлялись не только на Ленинградский фронт, но и под Москву, где готовилось в это время решающее контрнаступление наших войск. Полуразобранные орудия доставлялись на московское направление. «С волнением и большим удивлением получали бойцы артиллерийское вооружение с маркой заводов осажденного врагом города, — вспоминал находившийся в ноябре 1941 г. в Ленинграде представитель Ставки Н. Н. Воронов. — Рабочие и работницы, инженеры и техники, ослабевшие от голода, создавали это оружие, вкладывая в него всю любовь к Родине и всю ненависть к врагу»¹⁷⁴. На защиту Москвы из блокадного Ленинграда было отправлено свыше 400 полковых пушек, около 1 тыс. минометов разных калибров и почти 40 тыс. бронебойных снарядов¹⁷⁵. 28 ноября 1941 г. в Смольный пришла телеграмма командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова: «Спасибо ленинградцам за помощь москвичам в борьбе с кровавыми гитлеровцами»¹⁷⁶.

Выпуская вооружение и боеприпасы для фронта, ленинградские рабочие должны были быть готовыми в любой момент взять это оружие в свои руки. В середине ноября 1941 г. в связи с созданием Управления внутренней обороны города, призванного координировать действия всех имевшихся боевых сил, рабочие отряды на предприятиях были объединены в стрелковые бригады, что облегчало руководство добровольческими формированиями. Стрелковые бригады объединили около 16 тыс. рабочих, инженеров и служащих. Хотя каждый человек, работавший в оборонной промышленности, был на учете, Ленинградский фронт, остро нуждавшийся в пополнении, получил 4300 человек, в основном с оборонных предприятий города¹⁷⁷.

20 ноября 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «О производстве минометов в Ленинграде», инициатива принятия которого исходила от Военного совета Ленинградского фронта, предлагавшего произвести в декабре 1941 г. на ленинградских заводах 120-мм минометов — 400 штук, 80-мм — 1300, 50-мм — 2 тыс. При этом половина произведенных в декабре минометов должна была поступить из Ленинграда в распоряжение Главного артиллерийского управления Наркомата обороны¹⁷⁸.

Если иметь в виду, что предложения Военного совета опирались на реальные возможности оборонного производства блокированного города, то можно говорить о том, что и в ноябре 1941 г. его оборонный потенциал был еще значительный. Однако к концу ноября 1941 г. из-за отсутствия топлива и электроэнергии пришлось законсервировать 270 крупных предприятий города¹⁷⁹. Хотя часть рабочих остановленных предприятий перешла на другое производство, тысячи рабочих Ленинграда лишились не только источника продовольственного обеспечения по более высоким нормам, но и своих производственных коллективов.

С 17 ноября Ленинград погрузился во тьму: было отключено электричество. С этого дня пользоваться электроэнергией в пределах установленных лимитов разрешалось только в зданиях Смольного, Главного штаба, Ленэнерго, Управления милиции и отделений милиции, райкомов партии, райисполкомов, райвоенкоматов, городского и районных штабов МПВО, Главпочтамта, телеграфа, телефонных станций, Управления городской пожарной охраны, судебных органов, в госпиталях и больницах, конторах домохозяйств.

5 декабря 1941 г. началось контрнаступление Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов, в результате которого немецко-фашистские войска были отброшены от Москвы на 100—250 км. Активные наступательные действия начались на войбокальском, маловишерском и тихвинском направлениях. 9 декабря войска 4-й армии овладели Тихвином, сорвав тем самым планы германского командования соединиться с финскими войсками и полностью отрезать все пути снабжения Ленинграда.

Возвращение Тихвина позволило возобновить перевозки продовольствия для осажденного Ленинграда по восстановленной Северной железной дороге до станции Войбокало. Доставка грузов на восточный берег Ладожского озера наиболее коротким путем была, таким образом, обеспечена. Однако проблема транспортировки этих грузов через озеро по-прежнему оставалась наиболее слабым и уязвимым местом. Ладожская ледовая дорога из-за чрезвычайно сложных условий эксплуатации трассы в декабре не удовлетворяла и дневную

Практические занятия с блокадниками по строительству и эксплуатации печек в жилых помещениях

Водоразборные колонки в блокадном Ленинграде

К счастью, эта бомба не взорвалась...

Голод

потребность города в продовольствии. В декабре 1941 г. по ледовой дороге поступало в сутки в среднем 347 тонн хлебопродуктов, в то время как требовалось не менее 500 тонн по самым голодным нормам¹⁸⁰. Суточный рацион занятого на производстве рабочего в декабре 1941 г. составлял 1 тыс. калорий, служащего — около 600 калорий, иждивенца — менее 500 калорий, в то время как нормальная потребность взрослого человека определялась в 3–3,5 тыс. калорий. Продовольственное положение воинов Ленинградского фронта и моряков Балтийского флота также с каждым днем ухудшалось. Солдаты, матросы и офицеры, хотя и в меньшей степени, чем население Ленинграда, сильно страдали от голода.

Начиная с 9 сентября 1941 г. в войсках фронта несколько раз проводилось сокращение суточной нормы питания. В конце ноября 1941 г. в частях первой линии стали выдавать 300 граммов хлеба и 100 граммов сухарей. Мучной суп утром и вечером, мучная каша в обед дополняли хлебную выдачу. И все же Военный совет фронта, учитывая отчаянное положение голодающего населения Ленинграда, постановил 21 декабря 1941 г. передать городу более 300 тонн продовольствия из запасов, хранившихся в Кронштадте. Большая часть этого продовольствия была направлена на оборонные предприятия¹⁸¹.

В блокированном городе продолжалась работа по изысканию пищевых заменителей. Имейшиеся в Ленинграде значительные запасы технического альбумина (одного из продуктов переработки крови убойного скота), употреблявшегося ранее для нужд промышленности, стали использоваться для изготовления колбас. После тщательной проверки в пищу пошли слизистая оболочка желудков свиней, щитовидные железы крупного рогатого скота, заготовленные ранее для получения медицинских препаратов. Мясная промышленность Ленинграда, используя технический альбумин, соленое кишечное сырье, соевый шрот, жмыхи, белковые дрожжи и другие заменители, выпустила в годы блокады свыше 11 тыс. тонн колбас, паштетов, студня и желе¹⁸².

Поиском дополнительных источников питания и пищевых заменителей в это голодное время занимались практически все ленинградцы на предприятиях и в учреждениях, в научных институтах, высших учебных заведениях и школах. В Эрмитаже, например, обнаружили запасы льняного масла и клея, предназначенные для ремонтных работ. По распоряжению директора академика И. А. Орбели эти запасы были переданы в «пищевой оборот»: на льняном масле сотрудники жарили мороженую картошку, а из клея варили студень. Упоминания об употреблении в пищу приготовленного из клея студня содержатся во многих блокадных дневниках и воспоминаниях. «В декабре и январе удалось раза три-четыре достать плитки столярного клея, — вспоминал доктор исторических наук М. Г. Штейн. — Стоила плитка 30 рублей. И в течение нескольких дней мы ели студень из столярного клея. Какой это был деликатес!»¹⁸³

Голодавшее население под огнем противника добывало в пригородах из-под снега невыкопанную картошку и овощи. На территории Бадаевских складов люди собирали пропитанную сахаром в результате пожара 8 сентября 1941 г. промерзшую землю, чтобы затем получить из нее драгоценный напиток, в первую очередь для детей. Чтобы заглушить ни с чем не сравнимое чувство голода, ленинградцы использовали в пищу все, что можно было условно считать съедобным, в том числе корни различных растений, цветы, вазелин, глицерин, горчицу, охотились за собаками, кошками и птицами. Изобретательные работницы научились получать из деталей текстильных машин, изготовленных из кожи (так называемых «гонок»), 22 «блокадных блюда», которые впоследствии стали демонстрировать в Музее обороны Ленинграда¹⁸⁴.

Жестокий голод усугублялся наступившими сильными холодами, почти полным отсутствием топлива и электроэнергии. Чтобы хоть как-то разрешить топливную проблему, исполком Ленгорсовета разрешил в декабре разбирать на дрова деревянные дома и другие деревянные сооружения, главным образом подвергшиеся разрушению. Все это дало блокированному городу около 150 тыс. кубометров дров. Кроме того, организованные в Парголовском и Всеволожском районах лесозаготовки дали еще 300 тыс. кубометров. Исполком Ленгорсовета смог выделить из своих скудных запасов населению всего 15 тыс. кубометров,

предприятиям и учреждениям — 90 тыс., хлебопекарным заводам — 14 тыс., Ленэнерго — 40 тыс. Из-за отсутствия бензина грузовой автотранспорт был переведен на газогенераторное топливо («чурки»), производство которого было налажено на Ижорском фанерном заводе¹⁸⁵. Суточная выработка электроэнергии с сентября по декабрь 1941 г. сократилась почти в семь раз. Минимальные нормы снабжения Ленинграда электроэнергией обеспечивали коллективы 2-й и 5-й ГЭС, на помощь которым были направлены около 2 тыс. рабочих, снятых по решению исполкома Ленгорсовета со строительства Володарского сектора обороны города. 9 декабря 1941 г. в целях сокращения расхода электроэнергии было упразднено восемь трамвайных маршрутов и снято с линии 90 трамвайных вагонов¹⁸⁶. Вскоре трамваи и троллейбусы застыли на улицах города, став неотъемлемой частью блокадного пейзажа зимы 1941—1942 гг.

Из-за недостатка электроэнергии один за другим стали останавливаться оборонные заводы. 20 декабря в литейном цехе Кировского завода подача электроэнергии прекратилась в тот момент, когда рабочие разливали металл по формам, предназначенным для отливки снарядов. На заводе имени Лепсе электроэнергию отключили 25 декабря 1941 г.¹⁸⁷

Все эти чудовищные лишения и трудности вызвали огромную смертность среди ленинградцев. Возникшая в силу нечеловеческих условий жизни в осажденном городе и прежде всего из-за невиданного ранее голода алиментарная дистрофия осталась в истории медицины периода Великой Отечественной войны как «ленинградская болезнь». Отношение числа смертельных случаев к числу заболеваний дистрофией достигало в это критическое время 85%¹⁸⁸. Далеко не точный итог смертности в декабре 1941 г. в блокадном Ленинграде составил почти 53 тыс. человек, что превысило его годовую смертность в 1940 г. — 46 827 человек¹⁸⁹. Но это был еще не предел человеческих страданий.

В декабре 1941 г. работа Ладожской ледовой дороги не оправдывала возлагавшихся на нее надежд. Из-за сложных условий ее эксплуатации план перевозок не выполнялся, и осажденный город располагал в это время запасами муки для выпечки хлеба на один-два дня. Но 21 декабря 1941 г. на имя А. А. Жданова пришла спасительная телеграмма от генерала К. А. Мерецкова: «Задача, поставленная т. Сталиным войскам 4-й армии, выполнена. Сегодня 20.12 16.00 железная дорога Тихвин — Волхов полностью очищена от войск противника и может быть использована для подвоза грузов летучками до Волхова»¹⁹⁰.

24 декабря 1941 г. А. А. Жданов проинформировал Москву о том, что в течение этого дня в город по Ледовой дороге из Новой Ладоги впервые поступило такое большое количество муки — 669 тонн, что превышало ее дневную потребность в городе. И Военный совет Ленинградского фронта, учитывая отчаянное положение населения и реально надеясь на улучшение подвоза продовольствия в ближайшее время, пошел на рискованный шаг — принял в тот же день постановление о прибавке хлебных норм. 25 декабря 1941 г. население Ленинграда стало получать 350 граммов хлеба по рабочей карточке и 200 граммов по служащей, детской и иждивенческой. Но до «улучшения» еще было далеко.

Самоотверженно работали в это тяжелое время медики. Условия блокадной зимы резко снизили возможность оказания медицинской помощи населению. Работа медицинского персонала больниц протекала в очень тяжелых условиях. Хирурги работали в операционных, отапливаемых буржуйками и освещавшихся керосиновыми фонарями. При огромной заболеваемости ленинградцев больничная помощь в стационарных лечебных учреждениях являлась одним из важнейших средств спасения населения осажденного города. В холодных и полутемных кабинетах врачи вели прием амбулаторных больных¹⁹¹.

Несмотря на экстремальные условия жизни в блокадном городе, занятия в школах полностью не прекратились. В конце декабря 1941 г. школы по разрешению исполкома Ленгорсовета прекратили занятия, и только 39 школ продолжали занятия без перерыва. В наступившем 1942 г. неожиданный подарок получили ленинградские школьники, воспитанники детских домов и детских садов: по решению исполкома Ленгорсовета с 1 по 10 января в городе были организованы детские новогодние елки для 50 тыс. маленьких горожан. Самое удивительное было в том, что елки на праздниках были настоящие: тысячу елок заранее завезли из прифронтового леса.

Позиция зенитной батареи на Стрелке Васильевского острова в Ленинграде

На марше защитники города на Неве

Сотрудники госпиталя Е. Скорионова и М. Бакулин на уборке урожая капусты, выращенной возле Исаакиевского собора

Доставка обеда служащим одного из ленинградских предприятий

Толкучка у Кузнечного рынка

Изыскивались также ресурсы и пути доставки продовольствия в осажденный Ленинград. 10 января 1942 г. заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР А. И. Микоян подписал распоряжение правительства о помощи Ленинграду продовольствием. Этим распоряжением в целях «обеспечения продовольствием г. Ленинграда, войск Ленинградского фронта и частей КБФ и создания запаса продовольствия в г. Ленинграде» соответствующие наркоматы и ведомства обязывались отгрузить в январе 1942 г. 180 тыс. тонн муки, 10 тыс. тонн крупы, 6192 тонны мяса, 1100 тонн животного масла, 1000 тонн кокосового масла, 700 тонн растительного масла, 3 тыс. тонн рыбы, 1800 тонн сахара, 1 тыс. тонн концентратов, 150 тонн шоколада, 140 тонн чая, 5 тыс. тонн соли и другие продукты питания¹⁹².

С 13 января 1942 г. была установлена новая система продажи продовольствия населению посредством объявления разовых выдач в счет месячных норм по карточкам. В этот день «Ленинградская правда» опубликовала извещение городского отдела торговли: «Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся разрешил продажу с 13 января 1942 года всем группам населения по январским продовольственным карточкам в счет существующих месячных норм: а) мяса и мясопродуктов — 100 граммов, б) крупы — 200 граммов, в) муки в счет крупы — 200 граммов». Продовольственные магазины открывались в 6 часов утра и работали до 9 часов вечера.

Доставка продовольствия в осажденный Ленинград по-прежнему оставалась самым уязвимым местом в снабжении населения продуктами питания. Из 2877 автомашин, числившихся на тот момент на обслуживании Дороги жизни, в эксплуатации находилось только 1198, остальные утонули в Ладожском озере, вмерзли в лед, не вернулись из Новой Ладogi либо требовали капитального и текущего ремонта¹⁹³. Еще одной причиной, не позволявшей резко увеличить объем доставляемых грузов в блокированный город, было плохое состояние трассы, особенно ее ледовой части.

Быт блокадного Ленинграда в январе 1942 г. не поддается описанию. Не работали почти все бани и прачечные, в магазинах не было ни обуви, ни одежды, ни хозяйственных товаров. Помещения освещались с помощью коптилок и лучины, а обогревались печками-временками, от которых были закопчены не только стены и потолки, но и лица людей. К суровым условиям блокадной зимы приспособлялись, разумеется, кто как мог. Чтобы согреться и вскипятить воду, ленинградцы жгли мебель, книги. Одна из жительниц блокадного города впоследствии писала: «Самая большая в мире библиотека — наверное, те миллионы книг, которые сгорели в ленинградских буржуйках»¹⁹⁴.

Необычайно важную роль в жизни ленинградцев играла почта, которая связывала их с внешним миром, в особенности с родными и близкими, которых война разметала по различным фронтам. В январе 1942 г. в городе работало всего 12 почтовых отделений¹⁹⁵. Ленинградские почтальоны были настоящими подвижниками, обходя со своими тяжелыми сумками квартиру за квартирой. Принося радостные и горестные вести, почтальоны часто находили квартиры открытыми и полностью вымершими¹⁹⁶. Они, по всей видимости, были одними из первых, кто воочию увидел реальную картину массовой смертности в Ленинграде в январе 1942 г., по неполным подсчетам, составлявшей 127 тыс. человек¹⁹⁷. Почти три четверти умерших от голода в январе 1942 г. составляли мужчины и только чуть более четверти — женщины¹⁹⁸. В память о жертвах голодной зимы 1941–1942 гг. на Пискаревском кладбище теперь горит неугасающий Вечный огонь.

Противоборство жизни и смерти в блокированном Ленинграде вступило в феврале 1942 г. в свою новую фазу, когда чаша весов стала медленно склоняться в пользу жизни. На возрождение жизни в полуживом городе были направлены предпринятые ленинградским руководством в феврале 1942 г. важные меры. Символично, что одним из первых стало постановление Военного совета Ленинградского фронта от 7 февраля 1942 г. «О нормах продовольственного снабжения за февраль для детских учреждений». Этим постановлением были значительно повышены нормы продовольственного снабжения на одного ребенка в детских учреждениях — домах малюток и интернатных группах детских яслей, дошкольных

детских домах¹⁹⁹. 11 февраля 1942 г. востоковед А. Н. Болдырев записал в своем дневнике: «Сегодня с утра грянула прибавка хлебная: 500 г, 400 г и 300 г. Первое чувство — выживем теперь!»²⁰⁰

Конечно, победить смертность еще одной, третьей по счету прибавкой хлеба и других продуктов питания сразу было невозможно. В условиях широкого распространения среди населения алиментарной дистрофии понизилось сопротивление организма инфекционным заболеваниям. К этому добавилось резкое ухудшение общего санитарного состояния города, его жилищных, коммунальных и промышленных объектов. Употребление воды из загрязненных источников при пониженной сопротивляемости организма инфекциям представляло большую опасность для эпидемиологического состояния блокированного города. Ленинградцы в течение длительного времени были лишены возможности соблюдать элементарную гигиену в быту и на производстве. Все это вместе взятое представляло серьезную угрозу возникновения и распространения эпидемических заболеваний.

В целях предотвращения этой угрозы руководство обороной осажденного Ленинграда наметило осуществить в феврале 1942 г. целый ряд необходимых мер. 10 февраля Военный совет Ленинградского фронта принял постановление «О мероприятиях по борьбе с эпидемическими заболеваниями», которым определялись неотложные меры по радикальному улучшению медико-санитарной обстановки в городе. В соответствии с постановлением была организована бесперебойная работа всех санпропускников города, двух бань на каждый район и прачечных, обслуживавших военные госпитали, восстановлена работа лабораторий, выпускающих препараты для борьбы с сыпным тифом. Активную деятельность развернула образованная 11 февраля городская противоэпидемическая комиссия. Массовыми противодизентерийными прививками удалось охватить в феврале 1942 г. почти 500 тыс. ленинградцев²⁰¹.

Действенным фактором возрождения жизни в феврале 1942 г. стали комсомольско-молодежные бытовые отряды, заслужившие своей самоотверженной работой признание и благодарность ленинградцев. Бойцами первого бытового отряда стали 80 девушек — работниц фабрики «Красное знамя», заводов «Вулкан» и «Красная Бавария», типографии «Печатный двор» и других предприятий Петроградской стороны. Командиром отряда стала Полина Догадаева, комиссаром — Надежда Овсянникова, обе были работницами фабрики «Красное знамя». В бытовых отрядах постоянно трудились около 1 тыс. человек. Кроме того, к работе отрядов привлекались в каждом районе от 500 до 700 человек. Комсомольские бытовые отряды получили широкие полномочия от Ленгорсовета: они имели право переселять жильцов из одной квартиры в другую, более благоустроенную, определять безнадзорных детей в детские дома, ходатайствовать об эвакуации населения. По инициативе комсомольцев были открыты специальные магазины, где отоваривались карточки для больных. Кроме того, в каждом районе были созданы комсомольские столовые, откуда по карточкам доставлялась больным приготовленная пища. Только в первые месяцы своей работы бытовые отряды обследовали почти 30 тыс. квартир и оказали помощь тысячам ленинградцев²⁰².

Непосредственным толчком к возрождению жизни на крупных оборонных предприятиях стало выполнение фронтовых заказов на ремонт военной техники, прибывшей в начале февраля буквально с поля боя. Специальным постановлением Военного совета Ленинградского фронта от 6 февраля 1942 г. Металлический завод обязывался отремонтировать и сдать Автобронетанковому управлению фронта из числа прибывших 13 танков КВ семь — к 12 февраля и остальные — к 20 февраля. Для выполнения этого срочного задания заводу выделялось 250 тонн угля для заводской блокэлектростанции, 5 тонн бензина, 3,5 тонны авиабензина и дефицитные масла и смазки. Для усиления питания рабочих, занятых на ремонте танков, предусматривалось отпускать ежедневно 250 фронтовых пайков передовой линии на период работ по ремонту танков²⁰³. В назначенный срок отремонтированные танки стали выходить из ворот Металлического завода. Кроме того, ленинградские рабочие вместе с моряками Балтики возобновили в феврале 1942 г. ремонт кораблей, трудились на ремонтных базах военно-воздушных сил.

Одной из важнейших задач в феврале 1942 г. стали организация и проведение массовой эвакуации населения осажденного города. В труднейших условиях февраля 1942 г. были эвакуированы из Ленинграда 117,5 тыс. человек²⁰⁴.

В феврале 1942 г. стала возрождаться и культурная жизнь Ленинграда. 8 февраля 1942 г. бюро Ленинградского горкома партии рассмотрело предложение Ленинградского отделения Союза художников о подготовке выставки «Ленинград в дни Великой Отечественной войны». Было решено лучшие работы этой выставки передать на всесоюзную выставку в Москве. Ленинградским художникам было что показать: ведь даже в январе 1942 г. они устроили свою выставку, представив на нее 126 картин и эскизов²⁰⁵.

Театр музыкальной комедии возобновил свои спектакли в помещении Академического театра драмы имени Пушкина. 5 марта 1942 г. впервые прозвучала Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича. Правда, она была исполнена в Куйбышеве, но на Ленинград симфония транслировалась по радио. Выступивший перед началом ее исполнения композитор сказал, что он посвящает Седьмую симфонию Ленинграду, всем ленинградцам и грядущей победе над фашизмом.

8 марта 1942 г. тысячи ленинградцев вышли на первый общегородской воскресник. В этот день произошло важное событие в жизни города — открылось грузовое трамвайное движение. Первый грузовой трамвай прошел еще вечером накануне по Загородному проспекту и площади Труда. Однако объем работ по очистке дворов, улиц и площадей был еще настолько велик, что обезопасить город от эпидемий до наступления теплой погоды можно было только систематической работой всех ленинградцев. Решением исполкома Ленгорсовета от 25 марта 1942 г. все трудоспособное население было мобилизовано на очистку города с 27 марта по 8 апреля. Рабочие действующих заводов, фабрик и учреждений должны были ежедневно отработать два часа во вне рабочее время, рабочие и служащие законсервированных предприятий — восемь часов, домохозяйки и учащиеся — шесть часов²⁰⁶. 27 марта — в первый день трудовой мобилизации — на работу вышли 143 тыс. ленинградцев, 28 марта — 244 тыс., 31 марта — до 304 тыс.²⁰⁷

С 20 марта 1942 г. Ленинград стал получать 550 тыс. киловатт-часов в сутки, или более чем в три раза в сравнении с февралем²⁰⁸. Подача промышленного тока позволила ленинградским предприятиям возобновить производство дефицитных корпусов для артиллерийских снарядов. Возрождение оборонной промышленности в блокированном городе имело огромное моральное значение. Ленинград оживал и боролся вместе со всей страной против немецко-фашистских захватчиков.

Хотя разорвать кольцо вражеской блокады вокруг Ленинграда в марте 1942 г. не удалось, пережившие страшную зиму ленинградцы уже не чувствовали себя обреченными и одинокими. Братская солидарность всей страны, направлявшей помощь осажденному Ленинграду, придавала им новые силы. В марте Ленинград посетили делегации партизан и колхозников Ленинградской области, трудящихся Карелии, Казахской, Киргизской и Узбекской ССР. Особое моральное значение имело прибытие в блокированный город «красного обоза» из 223 подвод с продовольствием из «партизанского края», с оккупированной немцами территории области. Колхозники собрали для ленинградцев 3500 пудов различных продуктов, которые проселочными дорогами и лесными тропами под охраной партизан были доставлены через линию фронта в блокированный Ленинград.

По решению горкома партии и исполкома Ленгорсовета в апреле 1942 г. была создана сеть столовых усиленного питания, рассчитанная на обслуживание одновременно около 100 тыс. человек. Для этой цели было выделено 153 столовых, из которых 89 находились на территории предприятий и учреждений и были закрытыми и 64 столовые открытого типа²⁰⁹. Уже в скором времени организация лечебного питания дала свои результаты. У большинства прошедших курс лечения в столовых усиленного питания восстанавливалось полностью или значительно улучшалось состояние здоровья. За апрель — май 1942 г. через сеть столовых усиленного питания прошли 234 тыс. ленинградцев, из которых рабочие составляли 69%, служащие — 18,5%, иждивенцы — 12,5%²¹⁰.

Группа жителей блокадного Ленинграда на Суворовском проспекте перед эвакуацией

Эвакуированные ленинградцы в порту Кобона

Тела умерших от голода на улицах Ленинграда

Постепенное восстановление здоровья ленинградцев позволило руководству города приступить в апреле 1942 г. к частичной расконсервации оборонной промышленности. Число действующих предприятий оборонной промышленности к концу апреля 1942 г. достигло 50²¹¹. Одновременно началось возрождение городского хозяйства, почти полностью выведенного из строя варварскими обстрелами и бомбежками. В первую очередь предстояло привести в порядок городскую водопровод и канализацию. К началу мая 1942 г. водопровод действовал в 3300 домах, что составляло более трети жилого фонда Ленинграда. Очереди за водой постепенно исчезали. Канализационная сеть была восстановлена в большинстве домов города²¹². Одновременно начались и ремонтно-восстановительные работы в сильно пострадавшем жилищном хозяйстве города: в результате обстрелов и бомбежек было разрушено и повреждено 2295 домов, в которых предстояло отремонтировать более 1,5 млн кв. метров жилой площади. Начатые в апреле 1942 г. ремонтные работы помогли сохранить сотни поврежденных домов, позднее восстановленных окончательно. Символично, что еще в марте 1942 г. коллектив ленинградских архитекторов приступил к разработке проектов возрождения города. Над этими проектами работали 45 архитекторов²¹³.

Апрель 1942 г. стал последним месяцем эксплуатации Ладожской ледовой трассы, ставшей для блокированного Ленинграда Дорогой жизни. 24 апреля с 16 часов приказом командования военно-автомобильной дороги движение всех видов транспорта, а также пешеходное движение по льду было прекращено. За три недели этого месяца на западный берег Ладожского озера удалось доставить 87 250 тонн различных грузов и вывезти из Ленинграда 163 400 человек²¹⁴.

26 апреля 1942 г. городская эвакуационная комиссия утвердила отчет «Об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 по 15 апреля 1942 г.». В нем отмечалось, что с 22 января по 15 апреля 1942 г. по ледовой дороге из Ленинграда были вывезены 554 186 человек. Всего за период с 29 июня 1941 по 15 апреля 1942 г. были эвакуированы 1 295 100 человек, из которых население Ленинграда составило 970 718 человек²¹⁵. По сравнению с началом блокады Ленинграда его население к концу апреля 1942 г. сократилось за счет эвакуации и смертности в два раза.

Большое значение для ликвидации последствий голодной зимы и увеличения запасов продовольствия имела организация овощеводства. Блокада города в десятки раз сократила территорию пригородного сельского хозяйства, поэтому были взяты на учет все пустующие земли как в пригородах, так и внутри самого города. Летний сад, Марсово поле, Исаакиевская площадь, парки, скверы, площади, где раньше были цветники и газоны, теперь были засеяны овощами. На окнах жителей города в горшочках вместо цветов зеленили салат, редис, лук. Огородничество было сложным и новым делом для жителей Ленинграда. Поэтому еще с февраля 1942 г. начали работать курсы овощеводства, на которых были подготовлены 5700 агротехников и бригадиров-овощеводов для совхозов и подсобных хозяйств.

Работники Ботанического института проводили ежедневные консультации для огородников, выезжали на поля для оказания помощи в борьбе с вредителями сельского хозяйства. Популярными стали лекции на сельскохозяйственные темы, их прослушали более 130 тыс. ленинградцев. Предприятия местной промышленности изготовили для огородников десятки тысяч лопат, мотыг, цапок, грабель, леек и ведер. Повсюду стояли очереди за семенами и рассадой овощных культур, значительная часть которых была доставлена в осажденный город по Ладоге²¹⁶. К началу весеннего сева в Ленинграде было организовано 633 подсобных хозяйства и 1468 объединений огородников, в которых состояли свыше 170 тыс. человек. Кроме того, более 100 тыс. ленинградцев имели свои индивидуальные огороды. Для работы в подсобных хозяйствах предприятия и учреждения выделили и закрепили за хозяйствами 13 тыс. постоянных рабочих. Поскольку в распоряжении подсобных хозяйств оказалось всего 54 стареньких трактора и 200 слабосильных лошадей, широко применялся ручной труд. Из 9838 га обработанной земли 3253 га, или 33%, было вскопано вручную²¹⁷.

С начала весенне-летней навигации по Ладожскому озеру была продолжена эвакуация населения из осажденного города и транспортировка боеприпасов и живой силы для его

обороны. За время навигации 1942 г. в Ленинград было доставлено 790 тыс. тонн различных грузов, из которых 353 тыс. тонны составляло продовольствие²¹⁸.

Вызовом фашистам стало возобновление занятий в ленинградских школах. В Ленинграде и Кронштадте было открыто 148 школ, в которых с 4 мая 1942 г. стали учиться 63 719 детей²¹⁹.

В последний день мая 1942 г. в Ленинграде произошло еще одно событие, в которое сегодня даже трудно поверить — первый с довоенного времени футбольный матч. 31 мая, воскресенье, было объявлено праздником «первого спортивного блокадного дня», и после соревнований по легкой атлетике и другим видам спорта на стадионе «Динамо» был проведен этот легендарный матч. Футбольный матч проходил на тренировочном поле стадиона «Динамо» в присутствии нескольких десятков болельщиков. Было решено, что игра пройдет без перерыва, но в нее вмешался артиллерийский обстрел, и судья приказал всем укрыться в «щелях». После того как обстрел закончился, матч продолжился, и победу в нем одержали с крупным счетом (6:0) динамовцы. О блокадном матче стало сразу же известно на Большой земле, и ленинградские футболисты были приглашены выступить в Москве, Казани, Омске, Алма-Ате. Везде ленинградских футболистов встречали как посланцев героического города²²⁰.

5 июля 1942 г. Военный совет принял постановление, в котором в качестве важнейшей задачи выдвигалось «завершение в кратчайший срок всех мероприятий, обеспечивающих превращение Ленинграда в военный город». В связи с этим предлагалось оставить в блокированном городе «только необходимый минимум самодеятельного населения» — около 280 тыс. рабочих и инженерно-технических работников. На этот раз власти действовали самым решительным образом: с 27 мая по 1 декабря 1942 г. были эвакуированы 448 тыс. человек, из них более 389 тыс. ленинградцев и около 54 тыс. инвалидов войны и населения Ленинградской области. Этим была завершена массовая эвакуация населения из блокированного города. Всего с начала блокады до конца 1942 г. на Большую землю были переправлены 1 млн 100 тыс. человек, из них 871 тыс. ленинградцев. В самом Ленинграде к концу 1942 г. осталось немногим более 600 тыс. жителей, в том числе 225 тыс. рабочих, инженерно-технических работников и служащих²²¹.

Постепенно восстанавливая свое здоровье, ленинградские рабочие, основную массу которых составляли в 1942 г. женщины и подростки, с каждым месяцем наращивали темпы выпуска оборонной продукции. В 1942 г. промышленность блокадного Ленинграда изготовила 46 танков KB-1, 14 танков T-26 и СУ-25, более 1500 минометов, почти 2700 станковых пулеметов «максим», свыше 800 тыс. снарядов, около 2 млн мин, более 1 млн 260 тыс. ручных гранат²²². Оборонные предприятия города полностью удовлетворяли потребность войск Ленинградского фронта в ручных и станковых пулеметах и в значительной степени в снарядах и минах²²³. Не будет преувеличением сказать, что своим самоотверженным трудом ленинградцы внесли вклад в успех операции «Искра», в результате которой 18 января 1943 г. была прорвана блокада Ленинграда южнее Ладожского озера и освобожден от оккупантов Шлиссельбург.

Важнейшим результатом прорыва блокады Ленинграда стало восстановление его сухопутной связи со страной: 18 января 1943 г. Государственный Комитет Обороны принял решение о строительстве железнодорожного пути от Шлиссельбурга до станции Поляны. 7 февраля 1943 г. первый поезд с продовольствием с Большой земли встречали на Финляндском вокзале. До конца 1943 г. в Ленинград удалось провести 6181 железнодорожный состав с продовольствием, топливом и боеприпасами²²⁴. По Шлиссельбургской магистрали было организовано и пассажирское движение. С 10 ноября 1943 г. между Ленинградом и Москвой стал ежедневно курсировать прямой скорый пассажирский поезд²²⁵.

Уже через две недели после прибытия в Ленинград первого поезда с Большой земли ленинградцам увеличили нормы выдачи хлеба. С 22 февраля 1943 г. рабочие и инженерно-технические работники стали получать 600 граммов хлеба в день, а на оборонных предприятиях — 700 граммов, служащие — 500 граммов, иждивенцы и дети до 12 лет — 400 граммов, учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО — 600 граммов. В июле 1943 г. 564 232 ленинградца получали продовольственные карточки и 48 770 находились на котловом довольствии²²⁶.

За счет увеличения выработки электроэнергии на городских электростанциях и подачи электроэнергии с Волховской ГЭС, соединенной с Ленинградом с конца 1942 г. высоковольтной линией, в январе 1943 г. 4 тыс. жилых домов были подключены к городской электросети²²⁷. Хотя электричество включалось всего на несколько часов в день, сам факт его появления в домах имел огромное морально-психологическое значение для жителей города. В 1943 г. в Ленинграде работало полностью или частично 186 крупных промышленных предприятий. С четвертого квартала 1943 г. ленинградская промышленность была включена в общесоюзный план народного хозяйства²²⁸.

С июня 1943 г. в Ленинграде началось вручение медали «За оборону Ленинграда», учрежденной Президиумом Верховного Совета СССР 22 декабря 1942 г. Среди более 1 млн участников обороны города, получивших в 1943 г. эту почетную награду, были и 300 тыс. трудящихся, приближавших победу под Ленинградом²²⁹. Эта окончательная победа пришла в январе 1944 г. Вечером 27 января в честь полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады на берегах Невы прогремели 24 залпа торжественного артиллерийского салюта из 324 орудий.

Особой страницей в истории Великой Отечественной войны является повседневная жизнь деревенских жителей в условиях военного времени. Начавшаяся война вызвала перестройку привычного уклада сельской жизни. По мобилизации из деревни на фронт уходили мужчины, и сельское население быстро сокращалось. Только в 1941 г. его общая численность уменьшилась сразу на 17,7 млн человек, тем более что помимо военной мобилизации немало работников колхозов и совхозов были призваны на оборонные предприятия, различные стройки. Все это вносило перемены в повседневную жизнь сельских семей. Многие из них лишались кормильцев, а колхозы и совхозы — основных работников. Менялся и демографический состав сельских жителей, так как призыв молодых и дееспособных мужчин резко повысил в нем долю женщин, детей и пожилого населения. Гибель мужчин на войне ухудшала семейно-брачный статус сельских женщин, делая многих вдовами, а их детей — сиротами.

В предвоенные годы, несмотря на заметные успехи технической модернизации, СССР во многих отношениях оставался аграрной страной. Сравнительно высокой в нем была и доля сельских жителей — 67% (согласно переписи 1939 г.). А в советской деревне 70% населения составляли колхозники и члены их семей, в то время как удельный вес всех остальных социальных групп: рабочих и служащих совхозов, МТС и других сельских государственных предприятий, а также немногочисленных крестьян-единоличников вместе с некооперированными кустарями — составлял 30%²³⁰.

Все добросовестно работавшие члены колхоза, согласно уставу сельхозартели, получали приусадебный участок земли. Им предоставлялось право вести на нем личное хозяйство. Колхозники этим хозяйством дорожили, стремились сохранить его любой ценой даже в войну, поскольку оно снабжало семью свежей продукцией с огорода. Имелся и домашний скот. В 1941—1945 гг. определенную часть приусадебных хозяйств содержали старики. За эти годы общее число колхозных дворов сократилось всего на 4%, в то время как численность колхозного населения — на 15%²³¹.

Быстрая убыль колхозного населения при относительной устойчивости числа дворов свидетельствовала об уменьшении среднего размера колхозной семьи, особенно по числу наличных членов, то есть остававшихся в деревне. Например, в Алтайском крае численность колхозной семьи за этот период уменьшилась в среднем с 4,54 до 3,9 человек, в Краснодарском крае — с 4,19 до 3,8, в Вологодской области — с 4,15 до 3,6, в Новосибирской области — с 4,40 до 3,96, в Башкирской АССР — с 4,96 до 4,56. Иными словами, если перед войной средняя крестьянская семья в РСФСР в своем составе насчитывала пять человек, то к концу войны в ней уже не оставалось и четырех человек²³².

Мобилизация в армию мужчин привела к значительному снижению их доли в составе трудоспособных работников колхозов, которая в 1943—1944 гг. едва дотягивала до трети от предвоенного уровня. Со временем определилась еще одна неблагоприятная для деревни тенденция: если до войны по организационному набору в промышленность выбывали в основном

мужчины, то в войну на оборонные предприятия стали уходить женщины и молодежь. Таким образом, война стала причиной интенсивного оттока из села наиболее дееспособных групп населения. При этом сельское хозяйство в войну практически не получало новой техники и прочих необходимых ресурсов, а количество рабочего скота значительно сократилось. Уже к 1943 г. общий уровень механизации колхозных работ снизился в 2,5 раза по сравнению с 1940 г., а производительность труда упала почти наполовину²³³. Работать в таких резко осложнившихся условиях в основном приходилось женщинам, старикам и подросткам.

В годы войны сельские жители без преувеличения вели полную самоотреченную ежедневную битву за хлеб, особенно в летнюю страду, когда работать приходилось весь световой день — по 17–18 часов подряд. В это время вся колхозная жизнь перемещалась на полевые станы, колхозники из отдаленных полеводческих бригад сутками не возвращались домой. Из-за нехватки рабочих рук даже конторским работникам нередко приходилось брать в руки косу или лопату.

В 1942 г. по решению правительства для колхозников был в 1,5 раза повышен обязательный минимум выработки трудодней. Важно отметить, что с этого времени в колхозах официально использовался детский труд, так как для колхозных подростков в возрасте от 12 до 16 лет тоже вводился обязательный минимум в размере 50 трудодней, то есть в 2–3 раза ниже, чем для взрослых трудоспособных колхозников. Теперь в колхозе были обязаны трудиться и выполнять установленную норму уже все члены крестьянской семьи, за исключением детей до 12 лет. Даже старики, на которых обязательный минимум не распространялся, по мере сил стремились помогать колхозу.

Материальное положение колхозных семей в войну значительно ухудшилось, поскольку основным источником существования был труд в колхозе, а его оплата резко снизилась. Безусловным приоритетом при распределении произведенной колхозами продукции, как и до войны, являлось выполнение «первой заповеди колхозников» — обязательств по государственным поставкам и закупкам сельскохозяйственных продуктов. На расчеты с государством и нужды фронта уходил практически весь выращенный колхозами урожай, объемы которого снизились по сравнению с довоенным периодом, а нормы сдачи государству сельскохозяйственной продукции по-прежнему были очень высоки.

Практически вся товарная продукция, произведенная колхозами, уходила на восполнение ограниченных из-за войны и оккупации возможностей государства. Вследствие этого неизбежно сокращались фонды потребления в колхозах. На трудодни колхозы выдавали теперь продуктов гораздо меньше, чем перед войной. Подавляющее большинство (почти три четверти) колхозов с 1942 г. и вплоть до окончания войны платили на каждый заработанный трудодень не более 1 кг зерна, а число хозяйств с повышенной выдачей — от 1,1 до 2 кг зерна — за это время сократилось более чем в два раза. Кроме того, в три и более раз уменьшилась выдача картофеля по трудодням. Сокращение натуральных поступлений из колхозов весьма негативно отразилось на продовольственной обеспеченности их работников: если в 1940 г. поступления из общественного хозяйства давали около 40% их совокупного семейного дохода, то в годы войны — уже в три раза меньше, то есть всего около 10%²³⁴. Выходило, что взрослые колхозники и подростки, хоть и выработывали в это время на 10% больше трудодней, чем в 1940 г., продуктов по ним они получали в общей сложности значительно меньше²³⁵ (таблица 1).

Таблица 1

Количество отпускаемых продуктов на трудодни

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Зерно, ц	2,0	1,6	1,0	0,8	—	0,7
Картофель, ц	1,2	0,4	0,3	0,5	—	0,3
Деньги, руб.	113	127	129	146	123	92

Таким образом, средние цифры по стране убедительно иллюстрируют резкое снижение оплаты (кроме денег) колхозного трудодня в военные годы. Следует иметь в виду и то, что они отражают тот размер натуральной и денежной оплаты, который был лишь определен к выдаче, что совсем не означало фактического получения названных продуктов и денег в полном объеме. В 1945 г. колхозники получили фактически всего 80% от определенного к выдаче объема зерна и картофеля.

Исключение составляли сельские механизаторы, труд которых по-прежнему оплачивался в соответствии с минимумом, который гарантировало им государство, — 2,5 рубля и 3 кг зерна на трудодень. Оплата труда рядовых колхозников была значительно меньшей, и даже в 1945 г., когда положение в колхозах уже несколько выровнялось, в среднем по стране они получили только 600 граммов зерна на трудодень. Сравнительно весомый по условиям военного времени трудодень сохранялся лишь в немногих центральных областях, на Северном Кавказе и в Таджикистане, где колхозное производство развивалось относительно неплохо.

Особенно тяжелым был для деревни 1943 г., когда стояли без горючего и без того немногочисленные тракторы и не было запчастей для ремонта. Лошадей в колхозах не хватало, а те, что остались, буквально падали от перегрузок. Крестьянкам приходилось пахать на быках и коровах. Например, только в Курской области во время весеннего сева, в упряжи стояло 174 тыс. коров, большая часть которых использовалась как тягло — при бороновании и пахоте. Когда не хватало машин и рабочего скота, случалось и самим впрягаться и обрабатывать землю.

Экономические трудности жителей села многих областей страны еще больше усилились в связи с тяжелыми погодно-климатическими условиями 1943 г. Плохая погода летом вызвала серьезный неурожай зерновых и других сельскохозяйственных культур. Колхозные выдачи по трудодням снизились до минимума: например, в Новосибирской области в среднем на один трудодень было выдано всего по 333 грамма хлеба, а во многих хозяйствах не было и этого. В среднем по стране даже с учетом высокой оплаты труда комбайнеров и трактористов колхозы выдали зерновых и картофеля в 2–2,5 раза меньше, чем в довоенном 1940 г. Если же вычесть повышенные заработки механизаторов, то натуральные выдачи рядовым колхозникам по трудодням окажутся еще меньше. Правда, при этом денег на трудодень колхозы заплатили чуть больше — вместо 98 копеек в 1940 г. 1,03 и 1,24 рубля в 1942–1943 гг., что при резком вздорожании продуктов и товаров первой необходимости в период войны абсолютно не имело значения. Такая оплата труда в колхозах в 1942–1943 гг. в среднем обеспечивала каждому наличному члену семьи лишь около стакана зерна и одной картофелины в день, а потребность в овощах удовлетворяла всего на 15–20%²³⁶.

Размеры натуральных выдач на трудодень по стране существенно различались. Например, если за второе полугодие 1943 г. в пострадавших от засухи Куйбышевской, Чкаловской, Саратовской и ряде других областей колхозы в расчете на душу наличного населения заплатили в среднем всего по 20–26 кг зерновых (это означало, что на каждый из 180 дней этого периода на человека приходилось чуть более 100 граммов хлеба), то в Свердловской, Рязанской, Горьковской, Кировской областях — от 50 до 70 кг (соответственно, на день по 275–385 граммов). Понятно, что для пропитания семьи этих выдач зерна никак не хватало. В то же время в Московской области колхозники получили хлеба значительно больше — 92,2 кг, в Вологодской области — 113,9 кг, то есть в среднем уже по 0,5–0,6 кг зерна на человека в день.

В ряде областей Урала и Западной Сибири — Чкаловской, Молотовской, Свердловской, Новосибирской областях, Алтайском крае и других — колхозы за полгода в расчете на одного наличного члена семьи суммарно выдали по трудодням лишь от 1 до 6 кг картофеля. В центральных областях РСФСР, где летом климатические условия сложились удачнее, лучше уродился и картофель. Благодаря этому колхозники Рязанской области получили в среднем на одного члена семьи по 170 кг картофеля, Горьковской области — по 187,2 кг, Московской области — по 336,7 кг. Иными словами, уровень оплаты труда в колхозах разных частей страны зависел не только от общего состояния их экономики, но во многом от погодных факторов, что и предопределило значительные региональные отличия²³⁷.

Обязательным элементом жизни сельского населения, кроме труда в общественном колхозно-совхозном производстве, являлось ведение личного подсобного хозяйства, значимость которого в годы войны значительно повысилась. Труд в нем был еще тяжелее, чем в колхозе, но и эффективность значительно выше. Крестьянское подворье довольно быстро превратилось из второстепенной статьи доходов в главный источник жизнеобеспечения. Даже при полном отсутствии оплаты в колхозе подсобное хозяйство своей картошкой, капустой и другими овощами спасало крестьян от голода. Высшей ценностью, помогавшей семье выживать, считалось наличие коровы. Хотя основной пищей крестьян были хлеб и картофель, но полноценным питанием становилось лишь при потреблении молока, которое обеспечивало животных белком и жирами. Корова становилась просто необходимой, когда в семье были дети. «Корова — это всё, без нее и прожить было нельзя», — вспоминали крестьяне военную жизнь²³⁸.

Колхозные семьи, осознавая решающую роль личного подсобного хозяйства в их жизни, старались в период войны уделять ему больше внимания. Но занимались в нем главным образом подростки и старики. В 1944 г. старшие по возрасту члены семей отработали в подсобном хозяйстве от 25% (Вологодская область) до 42% (Куйбышевская область) своего времени, подростки — 10–20%, а у женщин трудоспособного возраста количество времени, отработанное на личном подворье, оказывалось менее 15%. Время, затраченное стариками и подростками в личном подсобном хозяйстве, довольно сильно отличалось по местностям. В Московской и Молотовской областях, например, на это у них уходило по 17–18% общего бюджета рабочего времени; в Горьковской и Куйбышевской областях — 28–30%. У колхозников оставались на свое хозяйство после колхозных работ (особенно в период сева или жатвы) лишь поздний вечер и ночь.

Тот факт, что колхозы резко сократили выдачу хлеба по трудодням, вынуждал крестьян расширить на своем подворье зерновой клин, хотя для этого пришлось сократить посеы под кормовыми культурами, но под овощами и картофелем грядки сохранялись прежними. Общие размеры земельных участков в подсобных хозяйствах колхозников за годы войны несколько увеличились: к 1945 г. их средняя площадь возросла до 0,28 га вместо 0,24 га в 1940 г. Несмотря на сокращение в 1942 г., поголовье скота в колхозных дворах к концу войны тоже достигло предвоенного уровня²³⁹. Все это подтверждает, что личное хозяйство в годы войны для крестьян имело огромную ценность, так как оно восполняло многое из того, чего не давал колхоз.

Нелегкий труд в подсобном хозяйстве себя полностью оправдывал. Оно почти полностью (до 95%) обеспечивало колхозную семью картофелем, более чем наполовину — разными овощами, а также молоком, мясом и яйцами, которых колхоз вообще не выдавал²⁴⁰. Неудивительно, что почти все колхозники стремились держать птицу, корову и по возможности другой домашний скот, несмотря на то что животноводство было наиболее трудоемкой отраслью личного подсобного хозяйства и отнимало вдвое больше времени, чем сад и огород.

В отдельную проблему превратилась в войну заготовка кормов для главной кормилицы — коровы. Своего зерна крестьяне не имели и даже расширение в войну зернового клина на их частных огородах в сочетании с тем малым, что давал колхоз, не покрывало всей потребности в хлебе, так как часть зерна уходила на корм скоту и птице. Сена до войны по трудодням выдавалось вполне достаточно, но в войну его выдача практически прекратилась. Крестьяне находили разные варианты выхода из такого нелегкого положения.

Несмотря на малые размеры хозяйства колхозного двора и его в основном потребительский характер, далеко не вся продукция личного подсобного хозяйства уходила на внутрисемейное потребление. На колхозниках лежала нелегкая обязанность государственных налогов, при этом частично выплачиваемых в денежной форме. Чтобы получить необходимые средства, они выносили на рынок часть продукции из подсобных хозяйств, что нередко заставляло ограничивать себя и детей в продуктах. За период 1941–1944 гг. доля средств, полученных от реализации на колхозном рынке продукции подсобных хозяйств, согласно официальным данным Госплана СССР, увеличивалась. Среди поступлений (зарплата, пенсия, пособие от

выигрышей, а также другие доходы) удельный вес доходов сельского населения от рыночных продаж составлял в 1941 г. — 35%, в 1942 г. — 63%, в 1943 г. — 76,5%, всего за три квартала 1944 г. — 78,7%. Но чтобы не создавалось впечатления, что в войну колхозники зарабатывали большие деньги на продаже дефицитного продовольствия, отметим, что суммарно все денежные суммы, поступавшие в сельские семьи от разных видов источников, включая рыночные продажи, были заметно ниже доходов «несельскохозяйственного населения». Так, суммарные денежные поступления сельских семей составляли в 1941 г. 33,5% от общих денежных поступлений городского населения, в 1942 г. — 52,1%, в 1943 г. — 32%, в первые три квартала 1944 г. — 68%²⁴¹.

Колхозное крестьянство на случай продовольственных затруднений во время войны государством «подстраховано» не было, поскольку оно само являлось главным производителем продовольствия в стране. Сложившаяся в стране система распределения продовольствия не давала колхозникам никаких преимуществ, и их собственное продовольственное положение в отдельные годы во многих областях складывалось очень тяжело. «Деревня всю войну жила голодно, вплоть до отмены карточной системы (декабрь 1947 г.)», — вспоминали пережившие войну крестьяне. Нехватка продовольствия ощущалась все время, что отражалось на повседневном питании крестьянских семей как по набору продуктов, так и объему потребления. «Мы не верили, — заявляли крестьяне, — что когда-нибудь досыта наедемся картошки, хлебушка, каши»²⁴².

Тяжелое материальное положение крестьян негативно отражалось на их питании, с каждым военным годом самоограничение возрастало. При этом сельские семьи старались помочь продовольствием еще и своим родственникам, живущим в городах. На счету были каждый килограмм картошки, каждая горсть зерна, особенно после тяжелейших государственных продовольственных заготовок 1942–1943 гг. Основу крестьянского рациона составляли хлеб и картофель, но даже хлеба потреблялось меньше, чем до войны. В 1943 г. в ряде тыловых областей страны потребление крестьянами хлеба, крупы и бобовых по сравнению с 1940 г. уменьшилось почти в половину. В Новосибирской области на каждого члена колхозной семьи в день приходилось менее 220 граммов хлеба, в Тамбовской области — 310 граммов, в Алтайском крае — 317 граммов, в Свердловской и Куйбышевской областях — по 350 граммов. Скучных запасов хлеба до начала лета хватало лишь немногим семьям, при выпечке приходилось добавлять различные примеси: картофельные очистки, жмых, лебеду, мякину и прочее. Из зерна часто варили жидкие каши, получая сразу первое и второе блюдо.

Недостаток зерновых деревня возмещала «вторым хлебом» — картофелем с приусадебного участка. Его общее потребление сельским населением страны за войну возросло примерно на одну треть, а в некоторых районах и больше. Увеличенным потреблением картофеля во всех видах (вареного, печеного, жареного) жители села компенсировали общую нехватку хлеба и круп. Например, ежедневно в течение января 1943 г. в Алтайском крае, Башкирской АССР, Куйбышевской, Свердловской, Новосибирской и других областях один член колхозной семьи потреблял в среднем от 1 до 1,5 кг картофеля. Картофель, часто с луком, огурцом, капустой или грибами, олицетворял обычный крестьянский рацион военного времени. Выручали и овощи со своего участка, в южных районах — еще фасоль, горох и кукуруза. При этом дневное потребление колхозниками овощей, даже с учетом, что не хватало хлеба и картофеля, в среднем по стране составляло от 120 до 400 граммов в день.

В рационе питания сельских жителей в эти годы особенно сократилось содержание белков, жиров и витаминов. Потребление мяса и сала резко упало: например, в 1943 г. в среднем по РСФСР их было употреблено на уровне около 20% от 1940 г., а яиц — в два раза меньше. В войну мясо и сало в ограниченном количестве появлялись на крестьянском столе редко, лишь в зимнее время и по большим праздникам. Так, даже в начале 1943 г. мяса и сала в расчете на одного человека было употреблено в Тамбовской области всего около 14 граммов, в Алтайском крае, Новосибирской и Свердловской областях — 76 граммов, а одно яйцо съедалось не чаще, чем раз в три-четыре дня. Таких ценных продуктов питания,

как масло животное, сметана, творог, рыба, колхозники получали очень мало. Правда, летом и осенью они больше потребляли молока, яиц, овощей и фруктов²⁴³. Если учесть, что колхозники очень много и тяжело работали физически, то следует признать, что потребление ими полноценных и калорийных продуктов животного происхождения было совершенно недостаточным. Очень трудно приходилось многодетным семьям, где из работников была только мать с малолетними детьми.

В войну особенно сократилось потребление продуктов фабричного производства: сахара, кондитерских и колбасных изделий, рыбы, спиртных напитков, табака и прочего. Например, колбасы заводского изготовления в июле 1943 г. в расчете на 100 хозяйств было съедено всего 200 граммов, папирос выкурено 82 штуки, водки выпито 10,1 литра. Из данных бюджетных исследований видно, что в этот месяц в среднем на 100 колхозных семей (350–380 человек) было потреблено менее 1 кг (0,9 кг) сахара и 200 граммов кондитерских изделий, правда, крестьяне по возможности заменяли их сахарином, свеклой, а то и медом. Вместо чайной заварки использовались настои из листьев или трав.

Таким образом, несмотря на поступление основных продуктов от приусадебных хозяйств, питание сельских жителей в годы войны в качественном и количественном отношении было явно недостаточным. Их дневной рацион стал более ограниченным и однообразным.

В середине войны продовольственная ситуация в сельской местности пострадавших от недорода областей обострилась до крайней степени, засуха и неурожай, естественно, затронули не только колхозы, но и личные хозяйства колхозников. В это время сельскохозяйственное производство находилось в особенно трудном положении, улучшение наступило лишь на заключительном этапе войны. В 1943 г. все, что удалось вырастить и собрать на колхозных полях, сразу же в порядке обязательных заготовок было отправлено в закрома государства. Например, в Красноярском крае по состоянию на 25 октября 1943 г. зерновых уродилось настолько мало, что даже по государственным поставкам было сдано всего 15% от запланированного. Аналогичная ситуация складывалась и в других тыловых областях²⁴⁴.

В пострадавших районах положение с продовольственным обеспечением сельского населения достигало критической черты. С осени среди сельских жителей в районах, затронутых военным голодом, стала распространяться дистрофия. По 13 районам только одной Молотовской области за пять месяцев 1944 г. было зарегистрировано почти 14 тыс. больных дистрофией. В одном из отчетов подчеркивалось, что эта цифра неполная, поскольку в нее не вошли сведения по остальным сельским районам области²⁴⁵.

В июле 1944 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия в докладной записке, направленной сразу в несколько инстанций — в ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б), сообщал о страшных последствиях «значительного недорода сельскохозяйственных продуктов в 1943 г. в Алтайском крае»: «Зарегистрировано значительное количество смертных случаев от истощения. В Карасукском районе с начала 1944 г. умерло от истощения 73 человека. В колхозах «Сибиряк», им. А. Микояна и «Просвет» Андреевского района в феврале — марте сего года умерло от истощения более 30 человек, в большинстве дети. В Панкрушихинском районе зарегистрировано 8 смертных случаев от истощения. В Завьяловском районе имеется 35 семей, члены которых сильно истощены и потеряли трудоспособность»²⁴⁶.

Особенно тяжело переживали зиму 1943–1944 гг. жители регионов, освобожденных Красной армией от фашистской оккупации. Сказывались тяжелые последствия временного хозяйничанья завоевателей. Экономический потенциал колхозов и крестьянских хозяйств, находившихся на временно оккупированной врагом территории, был основательно подорван. В тяжелых военных условиях выживали лишь благодаря многовековому опыту деревни, не понаслышке знакомой с голодом. Из «подножного корма» готовили множество блюд, мололи кости и заправляли этим супы, в кашу добавляли кору деревьев и траву. Не удивительно, что во многих областях фиксировались случаи безбелкового опухания детей, пухли от голода старики и женщины, некоторые не могли ходить от истощения. И все же голод военного времени, в отличие от голода начала 1930-х гг., имел локальный характер и не распространился на все тыловые районы²⁴⁷.

Советское правительство по мере возможности оказывало помощь особо нуждавшимся жителям села. Например, Орловский обком партии в связи с тяжелейшим продовольственным положением колхозников в пострадавших от немецкой оккупации районах обратился в конце 1943 г. в Наркомат торговли СССР с просьбой отпустить им 1 тыс. тонн продовольственного хлеба и столько же картофеля. Эта просьба была удовлетворена — семьи орловских колхозников только за три первых месяца 1944 г. получили в порядке социальной помощи 5,1 тыс. центнеров хлеба, 704 тонны картофеля.

В мае 1944 г. государственную продовольственную помощь получило также население Марийской АССР, пострадавшее от неурожая. Колхозники там практически не получали зерна на трудодни, за исключением небольших авансов, выданных во время уборки и обмолаота урожая в порядке стимулирования труда. Не имея хлеба, они употребляли в пищу различные суррогаты, что вызывало массовые случаи опухания и даже смерти. Колхозникам Марийской республики было дополнительно отпущено 5 тыс. тонн овса, 200 тонн муки, хотя даже месячная потребность в ней была в 10 раз выше.

В июне 1944 г. советское правительство отпустило Ульяновской области на следующий месяц сверх рыночных фондов 500 тонн муки для снабжения сельского населения, а Наркомат продовольствия СССР выделил еще 100 тонн муки. Для нужд населения Новосибирской, Омской областей, Алтайского края, пострадавших от недорода, также было отгружено значительное количество хлебопродуктов. Подобная помощь продовольствием оказывалась и другим областям страны²⁴⁸. И хотя она не покрывала реальных потребностей сельского населения, все же многих жителей села спасала от голодной смерти.

В период Великой Отечественной войны, несмотря на огромные лишения, разного рода трудности, со всей полнотой раскрылся мощный духовно-нравственный потенциал советского крестьянства. Его основу составляли такие высокие нравственные ценности, как патриотизм, гордость за исторические победы русского оружия, преемственность поколений, а также религиозность, терпение и милосердие. Эти фундаментальные качества помогли сementировать единение народа с тогдашним руководством СССР во имя достижения победы над врагом. Потрясения, пережитые страной в начале войны, сделали каждого гражданина страны активным участником общей борьбы с фашизмом.

Советское крестьянство вместе со всеми гражданами страны глубоко осознавало огромную важность победы в войне не только для всей страны, но и для себя лично. Ради нее оно было готово не только на вооруженный отпор врагу на полях сражений, но еще и упорным повседневным трудом оказывать действенную помощь фронту, снабжая его продовольствием. Помимо выполнения своих главных патриотических функций в Великой Отечественной войне жители советской деревни оказывали и другие виды помощи Красной армии.

С самого начала войны крестьянство безвозмездно в порядке помощи фронту отдало лучшую часть движимого колхозного имущества. Еще летом 1941 г. большинство хозяйств страны передало в распоряжение Красной армии немало своих лошадей, тракторов и грузовых автомобилей, прекрасно осознавая, насколько сильно без этих механизмов и живого тягла утяжелится работа в колхозах. Наряду со сдачей плановых заготовок сельскохозяйственной продукции, являвшихся главным взносом работников колхозов и совхозов в продовольственные закрома государства, они еще и добровольно жертвовали собственные средства в Фонд обороны.

Сразу после нападения фашистской Германии вместе с призывниками из всех советских республик, не затронутых военными действиями и оккупацией, к фронту потянулись продовольственные обозы с хлебом, овощами и мясом. Ежедневно от сельских жителей на склады райпотребсоюзов поступали добровольные пожертвования значительных объемов сельскохозяйственных продуктов из личных хозяйств для Фонда обороны. Важно подчеркнуть, что обычно крестьяне сдавали туда далеко не лишние, а самые необходимые, а порой и последние продукты. К началу июля 1941 г. сельские труженики Борисоглебского района Ярославской области внесли в Фонд обороны 42 тыс. 770 рублей личных средств, 12,5 тыс. яиц, около 3 тыс. литров молока и много других продуктов, выращенных на собственных

подворьях. К весне 1942 г. в Фонд обороны от колхозов и отдельных крестьян поступило 382,2 тыс. тонн зерновых, 3,6 тыс. тонн сена, 84,1 тыс. тонн шерсти, 813 тонн кож (крупных) и сотни тысяч рублей²⁴⁹.

Наряду с этим колхозники всех советских республик передавали в Фонд обороны значительную часть поголовья продуктивных животных. Туркменская ССР еще до конца 1941 г. направила около 15 тыс. голов мелкого рогатого скота; крестьяне Дагестанской АССР — свыше 2 тыс. овец; колхозники Алтайского, Красноярского краев, Иркутской, Новосибирской, Омской и Читинской областей в 1942 г. в общей сложности сдали в Фонд обороны 12,5 тыс. голов крупного рогатого скота, 36 тыс. овец и коз; колхозы Азербайджанской ССР поставили на откорм для последующей сдачи в Фонд обороны свыше 6 тыс. голов различного скота. Всего же по стране за 1942–1943 гг. от колхозников в Фонд обороны поступило 114,3 тыс. голов крупного рогатого скота, 263,1 тыс. овец и коз, 42,7 тыс. свиней, свыше 90 тыс. прочего скота.

В 1944 г. к этому движению присоединилось колхозное крестьянство освобожденной Украины, тоже вступившее во Всесоюзное социалистическое соревнование за сверхплановую сдачу продуктов в Фонд Красной армии, взяв обязательство для этого дополнительно заготовить 15 млн пудов хлеба. Фактически же украинские колхозники сдали в этот фонд 33 млн пудов зерна и 16 млн пудов картофеля. Всего же со времени освобождения и вплоть до окончания Великой Отечественной войны ими было внесено в Фонд Красной армии 175 млн пудов зерна, свыше 86 млн пудов картофеля, 1,7 млн пудов мяса и другой продукции²⁵⁰. Все это в сочетании со взносами колхозников из других союзных республик создавало мощную продовольственную базу для организации питания рядового и командного состава действующей армии.

Величайшая самоотверженность колхозного крестьянства и совхозных рабочих проявлялась не только в героическом труде во имя победы над фашистами и сдаче продовольствия в Фонд обороны. Они активно включались и во все патриотические начинания по оказанию помощи Красной армии.

Буквально через полтора месяца с начала войны газета «Правда» сообщала о начавшемся массовом сборе средств, продовольствия и драгоценностей²⁵¹. По всей стране колхозники для фронта сдавали личные накопления, семейные реликвии и драгоценности. Например, в Туркменской ССР за период 1941–1943 гг. они внесли в Фонд обороны свыше 7 тыс. кг различных изделий из серебра; в Азербайджанской ССР — 952 кг серебра и 14,3 кг золота; в Бурятской АССР — около 150 кг серебра и золота; в Западном Казахстане колхозники вместе со всеми жителями республики сдали 116 кг серебра, 1,2 кг золота и платины, а также 11 млн рублей деньгами и облигаций на 12,5 млн рублей²⁵².

Значительные денежные средства сдавало государству крестьянство и в виде добровольных взносов. Наиболее ярким проявлением патриотизма стал массовый сбор денежных средств на строительство боевой техники, который тоже проходил в рамках общенародного движения по созданию Фонда обороны. Во время битвы под Москвой рабочие и колхозники Оренбургской области начали собирать деньги на танковую колонну имени В. Чкалова, которая была построена уже к середине 1942 г.

Особый размах сбор личных средств на строительство вооружения приобрел в конце 1942 — начале 1943 г. в связи с разгромом немецких войск под Сталинградом. По почину тамбовских колхозников, пожертвовавших 40 млн рублей личных сбережений на строительство танковой колонны, подобные взносы из личных средств делали колхозники во многих областях страны. Благодаря этому Красная армия пополнилась построенными на пожертвования крестьян несколькими танковыми колоннами, среди которых были «Тамбовский колхозник», «Алтайский колхозник», «Воронежский колхозник», «Колхозник Татарии» и другие. Благодаря собранным саратовскими колхозниками денежным средствам в сумме 33 млн рублей в декабре 1942 г. началось строительство эскадрильи боевых самолетов.

К середине января 1943 г. в стране уже не оставалось области, края или республики, крестьянство которых не внесло бы немалых денежных сумм на строительство боевой техники для Красной армии. Но именно тамбовские и саратовские колхозники были первыми, кому

от имени Красной армии выразил благодарность лично Верховный главнокомандующий И. В. Сталин. В дальнейшем тексты подобных благодарностей в адрес трудовых коллективов и отдельных лиц, внесших крупные суммы на строительство танков и боевых самолетов, публиковались в центральных газетах, что еще больше поднимало волну народного патриотизма в стране.

На цели укрепления обороны Отечества с декабря 1942 по март 1943 г. было внесено свыше 7 млрд рублей, из которых больше половины — 4 млрд поступило от колхозников. На всем протяжении войны в Фонд обороны продолжали приходиться значительные средства от колхозного крестьянства. Осенью 1943 г. колхоз «Огородный гигант» Ленинского района Московской области пожертвовал 500 тыс. рублей на строительство танковой колонны, в том числе 200 тыс. — от колхозников в порядке аванса в счет заработанных трудодней. Активно подключалось к сбору средств и крестьянство освобожденных от оккупации областей. Несмотря на огромные разрушения и потери, украинские крестьяне тоже внесли крупные денежные суммы, благодаря которым были построены танковые колонны «Звільненна Дніпропетровщина», «Колхозник Сумщини», авиационная эскадрилья «Колхозник Донбасса» и другие. Крупные суммы поступали и от населения Белоруссии, Молдавии, Карелии и республик Прибалтики²⁵³.

Невозможно перечислить все формы помощи, проявленной жителями села по отношению к Красной армии, отдельным семьям фронтовиков, инвалидам войны, эвакуированному населению, детям, потерявшим родителей. Большой вклад внесли сельские женщины: помимо своего практически бескорыстного труда в колхозах и совхозах они стремились окружить материнской заботой бойцов Красной армии, в рядах которой сражались и их сыновья и братья. Сбор и отправка теплых вещей на фронт для бойцов-красноармейцев получили на селе значительное распространение, так как деревня располагала большими возможностями для сбора такого сырья, как шерсть и овчина. Во многих сельских районах открывались мастерские по выделке овчины и производству валенок. Крестьянки вязали рукавицы, носки и другие теплые вещи, которые отсылали на фронт. Например, в Павлодарской области Казахстана в сентябре 1941 г. колхозники собрали и сдали на склады 133 полушубка, 893 пары валенок, 43 пары меховых рукавиц, 753 пары шерстяных варежек и перчаток. В селах работали мастерицы, изготавливавшие телогрейки и ватные брюки для отправки на фронт²⁵⁴. Благодаря такой помощи советские войска встречали очередную военную зиму в теплой одежде и обуви.

Колхозники стремились помочь также семьям воевавших на фронте красноармейцев и краснофлотцев. Осенью 1942 г., в преддверии 25-летнего юбилея Красной армии, по почину учителей и колхозников села Федякино Рязанской области в стране зародилось патриотическое движение по оказанию помощи семьям бойцов и командиров Красной армии. Повсеместно создавались комитеты помощи, проводившие работу по обеспечению детей фронтовиков одеждой и обувью, приобрести которые в магазине в это время было невозможно. В Новосибирской области школьники, в том числе и проживавшие в сельской местности, получили через школу 1 тыс. пальто, 2,5 тыс. пар обуви, 2,6 тыс. костюмов и других вещей. В Свечинском районе Кировской области специально для нуждающихся детей из семей фронтовиков в школе были организованы горячие завтраки, для чего колхоз выделил 53 центнера картофеля, 43 центнера гороха, 15 центнеров крупы, 856 кг мяса, 943 кг овощей, 38 кг масла, а также сотни литров молока и других продуктов. В Ивановской области в порядке помощи дополнительное питание и дрова получили свыше 96 тыс. семей красноармейцев и командиров Красной армии²⁵⁵.

В силу своей многочисленности колхозники, крестьяне-единоличники и работники совхозов несли основное налоговое бремя по наполнению государственной казны СССР материальными и денежными ресурсами. В связи с войной все натуральные и денежные сборы с крестьян были существенно повышены государством. Уже с июля 1941 г. была введена «военная» надбавка к сельхозналогу — сразу в размере 100%, что означало его удвоение. От этой надбавки полностью освобождались лишь те семьи колхозников и крестьян-единолич-

ников, от которых в рядах Красной армии или флота служили не менее двух бойцов. С начала 1942 г. «военная надбавка» была заменена военным налогом, который распространялся на всех граждан СССР в возрасте старше 18 лет, за исключением военнослужащих и членов их семей, а также лиц пенсионного возраста. По военному налогу колхозники и единоличники выплачивали от 150 до 600 рублей в год за каждого взрослого члена домохозяйства. Правительство СССР в 1,5 раза повысило размер военного налога и для тех граждан призывного возраста, которые по уважительной причине не были мобилизованы в РККА или ВМФ. Максимум выплат колхозниками по военному налогу пришелся на 1943 г. — каждая семья в среднем по СССР внесла 840 рублей против 540 рублей в 1944 г. и 600 рублей в 1945 г.

В годы Великой Отечественной войны существенно выросло и натуральное налогообложение крестьянства. В июне 1943 г. указом Президиума Верховного Совета СССР были повышены ставки сельскохозяйственного налога, действовавшие с 1939 г., в том числе и на продукцию личных подворий. Нормы облагаемого дохода от сельскохозяйственных источников устанавливались конкретно для каждой республики и области. Например, в РСФСР они были увеличены по зерновым — в 5 раз, по картофелю — в 4,5 раза, по овощам — в 4,8 раза, по коровам — в 3,5 раза, по овцам и козам — в 4,3 раза, по свиньям — в 3,8 раза. В итоге общий размер этого налога возрос примерно в 4 раза.

Однако впоследствии государство несколько уменьшило натуральные налоги с приусадебных участков, чтобы хотя бы отчасти компенсировать потери колхозников в связи с резким падением стоимости колхозного трудодня. Поэтому если в 1943 г. каждое хозяйство на уплату сельскохозяйственного налога в среднем по стране израсходовало 603 рубля вместо 150 рублей в 1940 г., то в последующие годы этот налог снизился. Но не везде: например, в Новосибирской области сумма налога в расчете на один колхозный двор в 1943 г. возросла в 6,4 раза — со 154 до 992 рублей. Особенно тяжелым бременем являлись мясопоставки и сдача молока государству — по 300 литров в год с коровы. Характерно, что даже те хозяйства, в которых не было коровы, от мясопоставок не освобождались. Все это приходилось покупать у других²⁵⁶.

Расчеты по денежным платежам выглядели проще, налог по самообложению и окладное страхование практически не менялись на всем протяжении войны. Естественно, платило сельское население и установленный в ноябре 1941 г. для всех граждан СССР налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан в размере 100 рублей в год с каждого совершеннолетнего члена семьи. С 1944 г. он уже распространялся и на категорию малосемейных граждан, то есть имевших не более двух детей. Если у колхозников, единоличников и других граждан, входивших в состав хозяйств, облагавшихся сельскохозяйственным налогом, вообще не было детей, они платили по 150 рублей в год, при наличии одного ребенка — 50 рублей, двух детей — 25 рублей²⁵⁷. Особенно тяжелы для крестьян были сельскохозяйственный и военный налог, так как требовали серьезных денежных и натуральных средств.

В годы Великой Отечественной войны не менее обременительными для многих сельских семей были и платежи, официально относившиеся к разряду добровольных пожертвований. Ежегодно на протяжении 1942–1945 гг. государство выпускало облигации военных займов СССР, средства от которых тоже в основном шли на строительство боевой техники. К покупке государственных облигаций по займам местные власти стремились привлечь как можно больше колхозников и единоличников, даже тех, кто формально освобождался от всех налогов и сборов, как, например, семьи фронтовиков. Общие суммы, внесенные сельским населением в качестве подписки на военные займы, составили свыше 30 млрд рублей, а вместе с колхозами и промысловыми артелями — почти 36 млрд. К 1944 г. подписка на военные займы среди жителей деревни по сравнению с 1941 г. выросла в 5 раз, а в городе — всего в 2 раза. Крестьяне искренне стремились помочь государству. Военные займы явились убедительным свидетельством высокого патриотизма, сознательности советского крестьянства, не жалевшего средств для скорейшего разгрома фашистских захватчиков. Активное участие крестьянства во всех формах оказания помощи фронту убедительно свидетельствовало о его преданности Родине.

В годы войны сельский быт серьезно изменился, прежде всего значительно сократилась торговая сфера, поскольку основная часть материальных ресурсов преимущественно уходила на удовлетворение потребностей фронта. В условиях, когда первоочередной задачей промышленности стало всемерное обеспечение армии, гражданское население тыловых районов столкнулось с острой нехваткой предметов первой необходимости, начиная от одежды и обуви и вплоть до мыла, керосина, соли и спичек. Для снабжения его промышленными товарами были введены строгие государственные нормы продаж всех видов тканей, кожаной, валяной и резиновой обуви, швейных изделий, трикотажа, часов, мыла и некоторых других предметов повседневного спроса. Товарный голод возник в войну в связи с резким сокращением поставок сельскохозяйственного сырья, создавшимся в результате немецкой оккупации территорий с высокоразвитым аграрным производством, поставлявшим в том числе и сырье для легкой промышленности. Из-за этого выпуск льняных и хлопчатобумажных тканей сократился в 2,5 раза, а кожаной обуви — в 4 раза. И несмотря на то что с 1943 г. производство товаров широкого потребления стало отчасти восстанавливаться за счет заработавших в эвакуации предприятий, а позже и в освобожденных районах, его общий уровень был далек от довоенного. В стране по-прежнему мало производилось всех видов тканей, трикотажных и чулочно-носочных изделий, резиновой и кожаной обуви и прочего²⁵⁸.

Особую нужду в товарах повседневного спроса испытывали эвакуированные семьи, а также сельское население освобожденных районов. Теплые мужские и женские пальто, равно как меховые изделия и валенки в продаже отсутствовали. Имевшихся на государственных складах запасов не хватало, необходимо было изготавливать одежду, обувь, белье и одеяла. Местные власти пытались помочь эвакуированным гражданам страны из своих фондов. Например, в 1942 г. и первом квартале 1943 г. исполком Вологодской области выделил эвакуированным 10 тыс. пар валенок, до 15 тыс. пар кожаной обуви, 3730 пальто и немало других предметов одежды и домашнего обихода.

Однако товарный голод лишь усиливался, закономерным следствием его становился рост цен²⁵⁹. Суровой зимой 1941–1942 гг. на Урале и в Сибири огромная масса населения, прибывшего из западной части СССР, оказалась в летней одежде и обуви. Страна не могла дать всем переселенцам необходимые теплые вещи, так как первоочередной задачей было снабжение армии полушубками и меховыми шапками-ушанками. В первое время прибывшим в сельскую местность горожанам выдавались ватные стеганые куртки и небольшие — по 5–10 метров отрезы хлопчатобумажной ткани для пошива одежды и белья. Но даже такую помощь получили немногие. Большинству эвакуированных пришлось довольствоваться тем, что они смогли взять с собой.

В деревнях из-за крайнего недостатка предметов одежды, белья и обуви возобновились домашнее ткачество, изготовление обуви. Действовавшие в войну жесткие нормы снабжения — по шесть метров хлопчатобумажных или льняных и по три метра шерстяных тканей на одного человека в год — не покрывали реальной потребности²⁶⁰. Зачастую на всю крестьянскую семью оставались «один полушубок и одни галоши» или одна пара обуви на всех. Крестьяне донашивали старую одежду и обувь или изготавливали их кустарным способом. Крестьянки в такой ситуации традиционно вязали кофты из грубой домашней шерсти, перешивали для себя вещи, принадлежавшие мужчинам, юбки и платья шили из домотканого полотна, одевались часто не по сезону — ситцевые платья носили круглый год, так как теплых шерстяных вещей не было. В Сибири сельское население зимой в основном ходило в ватных стеганках или бараньих полушубках собственной выделки, носило хлопчатобумажные шаровары, пимы ручной катки, на валенки надевали сохранившиеся с довоенной поры галоши или деревянные колодки²⁶¹.

В крестьянском быту из-за трудностей со снабжением не хватало самого необходимого: керосина, соли, мыла и даже спичек. Уже в 1941 г., по данным бюджетных обследований, колхозники многих областей смогли приобрести хозяйственного мыла в 2,5 раза меньше, чем в 1940 г., а в 1942–1943 гг. — в 30 с лишним раз меньше, то есть практически не могли его купить вообще, не говоря уже о туалетном мыле. Невозможно было приобрести и керосин²⁶².

Поэтому в годы войны далеко не в каждом крестьянском доме горела керосиновая лампа, а электричество для большинства превратилось в отдаленную мечту. Деревня во время войны, по оценке тех, кто ее пережил, выглядела строже и беднее.

Особенно удручающе выглядели села в областях, освобожденных от оккупации. В южных районах, где прошли ожесточенные бои, с лица земли исчезли целые села и хутора. Например, в Матвеево-Курганском районе Ростовской области к октябрю 1943 г. из 75 населенных пунктов осталось всего 30. Боевые действия причинили огромный ущерб крестьянским жилищам. Население ютилось в подвалах, блиндажах, так как быстро восстановить жилье было невозможно. В станицах, селах и хуторах почти все дома были разрушены, улицы изрыты траншеями и воронками от бомб.

По воспоминаниям крестьян, переживших войну, жилищно-бытовые условия за эти годы, как правило, сильно упростились и в тыловых областях. Однако в тыловых сельских районах ситуация была другой. Например, в Алтайском крае титаническим трудом женщин-колхозниц поддерживались не только хозяйственные постройки и развитое подсобное семейное хозяйство, но и колхозные поля, сельские улицы. Все делалось коллективно, всем миром. Когда в 1945–1946 гг. в эти села стали возвращаться мужчины, они были поражены общим ухоженным видом сельских поселений²⁶³.

Несмотря на тяготы войны, не прекращалась деятельность культурно-просветительных учреждений. В сельской местности наряду со школой значимыми очагами культуры оставались избы-читальни. Сельские избачи и молодежь оказывали помощь колхозникам при написании заявления или письма на фронт. Скромная должность сельского избача, который вел малозаметную, но очень важную работу, пользовалась в деревне особым уважением. Работа этих важных культурно-просветительных учреждений в войну была серьезно затруднена тем, что у них часто забирали помещения под хозяйственные нужды, для эвакуированных. Во многих избах-читальнях недоставало книг и свежей периодики, что зачастую и становилось главной причиной их закрытия. Но с 1943 г. их работа в деревне заметно улучшилась — к 1944 г., за короткий срок, их общее число возросло почти до 38 тыс., то есть более чем на половину²⁶⁴.

Весьма примечательным явлением жизни советской деревни в годы войны стало возрождение религиозного сознания значительной части ее жителей. В годину тяжелейших испытаний и моральных страданий из-за гибели близких более открыто проявлялись чувства верующих, народ стал ходить в храмы, и не только по праздникам. Разумеется, аналогичный вывод можно сделать и применительно к другим категориям населения СССР, но на селе усиление религиозности проявилось значительно ярче. Глубокая религиозность значительной части крестьян была жива, как и культурные традиции христианства, ислама и других религий. Их сторонниками и носителями в деревне выступали прежде всего люди старшего возраста.

Таким образом, важнейшей чертой повседневной жизни советской деревни в период Великой Отечественной войны стало выполнение обязательств колхозов и совхозов по сдаче зерна и другой сельскохозяйственной продукции государству. На восполнение потребностей фронта и тылового населения уходила практически вся продукция, произведенная в общественном сельском хозяйстве. В связи с этим материальное положение самих колхозников в войну резко ухудшилось, поскольку они практически перестали получать в колхозе плату за свой труд. Данное обстоятельство привело к существенному возрастанию роли личного подсобного хозяйства. В итоге сочетание общественного и личного секторов в сельском хозяйстве успешно служило интересам фронта и тыла.

Резкое снижение жизненного уровня сельских жителей проявилось прежде всего в ухудшении питания, общей обеспеченности их предметами первой необходимости и усилении многочисленных бытовых проблем. При этом самым большим испытанием, выпавшим на долю деревни в суровые дни войны, стала не бытовая бедность, в которой они прожили четыре года, а испытание голодом, достигавшим в ряде районов критической черты. Несмотря на всю чрезвычайность обстановки военного времени, не погибли и сельские культурно-

просветительные учреждения. Они продолжали свою деятельность, что тоже подтверждало упорство и энергию крестьян, которые стойчески выносили военные трудности, не теряя при этом интереса к общественной жизни.

Жители деревни проявляли массовый патриотизм и огромное самопожертвование, оказывая неоценимую помощь государству в укреплении обороноспособности страны. Они платили высокие государственные налоги, приобретали облигации военных займов, сдавали значительные материальные и денежные средства на нужды обороны. Все это подтверждает, что в годы Великой Отечественной войны крестьянство полностью раскрыло свой высокий духовный потенциал, проявив неиссякаемое трудолюбие, самопожертвование, безмерную выдержку и терпение. В трудный час испытаний оно полностью выполнило свой долг перед страной и фронтом, нелегким трудом приближая общую для всех советских людей Победу.

Демографическая ситуация и забота о детях в военное лихолетье

С жизнью тыла в военные годы связан целый комплекс проблем. Производственная деятельность населения тыловых районов изучена довольно подробно. Значительно менее исследованы повседневная жизнь и быт жителей тыла, положение постоянного населения и эвакуированных, характеристики различных социально-демографических групп.

Динамику численности населения в годы войны трудно проследить из-за несопоставимости территории, меняющейся конфигурации линии фронта. Однако, несмотря на погрешности учета, основная тенденция просматривается все же отчетливо: численность как городского, так и сельского населения в 1941–1945 гг. заметно сократилась (таблица 2).

Таблица 2

Динамика численности населения РСФСР в 1941–1945 гг.
(без оккупированных районов)²⁶⁵

Год	Тыс. человек			Удельный вес в %	
	Всего	Городское	Сельское	Городское	Сельское
1.01.1941 г.	111 539,4	39 272,5	72 266,9	35,2	64,8
1.01.1942 г.	91 159,9	33 620,2	57 539,7	36,9	63,1
1.01.1943 г.	78 631,0	29 839,2	48 791,8	37,9	62,1
1.01.1944 г.	90 688,5	33 306,9	57 381,6	37,4	62,6
1.01.1945 г.	88 547,7	34 404,0	54 143,7	38,9	61,1
1.05.1945 г.	87 973,5	34 905,5	53 068,0	39,7	60,3

В тыловых районах, не подвергавшихся оккупации, численность населения зависела от воздействия нескольких факторов, соотношение которых и предопределяло колебания численности горожан и жителей деревни: мобилизация мужского контингента в армию и приток эвакуированных и спецэвакуированных в восточные районы; перемещение части сельского населения в города для работы в промышленности, на транспорте и стройках и перемещение части городского населения на жительство в сельскую местность; депортация народов и переселение людей на пустующие после депортации территории Калмыкии, Крыма, бывшей Республики Немцев Поволжья. Существенно влияла на численность населения страны депопуляция, то есть превышение числа умерших над числом родившихся в годы войны.

В центральных районах России численность населения сокращалась особенно резко. Помимо действия таких факторов, как мобилизация в армию и депопуляция, они стали основными районами эвакуации населения. В Москве, например, за период с 1 января 1941 по 1 января 1943 г. численность населения сократилась с 4,4 млн до 2,7 млн человек, в Московской области — с 5,6 млн до 3,6 млн, в Тульской области — с 1,8 млн до 1,7 млн, в Ивановской области — с 2,7 млн до 2,6 млн²⁶⁶.

Несмотря на приток эвакуированных и спецпереселенцев, общая численность населения уменьшалась и в глубоком тылу — на Урале и в Сибири. Главным фактором сокращения населения этих регионов была мобилизация мужского населения в Красную армию, причем в подавляющем большинстве из сельской местности. Поскольку темпы сокращения численности сельского населения значительно перекрывали темпы роста горожан, общая численность населения тыловых районов страны понижалась. На Урале, в частности, в годы Великой Отечественной войны население сократилось почти на 5%, в Сибири — почти на 10%.

В годы войны значительно возросла смертность населения тыловых районов России. Острая нехватка сельскохозяйственных продуктов, дефицит белков и витаминов в рационе, снижение калорийности питания негативно сказывались на условиях существования и состоянии здоровья людей. В военные годы резко увеличились случаи пищевых отравлений. В целом по СССР их число в период войны выросло в 3,5 раза²⁶⁷.

Трудное положение сложилось при обеспечении продуктами питания детей. В докладной записке наркома здравоохранения РСФСР А. Ф. Третьякова, составленной в конце 1941 г. для представления в СНК РСФСР, подчеркивалось: «Набор продуктов, предусмотренных продовольственными карточками, не обеспечивает нормального развития ребенка и не создает необходимых условий для предупреждения среди детей высокой заболеваемости и смертности». Так, в детских яслях Казани в ноябре 1941 г. вместо положенных по норме военного времени 600 граммов масла в месяц дети получали 100 граммов, вместо 15 яиц — 3 яйца, вместо 1 кг крупы — 200 граммов, вместо 600 граммов сахара — 220 граммов, вместо 4 кг картофеля — 1,5 кг. Детские учреждения города в этом месяце не получили ни грамма моркови, капусты, фруктов, ни литра молока. Аналогичное положение сложилось по всей территории страны.

Не лучше была ситуация со снабжением населения тыловых районов промышленными товарами. Жители тыловых районов испытывали острый дефицит одежды, обуви, предметов личной гигиены. Воды не хватало. Бани работали с перебоями, что создавало условия для распространения педикулеза, а следовательно, сыпного тифа.

Интенсивные миграции привели к резкому росту заболеваемости. Железные дороги в 1941–1942 гг. стали главным источником распространения желудочно-кишечных и острых инфекционных заболеваний, в первую очередь тифа. «Основным фактором распространения сыпного тифа является вокзал, — подчеркивалось на сессии Новосибирского горсовета в 1943 г. — Прибывшее по железной дороге население, не подвергаясь обработке, расходится по всему городу. Санитарного шлюза вокзал не имеет». Инфекционная заболеваемость особенно резко увеличилась в тех районах, которые принимали большое число эвакуированных: на Урале, в Поволжье, Волго-Вятском районе, Западной Сибири.

Положение усугублялось особенно на начальном этапе войны еще и тем, что в тыловых районах ослабло медицинское обслуживание. Численность медицинских работников в тыловых районах страны в первые несколько месяцев войны значительно уменьшилась в связи с мобилизациями в действующую армию. В восточных районах страны, куда прибыло большое количество ослабленного контингента, особенно детей и стариков, врачей явно не хватало. Убыль врачей позднего была компенсирована за счет специалистов, прибывших в порядке эвакуации, но в течение всего второго полугодия 1941 г. и частично первого полугодия 1942 г. население тыловых районов страдало от недостатка медицинской помощи и медикаментов, которые в первую очередь отправлялись на фронт. К тому же многие фармацевтические предприятия остались на оккупированной врагом территории. Компенсировать в тылу производство лекарств и медикаментов удалось не сразу.

Конец 1942 — начало 1943 г. характеризуются кардинальным переломом в динамике смертности тылового населения России. Уже с осени 1942 г. преобладающей тенденцией демографического развития стало резкое снижение показателей смертности в тылу. За 1943—1945 гг. общий коэффициент смертности тылового населения РСФСР снизился на 14,5%, и прежде всего это было за счет сокращения детской смертности²⁶⁸. Основной причиной сокращения смертности гражданского тылового населения стало уменьшение числа умерших от инфекционных, желудочно-кишечных болезней и болезней органов дыхания (таблица 3).

Таблица 3

**Динамика смертности населения Урала и Сибири
(число умерших на 1 тыс. человек населения)²⁶⁹**

Год	Урал	Сибирь
1941 г.	22,8	21,2
1942 г.	26,0	26,0
1943 г.	17,6	18,4
1944 г.	17,9	12,9
1945 г.	10,5	9,9

Снижение показателей смертности в 1943—1945 гг. можно объяснить адаптацией населения к условиям военного времени. Важным фактором снижения смертности стали также меры, предпринимаемые государственными органами как в центре, так и на местах по развитию здравоохранения, медико-фармацевтической промышленности и предельному ужесточению санитарного контроля. О важности, которую придавало руководство страны борьбе с острозаразными болезнями, говорит тот факт, что в Наркомат здравоохранения СССР направлялись ежедневные донесения о каждом случае инфекционных болезней в стране.

Ресурсы на развитие здравоохранения были значительно увеличены, благодаря чему удалось временно нейтрализовать ухудшение условий существования граждан в тыловых районах страны. В СССР были развернуты сотни новых больниц, увеличено производство медицинских препаратов, улучшено обеспечение стационаров топливом, продуктами, медицинским оборудованием. Численность врачей и среднего медицинского персонала в тыловых районах возросла за счет эвакуированных. Немаловажную роль сыграло широкое применение препарата сульфаниламида и антибиотиков, особенно действенных в лечении желудочно-кишечных заболеваний и пневмонии. Нельзя не отдать дань уважения тысячам рядовых врачей, медицинских сестер, фельдшеров, чей самоотверженный труд стал главным фактором преодоления заболеваемости.

Эффективность работы медиков выразилась прежде всего в снижении уровня больничной летальности. Так, за 1942—1945 гг. смертность в больницах городов РСФСР сократилась по скарлатине — почти в 6 раз, по дифтерии — в 2,6 раза, по кори — почти в 10 раз, по коклюшу — более чем в 2 раза, хотя вспышки скарлатины и кори наблюдались в 1944—1945 гг. Уровень летальности по дизентерии и гемоколиту (по материалам 87 городских больниц СССР) за 1943—1945 гг. уменьшился в 2,3 раза, по туберкулезу — на 26%, по крупозной пневмонии — почти в 3 раза²⁷⁰.

Политика, направленная на повышение эффективности работы органов здравоохранения и ужесточение санитарного контроля, в принципе оказалась успешной. Смертность сократилась, причем смертность среди детей снижалась интенсивнее, чем среди старших возрастов, а у мужчин она уменьшалась быстрее, чем у женщин.

Огромные негативные изменения претерпела в годы Великой Отечественной войны рождаемость в тыловых районах. Основной тенденцией динамики рождаемости в годы войны стало ее резкое снижение. В течение 1941—1945 гг. коэффициент рождаемости со-

кратился более чем в три раза. Самый низкий уровень рождаемости в военный период был зафиксирован в 1943 г., когда ее коэффициент не превышал 9,9%. По СССР в целом (без оккупированных районов) в 1941 г. на свет появились 4,6 млн, в 1942 г. — 2,1 млн, а в 1943 г. — 1,4 млн младенцев. Таким образом, число родившихся в Советском Союзе за 1941–1943 гг. сократилось на 3,2 млн²⁷¹.

Рождаемость в тыловых районах страны в первые месяцы после начала Великой Отечественной войны не только не сократилась, но даже увеличивалась, что отражало тенденции демографического развития предвоенных лет. В период с июня 1941 по июнь 1942 г. на свет появлялись дети, зачатые в промежутке между октябрём 1940 и июнем 1941 г. В итоге в январе 1942 г. коэффициент рождаемости был выше, чем в январе 1941 г. на 24,6%. Сокращение рождаемости в России фиксируется только с марта 1942 г. Всего за один месяц, с марта по апрель 1942 г., рождаемость в стране понизилась на 28%. В декабре 1942 г. общий коэффициент рождаемости был в 3,6 раза ниже, чем в декабре 1941 г. Только в 1944–1945 гг. общий коэффициент рождаемости стабилизировался на предельно низком уровне, не обеспечивающем расширенного воспроизводства населения.

Апрель 1942 г. стал первым месяцем войны, когда на территории СССР (без оккупированных и прифронтовых районов) число умерших превысило число родившихся. С этого времени и до конца Великой Отечественной войны для демографической сферы нашей страны была характерна депопуляция, достигшая максимальных величин в 1943 г. (таблица 4).

Таблица 4

**Естественная убыль тылового населения РСФСР в 1941–1945 гг.
(без оккупированных и прифронтовых районов)²⁷²**

Год	Естественный прирост/убыль
1941 г.	+ 895 711
1942 г.	– 162 895
1943 г.	– 638 327
1944 г.	– 410 378
1945 г.	– 357 065

Причины столь резкого сокращения рождаемости многообразны, и, вне всякого сомнения, к ним необходимо причислить общее понижение уровня жизни. Но еще более значимым фактором, негативно отразившимся на динамике рождаемости, явилась резкая деформация возрастно-половой структуры населения, прекращение брачно-семейных отношений в связи с мобилизацией мужчин в действующую армию и массовым овдовением. Удельный вес мужчин бракоспособного возраста в составе населения в годы Великой Отечественной войны существенно снизился.

Несмотря на тяжелую военную обстановку, многочисленные проблемы, встававшие перед населением тыла, постепенно решались. Налаживались материально-бытовые условия, улучшалось медицинское обслуживание, обеспечивалось снабжение населения товарами первой необходимости и получение нуждающимися жилья, налаживались коммуникации. Работали научные учреждения, вузы, школы, культурно-просветительные учреждения, издавались книги и журналы. Не замирала культурная жизнь.

Особое значение в годы войны приобрела государственная политика по защите и сохранению детства. С первых же дней войны началась эвакуация детей из западных районов страны на восток. Эвакуация проходила в срочном порядке. Из Минска первые эшелоны с детьми начали отправлять уже вечером 23 июня 1941 г. В начале из прифронтовых областей поезда с детьми прибывали в Харьков, Ростов-на-Дону, Сталинград, Сталино и

другие города. Но в силу быстрого наступления противника и отхода советских войск детей спешно отправляли уже в более глубокий тыл в зависимости от предписаний комитетов по эвакуации. В этой обстановке железнодорожный транспорт работал как конвейер: на запад эшелоны везли войсковые части, а после выгрузки этими же эшелонами доставлялись дети в тыл. В каждом составе два вагона или две крытые платформы выделялись для эвакуации женщин с детьми.

В условиях стремительного наступления противника, огромных людских потерь, остро стоял вопрос оказания помощи сотням тысяч детей. Эвакуация велась соответственно утвержденному порядку. Эвакуация из прифронтовой полосы потребовала мобилизации всех сил государственных и советских органов, общественных организаций, органов железнодорожного и водного транспорта. Перед обкомами Горьковской, Пензенской, Рязанской, Кировской, Тамбовской, Воронежской, Молотовской, Куйбышевской областей, а также Татарской, Удмуртской, Чувашской, Мордовской автономных республик была поставлена задача принять меры по расселению и организации питания для эвакуированных детей, оказать помощь железнодорожной администрации по продвижению составов с эвакуированными людьми. Отдельным пунктом значился вопрос о создании оперативных групп в помощь железнодорожной милиции. Осенью 1941 г. в Московской, Рязанской и Горьковской областях были сформированы первые лагеря эвакуированных детей, налаживалось обслуживание детей силами комсомольцев, учащихся, домохозяек²⁷³.

Вопросы размещения и содержания детей в детских учреждениях, организации патронирования и борьбы с детской безнадзорностью обсуждались 3 сентября 1941 г. на заседании Комиссии по текущим делам Совнаркома СССР. СНК СССР своим распоряжением в этот же день обязал Наркомфин СССР отпустить 30 млн рублей из союзного бюджета целевого назначения на содержание детей в детских учреждениях, эвакуированных из других союзных республик²⁷⁴. Тем самым удалось предотвратить целый ряд трудностей, которые неизбежно влекла за собой эвакуации огромного потока населения, в первую очередь эпидемий, массовых преступлений и прочего.

Несмотря на то что забота об эвакуированных детях была в поле зрения государственных и общественных организаций, далеко не все было безупречно в этой работе. 3 декабря 1941 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «О фактах пренебрежительно-бюрократического отношения комсомольских организаций к эвакуированным детям». Последовала немедленная реакция. Центральный Комитет ВЛКСМ потребовал, чтобы «комсомольские организации взяли в свои руки дело обслуживания эвакуированных детей»²⁷⁵. Были намечены конкретные задачи, и все последующие военные годы велся жесткий контроль по их выполнению.

Проанализировав сложившуюся ситуацию на транспорте, СНК СССР и ЦК ВКП(б) в ноябре 1941 г. приняли постановление «Об улучшении обслуживания, размещения и трудового устройства эвакуированного населения»²⁷⁶. Для размещения эвакуированного населения разрешалось производить уплотнение населения, а в тех местах, где не было достаточной жилой площади, рекомендовалось организовать строительство утепленных барачных землянок. СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановили считать «дело обслуживания, размещения и трудового устройства эвакуированного населения... одной из важных политических задач». По предложению первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова в этом постановлении были усилены пункты, касающиеся обустройства эвакуированных детей²⁷⁷.

Дети вывозились в тыл железнодорожным транспортом, в отдельных случаях автогужевым или водным. Редко, но были случаи, когда дети должны были добираться пешком до места назначения²⁷⁸. В 1941–1942 гг. было вывезено 976 детских домов с 167 223 воспитанниками. С территории Украины с начала войны вывезли 257 детдомов, с территории Белоруссии — 132 детдома. Так, в Омской области было размещено 23 детдома и 79 интернатов, в Пермской области — 105 детдомов на 5 тыс. воспитанников, в Татарской АССР — около 100 детских учреждений²⁷⁹. Учитывая благоприятные природные условия, значительное количество эвакуированных детей было размещено в Башкирской АССР. На Урале, в Подмосковье и других районах работали детдома для детей из Прибалтики²⁸⁰.

Маленькие дети возле разрушенного дома в Белоруссии

В руинах белорусской деревни Лозоватка

Дети у могил советских бойцов, павших в боях за освобождение Ржева

Война осиротила многие семьи. С августа 1941 до середины 1943 г. в Казахстан было эвакуировано 149 детских домов и 16 московских школ-интернатов. Широкую поддержку в республике получил призыв группы видных деятелей культуры вернуть эвакуированным детям «детство, заменить семью, окружить заботой, материнской лаской». Широкое распространение получало шефство рабочих коллективов над детскими домами. Детские сады также размещали у себя эвакуированных детей. Женщины обращались с просьбой дать им на воспитание и усыновление оставшихся без родителей детей. На конец войны в Казахской ССР имелось 179 детских домов, в которых воспитывались 27,6 тыс. детей, оставшихся без родителей. Всего за годы войны в детские дома Казахстана были приняты 93 153 человека²⁸¹.

В Киргизскую ССР с ноября 1941 по сентябрь 1942 г. было эвакуировано 48 детских домов. В Свердловской области разместились 62 детских дома, главным образом из Украинской и Карело-Финской ССР, Ленинградской, Московской и Калининской областей общей численностью 11 200 человек. За период Великой Отечественной войны в Свердловскую область прибыли более 19 тыс. детей. При этом общая сеть детских домов в области увеличилась в 3,5 раза, до войны в области было 24 детских дома. Вопрос обустройства и размещения в этой области, как и в других, решался следующим образом: часть прибывшего контингента детей вливалась в коллективы существовавших местных детских домов, часть размещалась в бывших домах отдыха и санаториях, а остальных заселяли во вновь приспособленных помещениях. Открытие вновь созданных детских домов происходило, главным образом, в сентябре — декабре 1941 г.²⁸²

Из ряда районов Белоруссии эвакуация детей проходила под обстрелом врага. Всего за первые две недели войны из республики были вывезены около 14 тыс. детей²⁸³.

Из Ленинграда в первые десять дней войны были вывезены в Ярославскую, Кировскую, Свердловскую области свыше 150 тыс. детей. К началу блокады из города удалось отправить в Удмуртскую и Башкирскую АССР, Ярославскую, Пермскую и Актюбинскую области более 311 тыс. детей. На 10 августа 1942 г. только в Ярославской области находилось 112 детских домов и 56 интернатов, в которых проживали 20 676 эвакуированных детей из Ленинграда и Ленинградской области. Кроме того, в области имелось 18 местных детских домов общей численностью 4 тыс. детей²⁸⁴. Эвакуация женщин и детей из Ленинграда продолжалась и в 1942—1943 гг. Всего за навигацию 1942 г. по Дороге жизни через Ладожское озеро были вывезены свыше 130 тыс. детей²⁸⁵. Последняя отправка 1300 детей в тыловые районы состоялась 16 июня 1943 г.

В конце июня 1941 г. началась эвакуация женщин и детей с Украины. В течение июля морским транспортом из Одессы были вывезены 40 тыс. детей. В сентябре 1941 г. из Харькова в Саратовскую, Сталинградскую области и Казахскую ССР выехали 100 тыс. женщин и детей²⁸⁶.

В течение первой недели войны из Литвы были эвакуированы 42,5 тыс. человек, почти столько же из Латвии. Все они направлялись в Ярославскую, Ивановскую, Вологодскую, Пермскую области и другие тыловые районы страны. В связи со сложной обстановкой на ленинградском направлении эвакуация женщин и детей из Эстонии проводилась только морским путем. Всего из республики были эвакуированы около 60 тыс. человек.

Эвакуация детей из Москвы в составе интернатов, детдомов и детсадов, а также детей с родителями началась в июле 1941 г. В первую очередь вывозили детей младшего возраста и школьников начальных классов, а с сентября было решено продолжить эвакуацию детей среднего и старшего школьного возраста. Только в течение октября 1941 г. из Москвы были эвакуированы около 500 тыс. детей²⁸⁷. В декабре 1941 г. в Москве в бомбоубежищах работали детские сады. К началу 1942 г. в связи с разгромом фашистских войск под Москвой необходимость в дальнейшей массовой эвакуации населения из столицы отпала.

Из западных регионов на восток страны были эвакуированы десятки тысяч детей: сироты, дети фронтовиков, те, чьи родители были угнаны на Запад или отправлены в концлагеря, потерявшие при бомбежках и в ходе эвакуации, а также воспитанники школ-интернатов и

Раненые малыши на лечении в Ленинградском педиатрическом институте

Дети в оккупированном селе Псковской области

Три подружки под окном

Будущие защитники Родины в одном из детских садов Москвы

Брошенная немецкая зенитка в качестве игрушки для советских детей

детских садов, которых нередко приходилось эвакуировать отдельно от родителей. К концу 1942 г. в тыл были вывезены более 107 тыс. воспитанников детских садов и более 150 тыс. учащихся школ-интернатов²⁸⁸. Нередко детей привозили на пустое место, без продовольствия, одежды, предметов первой необходимости, фактически возложив ответственность за их судьбу на плечи местного населения.

Так, воспитанников эвакуированного в Йошкар-Олу московского детского сада № 7 фабрики имени Н. Э. Баумана разместили в помещении дома отдыха Лесосплава в 12 км от города. Местные жители тепло встретили детей на станции Куяр, на руках выносили их из поезда. «Были приготовлены баня, обед, чай, — вспоминала позже директор Куярского дошкольного интерната В. В. Суворова, — и через два часа дети, вымытые, накормленные, спали на чистых, удобных кроватях в прекрасном помещении дома отдыха»²⁸⁹. Жители г. Пушкино Московской области для эвакуированных из освобожденных районов детей собственными силами отремонтировали помещение, починили мебель, заготовили дрова. Работницы артели «Партизан» и фабрики имени Ф. Э. Дзержинского в свободное от работы время сшили матрацы, белье, детскую одежду. «Позаботились обо всем, — рассказывала позже заместитель директора детдома имени К. А. Тимирязева В. И. Коршунова, — даже теплые мягкие тапочки стояли около каждой кровати»²⁹⁰.

Труженики колхоза «Трактор» Чебоксарского района в марте 1942 г. обратились к населению республики: «Немалое количество эвакуированных, а также потерявших своих родителей детей вынуждены жить в детских домах и яслях. Наша святая обязанность заключается в том, чтобы окружить этих детей материнской лаской и заботой... Мы берем шефство над эвакуированными и над детским садом. Ежедневно мы будем выделять для нужд детсада по 30 литров молока, 60 штук яиц. Каждый колхозный двор обязался вырастить по одной курице для детсада. Кроме того, мы обеспечим детсад овощами и картофелем, а также дровами»²⁹¹.

Тепло встретили эвакуированных детей крестьяне Ярославской, Костромской и Кировской областей, жители регионов массовой эвакуации — Узбекистана, Грузии, Урала²⁹². К августу 1942 г. около 3 тыс. семей Узбекистана взяли на воспитание эвакуированных детей, отказавшись при этом от материальной помощи государства²⁹³. В Раменском районе Московской области большинство эвакуированных из блокадного Ленинграда семей разместили в частных домах, а для их детей в детских садах были созданы специальные санаторные группы²⁹⁴.

В условиях военного времени жизнь детей нередко зависела от энтузиазма и инициативности работников детдомов и интернатов. «Галина Лукинична, благодарю Вас за труд и заботу о моих детях и обо всех детях, живущих с ними»; «Как я благодарна Вам и Вашему обслуживающему персоналу за воспитание моего птенчика, моей любимой дочурки Милочки!» — писали работникам детдомов фронтовики и труженики тыла, не имевшие возможности самостоятельно заботиться о своих детях²⁹⁵.

С благодарностью вспоминали впоследствии своих воспитателей и сами их подопечные. Так, бывшая воспитанница тамбовского детского дома № 8 Мария Ерохина, став адвокатом, написала директору детдома Л. Н. Малявиной: «Дорогая моя, родненькая, я от всего сердца благодарю Вас за то, что Вы помогли мне найти дорогу в жизни. Спасибо Вам, что Вы меня вывели в люди... Мне очень хочется побывать у Вас, посмотреть на тех, кто воспитывается теперь в нашем доме. Хочется пройти по нашему залу, посидеть в той уютной комнате, где мы учили уроки. Ах, какое это все родное! Какое было светлое, радостное детство наше»²⁹⁶.

Много добрых слов спустя годы было сказано и в адрес местных жителей, тепло принявших эвакуированных детей. Так, бывшие воспитанники Ишакского детского дома Чебоксарского (бывшего Ишлейского) района, созданного для ленинградских детей, писали: «В суровые годы войны мы, дети блокадного Ленинграда, нашли приют и заботу в этом заветном уголке Чувашии. Добрые, заботливые руки, которым доверили воспитание детей, выпестовали, вскормили и вырастили нас полезными Родине людьми» (А. Д. Шухгарт); «Чувашия — моя вторая родина. Большое спасибо всем за заботу и ласку» (Т. В. Богданова); «Милые, добрые люди, которые спасли жизнь нам — ленинградцам во время Великой Отечественной войны... Таких людей за всю свою жизнь я не видела никогда» (В. Н. Мусатова)²⁹⁷.

Дети блокадного Ленинграда у грядок на Мытнинской набережной

Белорусская детвора у подбитых немецких танков

Подросток на брошенном немцами артиллерийском орудии

Красноармеец беседует с десятилетним Володи Лукиным, оставшимся без родителей, крова и отморозившим ноги

Старший сержант Моисеев кормит двухлетнего ребенка в освобожденной деревне под Смоленском

Летом 1942 г. в результате прорыва немецких войск на Северный Кавказ и к берегам Волги эвакуация населения и детей возобновилась. Они отправлялись прежде всего из Воронежской, Орловской, Ростовской и Сталинградской областей. В тыл были вывезены десятки тысяч осиротевших или утративших связь с семьей детей. Именно дети, как самая уязвимая часть населения, оказались в первую очередь жертвами военного лихолетья. Число сирот, оставшихся к тому же без крыши над головой, росло быстрее, чем возможности приюта в других семьях, детских домах, специальных ремесленных, суворовских и нахимовских училищах, домах ребенка, детских приемниках-распределителях.

Детские дома и интернаты военного времени имели существенные отличия от довоенных лет. Во-первых, они создавались в новых местах. Привычное и необходимое имущество осталось на территории, занятой врагом. С собой эвакуированные дети взять много не могли, поэтому обустроиваться на новом месте было трудно. Нужны были не только столы, кровати, стулья, но также посуда, одеяла, одежда, учебники, игрушки и прочее. Во-вторых, эвакуация проходила в несколько этапов — сначала в ближний тыл, а с приближением фронта опять трогались в путь. Даже прибыв на конечный пункт, решать бытовые вопросы было сложно.

Статистика первых лет войны свидетельствует о резком росте числа детских домов и интернатов в ближайших прифронтовых и тыловых областях и республиках страны. Так, в Ярославской области к сентябрю 1941 г. число детских учреждений увеличилось в 12 раз, составив 302 детдома и интерната на 30 тыс. воспитанников. В 2,5 раза к концу войны выросла сеть детдомов в Калининской области — в 69 детдомах воспитывалось более 6 тыс. сирот. В пять раз выросло количество детдомов в Ивановской области²⁹⁸. В последующие годы этот процесс продолжался. Государство поставило и решало важную социальную задачу тыла: сохранение детей — будущего страны.

Только в тыловые районы РСФСР эвакуировалось около 2 тыс. детских домов (более 200 тыс. детей). Наряду с этим на восток были эвакуированы учащиеся 715 школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ с контингентом 125 тыс. человек²⁹⁹. Приток большого числа эвакуированных детских учреждений вызвал необходимость улучшения их обеспечения. Обсудив создавшуюся ситуацию, СНК РСФСР 24 марта 1942 г. принял постановление «О мероприятиях по улучшению работы эвакуированных детских учреждений». Исполкомы краевых, областных советов депутатов трудящихся и СНК АССР тех областей, краев и республик, на территории которых имелись эвакуированные детские учреждения, должны были в течение 20 дней проверить подготовленность всех помещений, которые занимали эвакуированные детские учреждения, и там, где имелись недостатки (не был окончен ремонт помещений, отсутствовала необходимая мебель), устранить их.

Председатели районных и поселковых советов депутатов трудящихся обязывались под личную ответственность взять вопрос бесперебойного снабжения топливом эвакуированных детских учреждений. И что было не менее важным, при эвакуированных детских учреждениях с контингентом свыше 200 человек за счет средств, отпускаемых по местному бюджету на строительство простейших бань и прачечных, были организованы бани с небольшими дезинфекционными камерами при них.

У эвакуированных детей с собой практически не было «багажа», а значит, не было ни сменной одежды, ни сменной, а тем более сезонной обуви. На предприятиях местной промышленности и промкооперации налаживалось производство детской одежды из местного сырья и, в частности, за счет реставрации подержанных вещей. Кроме этого, в соответствии с распоряжением СНК СССР от 31 января 1942 г., районные и городские советы депутатов трудящихся обязаны были включать в списки на выдачу вещей, поступающих из-за границы от Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, наиболее нуждающихся эвакуированных детей. Это касалось и тех, кто был размещен в детских домах и интернатах.

В военное время бесперебойное обеспечение продуктами питания эвакуированных детских учреждений становилось задачей не только крайне важной, но и сложной. При этом надо было выдавать продукты в соответствии с утвержденными нормами. Норма хлеба до августа 1944 г. для детей до 14-летнего возраста составляла 300 граммов³⁰⁰.

В марте 1942 г. СНК РСФСР принял решение: «В целях создания собственной продовольственной базы обязать краевые, областные исполкомы, СНК АССР, районные и городские советы депутатов трудящихся выделить для детских домов и школьных интернатов земельные участки, семенные фонды и инвентарь для организации подсобных хозяйств, особо поощряя организацию огородов, развитие птицеводства и кролиководства»³⁰¹. На организацию этих подсобных хозяйств Наркомфином РСФСР выделялось 5 млн рублей. В дальнейшем эти земельные участки стали первой трудовой вахтой школьников.

23 января 1942 г. СНК СССР принял постановление № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». В постановлении, в частности, отмечалась необходимость считать «важнейшим государственным делом устройство детей, оставшихся без родителей», а также «проведение мероприятий по предупреждению детской преступности». СНК СССР обязал СНК союзных и автономных республик, исполкомы краевых, областных, городских и районных советов депутатов трудящихся взять «под личную ответственность председателей обеспечить устройство детей, оставшихся сиротами или потерявших родителей при переезде в другую местность, не допуская оставления детей безнадзорными»³⁰². При СНК союзных и автономных республик, исполкомах местных Советов создавались комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, расширялась сеть детских приемников-распределителей. Органы НКВД СССР обязали создать там, где их не было, и наладить работу справочных столов для розыска детей.

Детей до трех лет включительно рекомендовалось направлять через местные органы здравоохранения в дошкольные детские учреждения или передавать в семьи местных жителей на патронирование. В детские приемники-распределители должны были направлять детей в возрасте до 15 лет включительно. При этом оговаривалось, что там они могут оставаться не более двух недель. В случае невозможности возвращения их родителям дети до 14 лет через органы народного образования направлялись на патронирование или в соответствующие детские учреждения, а старше 14 лет — устраивались на работу в промышленности или сельском хозяйстве.

В 1942 г. наркому здравоохранения РСФСР А. Ф. Третьякову была поставлена задача в месячный срок укомплектовать все эвакуированные учреждения медицинскими кадрами, обеспечить эти учреждения необходимым минимумом медикаментов, создать специальные штаты по руководству и контролю за санитарно-медицинским обслуживанием эвакуированных детских учреждений. В районах, где в интернатах находились свыше 500 эвакуированных детей, предусматривалась должность врача-инспектора по наблюдению за медико-санитарным обслуживанием, а в интернатах с числом детей свыше 100 должна была быть медицинская сестра.

СНК РСФСР весной 1942 г. обязал Народный комиссариат просвещения РСФСР не только укомплектовать детские эвакуированные учреждения кадрами воспитателей и педагогов, но и обеспечить детские учреждения учебниками и учебными пособиями, наладить контроль за учебно-воспитательной работой. Если в мирное время эти задачи являлись обычными и решаемыми, то в условиях войны выполнить все это было непросто.

За годы войны ассигнования на детские дома и мероприятия по охране детства составили в РСФСР 16% всех расходов на народное образование. Для детей воинов Красной армии и партизан с 1943 г. создавались специальные детские дома. В 1945 г. действовало 120 таких детских домов на 17,2 тыс. человек. Имелись также детские дома для иностранных детей: в Узбекистане находились 23 польских детских дома, содержащие свыше 1900 человек, и дом испанской молодежи. В частности, в Самарканде был открыт детский дом для польских детей и организован интернат для 120 испанских детей, переселенных из Москвы³⁰³. Польские детские дома размещались также в Казахстане, Киргизии и Таджикистане.

Получило путевку в жизнь хорошее начинание — создание мастерских при интернатах с целью производственного обучения и обслуживания бытовых нужд ребят: пошив и ремонт обуви и одежды, изготовление и ремонт мебели и прочее³⁰⁴. Всё, что внедрялось в быт и жизнь эвакуированных ребят, требовало государственной поддержки и контроля над

выполнением намеченных планов. Понимая, что вопрос, касающийся эвакуированных детей, — политический, Наркомат госконтроля РСФСР один раз в месяц докладывал СНК РСФСР о результатах проделанной работы.

СНК СССР своим постановлением от 21 мая 1942 г. разрешил руководителям предприятий «на период военного времени принимать для индивидуального и бригадного обучения и последующей работы на предприятии лиц, достигших 14-летнего возраста, при наличии у них медицинского заключения о состоянии здоровья»³⁰⁵. В промышленность и на транспорт, по данным Госплана СССР, к середине 1943 г. влились около 2 млн новых молодых рабочих. В связи с этим потребовалось организовать массовое производственно-техническое индивидуальное и бригадное обучение. Только за 1942 г. непосредственно на предприятиях были подготовлены около 1 млн 100 тыс. человек, на транспорте — 420 тыс., в системе государственных трудовых резервов — 562 тыс.³⁰⁶ Продолжительность рабочего дня как во время обучения, так и для последующей работы молодежи в возрасте от 14 до 16 лет составляла шесть часов. Для подростков запрещались сверхурочные работы без разрешения СНК СССР.

В целях пополнения контингента учащихся ремесленных и железнодорожных училищ вышло постановление СНК СССР о призыве туда молодежи. Им ставилась задача: призвать на производство до 15 июля 1943 г. 80 тыс. человек из числа городской и сельской молодежи мужского пола в возрасте 14—15 лет и женского пола в возрасте 15—17 лет. При этом в ремесленные училища угольной, горнорудной, металлургической промышленности призывались юноши в возрасте 15—16 лет. Тем самым, с одной стороны, решался вопрос подготовки рабочих кадров в тех отраслях, где испытывался их недостаток, с другой — этот призыв был направлен на привлечение неработающей и неучащейся молодежи к получению рабочих профессий, занятию общественно полезным трудом.

Следует заметить, что уже через год набор в школы ФЗО составил 262 тыс. человек, а в ремесленные и железнодорожные училища — 70 тыс. человек. В ФЗО направлялись юноши в возрасте 15—17 лет и девушки в возрасте 16—18 лет; в ремесленные и железнодорожные училища принимались юноши 14—15 лет и девушки 15—16 лет³⁰⁷. По областям, краям и республикам существовала определенная разрядка по количественному набору. Там, где по разрядке не хватало как неработающей, так и неучащейся молодежи, разрешалось призывать учащихся школ, кроме 9—10 классов³⁰⁸. Все мероприятия были направлены на то, чтобы уменьшить количество беспризорных и безнадзорных детей, сделать их полезными для общества.

В период организации системы государственных трудовых резервов не был решен вопрос об отпусках или каникулах для учащихся ремесленных и железнодорожных училищ. Ввиду обстоятельств военного времени в последующем этот вопрос не ставился. И только в 1944 г. часть учащихся ремесленных и железнодорожных училищ второго года обучения одновременно получала отпуска продолжительностью в 12 рабочих дней. С 1945 г. СНК СССР разрешил ввести ежегодные каникулы для учащихся ремесленных и железнодорожных училищ первого и второго года обучения продолжительностью один месяц — с 1 по 31 августа³⁰⁹.

Имелись и текущие трудности. Как в училищах, так и в школах не хватало опытных воспитателей и преподавателей. Книжные фонды библиотек были малы и с начала войны не пополнялись, практически не работали кружки, а самая главная проблема — неудовлетворительное бытовое обслуживание учащихся, недостаточное питание. В общежитиях отсутствовал необходимый порядок, практически не было мебели. Дети-подростки не обеспечивались одеждой, обувью, слабым оставалось их медицинское обслуживание.

Недостатки в постановке учебно-производственной и воспитательной работы, организации бытового устройства учащихся не только в училищах, но и в школах фабрично-заводского обучения стали прямым результатом массового отсева учащихся, низкой трудовой дисциплины, многочисленных случаев преступности среди учащихся. Только с января по май 1944 г. по стране из ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО самовольно ушли 64 624 учащихся. За этот же период были привлечены органами милиции к уголовной ответственности 3672 учащихся. Из всех лиц, привлеченных к уголовной ответственности

в этот период, на учащихся училищ и школ ФЗО приходилось в Мурманской области — 66,6%, в Воронежской области — 58,85%, в Челябинске — 22,3%, в Ленинграде — 17,8%, в Москве — 13%³¹⁰.

При последующем призыве в школы и училища соответствующие государственные и советские органы старались учитывать недоработки прошлого и пытались их устранить. В первую очередь это касалось улучшения питания, снабжения одеждой и доставки к месту учебы.

С первых месяцев войны беспризорность и безнадзорность была одной из главных проблем, связанных с эвакуированными детьми. 8 августа 1942 г. НКВД СССР издал директиву об усилении работы органов милиции по выявлению и изъятию безнадзорных и беспризорных детей. Документ под грифом «секретно» был направлен первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову. В директиве констатировалось, что за период с января 1942 г., когда было принято постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», органы милиции «провели значительную работу по изъятию беспризорных детей. Однако в ряде мест эта работа организована плохо». На решении этой задачи сказывалось то, что «работа протекала беспланоно, без повседневного внимания к этому важному делу со стороны руководящих работников органов милиции»³¹¹. Штаты, которые были определены приказом НКВД СССР от 10 марта 1942 г., использовались не по назначению, работа справочно-адресных детских столов разворачивалась медленно, без всякой инициативы. Необходимые детские комнаты до марта 1942 г. были созданы не во всех городах.

Было также решено «беспризорных детей до 15-летнего возраста включительно направлять в приемники-распределители НКВД, а детей более старшего возраста — в комиссии по устройству детей при исполкомах депутатов трудящихся или тройки, созданные в комсомольских организациях, — для трудового устройства». Но при этом требовалось сделать так, чтобы все эти дети были учтены справочно-адресными детскими столами, а что касается детских комнат, то создать их там, где им положено быть: в городах, на узловых станциях и пристанях³¹².

По неполным данным за 1942 г., органы милиции задержали 286 483 ребенка. Особенно большое количество детей и подростков было задержано в Горьковской, Московской, Свердловской, Челябинской, Ярославской областях, Азербайджанской, Грузинской, Узбекской, Казахской союзных республиках³¹³, причем подавляющее большинство из числа задержанных составляли безнадзорные дети. Так, в Азербайджанской ССР из 38 230 задержанных детей и подростков 35 128 были безнадзорными. Такая же обстановка наблюдалась на территории Узбекской ССР: из 34 809 человек задержанных 24 546 — лишившиеся родителей дети³¹⁴. В Челябинской области в 1942 г. зарегистрированных беспризорных детей было 3820, безнадзорных — 14 844; в 1943 г. — беспризорных — 5584, безнадзорных — 13 890. Основное количество тех и других в области приходилось на рабочие поселки и города, главным образом Челябинск, Магнитогорск, Златоуст³¹⁵.

Общей проблемой для всех регионов, куда поступили эвакуированные дети, оставался вопрос, связанный с трудоустройством подростков. При этом часто допускались нарушения. Направленным на заводы подросткам часто не создавали нормальных условий труда и быта, нередко им поручали тяжелую физическую работу. На предприятиях главным правилом оставалось выполнение производственных задач, связанных с фронтовыми заказами. Неустроенность детей уходила на второй план, однако именно она являлась одной из главных причин побегов подростков. Это привело к тому, что в 1942–1943 гг. был отмечен рост задержанных беспризорников и безнадзорных. Особенно заметным это было в Горьковской, Московской, Свердловской, Челябинской, Ярославской областях, в Азербайджанской, Грузинской, Узбекской и Казахской республиках³¹⁶.

Секретариатом ЦК ВЛКСМ 24 апреля 1943 г. было принято закрытое постановление, в котором отмечались бездушное отношение местных органов власти к обустройству детей, а также неудовлетворительная работа в ремесленных и фабрично-заводских училищах. ЦК ВЛКСМ констатировал также, что «такое положение дел не может быть терпимо, несмотря

на трудности военного времени, мы можем и обязаны проявлять повседневную заботу о детях, не допускать беспризорных и безнадзорных детей»³¹⁷. Одновременно было принято решение о введении комсоргов ЦК ВЛКСМ в школах, насчитывающих 500 и более учащихся, для улучшения воспитательной работы с ребятами.

Распоряжением от 27 мая 1943 г. было внесено частичное изменение в пункт 4 постановления СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». СНК СССР обязал НКВД СССР: «а) принимать в детские приемники-распределители беспризорных и безнадзорных подростков в возрасте до 16 лет; б) через органы народного образования направлять указанных подростков в порядке трудоустройства на работу в промышленность и сельское хозяйство»³¹⁸.

Однако были и другие пути борьбы с детской и подростковой беспризорностью в годы Великой Отечественной войны. 4 февраля 1942 г. в «Комсомольской правде» было опубликовано письмо офицера Тихоокеанского флота комсомольца Петра Безносикова, который сообщил о своем решении взять на воспитание ребенка, оставшегося без семьи. Почин П. Безносикова нашел широкую поддержку у советских людей. В стране развернулось движение по усыновлению осиротевших детей. В Москве только за три месяца 1942 г. были приняты на воспитание и патронат 1500 детей, в Калининской области — 2940 детей. 1100 осиротевших детей были приняты на воспитание в узбекские семьи, только в Ташкенте 643 семьи и 69 коллективов приняли на воспитание детей, оставшихся без родителей. К маю 1945 г. по стране в семьи были приняты на воспитание свыше 300 тыс. детей.

Широкую поддержку народа получил почин воентехника 1 ранга Николая Корниенко, предложившего организовать при «Комсомольской правде» специальный Фонд помощи детям, пострадавшим от фашизма. Он первым сделал взнос в этот фонд в сумме 300 рублей. Так, при газете «Комсомольская правда» был открыт счет № 160180 для помощи детям, пострадавшим от войны. Всего за годы войны на этот счет поступило 208 млн рублей. Кроме того, на средства обкомов комсомола были открыты 14 комсомольских здравниц для больных, а также физически ослабленных детей фронтовиков Ивановской, Кировской, Молотовской, Свердловской, Челябинской, Омской, Горьковской, Ростовской областей, Армянской ССР и Башкирской АССР³¹⁹. Ежегодно в этих здравницах отдыхали более 12 тыс. детей.

Областные комитеты комсомола создали за счет фонда помощи детям 126 детских домов, содержали сотни оздоровительных детских площадок и детских садов. Татарский, Новосибирский обкомы комсомола открыли комсомольские здравницы для детей, потерявших родителей в дни войны. В Татарии здравница была рассчитана на 400 мест в зимнее время и на 900 мест в летних условиях. В 1944 г. было открыто еще 16 специальных детских домов для детей фронтовиков и партизан Отечественной войны.

Южный райком комсомола г. Пензы выступил в 1944 г. с предложением об установлении стипендии для наиболее нуждающихся детей фронтовиков за счет комсомольско-молодежного фонда помощи детям. Одобряя это предложение, ЦК ВЛКСМ установил с февраля 1944 г. для детей, обучавшихся в школах Наркомпроса СССР, 12 010 комсомольских стипендий размером 100 рублей каждая до конца 1943—1944 учебного года³²⁰. Свыше 100 тыс. бесплатных путевок было приобретено детям за счет комсомольско-молодежного фонда помощи детям. Только в 1945 г. детям было выдано 45 тыс. стипендий на сумму 221 млн 500 тыс. рублей. 11 млн рублей направлено для оказания индивидуальной помощи детям, отдельным детским домам, площадкам, столовым.

Многие детские учреждения были взяты на полное содержание колхозами, коллективами служащих, частями Красной армии, профсоюзами, Литфондом СССР и даже коллективом полярников станции Тикси³²¹. Так, работники меховой фабрики «Белка» г. Слободской Кировской области взяли на иждивение 50 сирот, 40 сирот содержал Соликамский калийный комбинат, 30 сирот — трест «Андреевуголь»³²². Всего за годы войны на территории РСФСР колхозами и совхозами было организовано 376 детских домов, 210 детских домов созданы на средства профсоюзов работников вооружения³²³.

Маленькие воспитанники ленинградского детского сада на прогулке

Местные жители приносили в детдома еду, одежду, посуду и другие предметы первой необходимости, жертвовали свои личные сбережения на строительство и восстановление детских учреждений. Так, крестьяне Калининской области за 1942–1943 гг. перечислили в детские дома области более 12 тыс. рублей; председатель колхоза «Рассвет» села Мышковицы К. П. Орловский в годы войны отдал все личные сбережения — 20 тыс. рублей на строительство школы³²⁴.

Широкую известность получило так называемое черкасовское движение — восстановление дошкольных учреждений силами бригад общественников, начавшееся в Сталинграде по инициативе работницы системы дошкольного воспитания А. М. Черкасовой³²⁵.

Учителя брали шефство над детьми фронтовиков (федякинское движение и прочие), устраивали заболевших учеников в больницы, искали временный приют для детей, родные которых были тяжело больны, организовывали работу кружков в школах и Домах пионеров. При помощи общественности детям организовывали праздники, проводили спортивные соревнования, конкурсы и олимпиады, готовили новогодние подарки, организовывали отдых в период школьных каникул.

Общественные организации (профсоюзы, комсомол), а также отдельные граждане страны принимали активное участие в работе по розыску и изъятию беспризорных детей с улицы, устройству их в детские приемники, поиску их родных, выносили детей из разрушенных во время бомбежек зданий. Так, москвичка О. Ф. Гаврилина, до войны работавшая в детской комнате при домоуправлении, с 1942 г. на общественных началах помогала разыскивать родственников детей, потерявшихся во время бомбежек или в ходе эвакуации. Одного из найденных на Казанском вокзале мальчиков — Толю из Днепропетровска О. Ф. Гаврилина усыновила³²⁶.

Большой размах работа по розыску детей-сирот получила в блокадном Ленинграде, где добровольцы не только собирали детей на улицах, но и регулярно обходили квартиры для выявления детей, находящихся наедине с умирающими от голода или уже умершими родными. Учительница Н. А. Миронова привезла на санках в детские учреждения около сотни детей, оказавшихся в подобной ситуации. Старшеклассники во время бомбежек обходили дома и относили малышей в бомбоубежища, помогали выносить их из разрушенных домов³²⁷.

Качественно новый характер приобрело шефство над детскими учреждениями. Особую активность в этой работе проявляли фронтовики, что обусловило формирование специфических заочных форм шефской работы. Фронтовики регулярно перечисляли средства в созданный ЦК ВЛКСМ Фонд помощи детям, переписывались с воспитанниками и воспитателями детских домов, помогали школам, семьям погибших однополчан и семьям, взявшим на воспитание сирот. Так, моряки команды теплохода «Вильнюс» оказывали материальную поддержку двум малолетним сиротам их погибшего товарища Евгения Шмарова (жена Шмарова умерла во время блокады, дети, Аля и Вова, были эвакуированы в Ярославль, где их воспитывала бабушка). Позже моряки «Вильнюса» взяли шефство над 19 патронирруемыми детьми-сиротами. Помогали детям погибших моряков и команды судов «Севан», «Белоостров», «Хасан», «Сестрорецк» и многих других³²⁸. Тесную связь с армией поддерживали учащиеся блокадного Ленинграда. Директора школ выезжали на фронт для вручения подарков, а бойцы Ленинградского гарнизона не только помогали ремонтировать и оборудовать школы, но и участвовали в школьных собраниях и праздничных вечерах³²⁹.

По инициативе общественных организаций г. Ногинска Московской области в годы войны возникла новая форма общественной помощи детским домам — попечительские советы, организовывавшие шефскую работу³³⁰.

Широкое распространение получило в годы войны и явление, известное как сын полка³³¹. Воинские части и подразделения Красной армии нередко брали под свою опеку найденных ими беспризорных детей. Так, четырехлетний Геня Смирнов после гибели родителей оказался в санитарном отряде Красной армии, в рядах которого дошел до Кёнигсберга. После войны мальчика устроили в Московскую школу военно-музыкантских воспитанников, большинство учащихся которой также были сиротами войны. «Солдатские найденыши», как их нередко

называли в годы войны, вместе с воинскими частями прошли сотни километров, многие успели побывать в боях и даже были награждены орденами и медалями. Например, Сережу Шульгу, отец которого погиб, а мать угнали в Германию, взяли в свой отряд красноармейцы-разведчики. За годы войны мальчик был награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Валя Никаноров, которого танкисты выбрали на одной из прифронтовых станций, стал башенным стрелком-радистом, дошел до Будапешта и Вены, был награжден орденом Красной Звезды. Михаил Бельский вместе с подобранным его подразделением Красной армии участвовал в боях под Берлином и в Маньчжурии. В одиннадцать лет мальчик получил звание гвардии ефрейтор, был награжден четырьмя боевыми медалями. После войны поступил в Ставропольское суворовское училище. Многие из сыновей полка впоследствии стали воспитанниками суворовских и нахимовских училищ³³².

Усыновление, патронирование и прочие формы семейного воспитания сирот в годы Великой Отечественной войны впервые в отечественной истории получили поистине массовый характер, развиваясь независимо от материального стимулирования и иной поддержки со стороны государства и базируясь исключительно на добровольной основе. По свидетельству современников, с первых же месяцев войны в детские дома, приемники-распределители и на эвакуационные пункты ежедневно приходили представители фабрик и заводов, колхозов и учреждений, отдельные граждане разных возрастов, как бездетные, так и имеющие большие семьи. Все они предлагали свою помощь в воспитании детей, оставшихся без попечения родителей. Мотивацию массовой народной помощи детям в годы Великой Отечественной войны можно выразить словами колхозницы Г. Морозовой из артели «Красная звезда» Бежецкого района Калининской области: «Наши дети — с нами, они ежедневно видят нашу ласку. Такую же ласку и заботу должны чувствовать и сироты»³³³. В первую очередь из детских домов и детприемников забирали наиболее слабых и больных детей, понимая, что для них семейная забота и родительское тепло крайне необходимы и важны. Так, 19-летняя работница железнодорожной дороги в Челябинске Т. Крылова взяла на воспитание истощенного, больного полторагодовалого мальчика, пояснив: «Здорового каждый возьмет, а такой особенно нуждается в ласке»³³⁴.

Зачинателями движения по усыновлению сирот принято считать работниц московского завода «Красный богатырь». «Женщины, матери, — обратилась в 1942 г. к своим коллегам работница завода Елена Семеновна Овчинникова, мать четверых детей, — все это так, все это хорошо, сундуки пересмотрим, найдутся и рубашонки, и платья. Принесем. Но детей-то, детей жалко, ведь они сироты! Отцы их за нас кровь проливали. Матери, не могу я молчать, возьму ребеночка такого к себе, приласкаю, выращу.. Четыре дочки у меня, вы знаете. Возьму себе пятую. Проживем!» Другая работница поддержала: «Товарищи, и я возьму дитенка, у которого фашистские гады мать загубили. А если отец на фронте... Ну что ж, выхожу, сберегу — вернется из армии, скажу: вот сынок твой, ты за меня воевал, а я тебе мальчонку сберегла». После этого собрания работницы завода Овчинникова, Трутнева, Шарова, Цибульская, Идельчук и Садретдинова взяли в свои семьи по одному ребенку. Их посещение детского приемника было подробно описано в газете «Правда». Корреспондент газеты Е. Кононенко сделала акцент на том, как сложно было женщинам сделать свой выбор, в то время как на них были устремлены сотни пар страдающих детских глаз. «Уходили, слышали отовсюду: «Возьми меня!» — эти строки из опубликованной в «Правде» статьи стали для многих советских женщин призывом взять на воспитание детей-сирот³³⁵.

После освобождения Москвы движение по усыновлению сирот охватило весь город. Только с января по октябрь 1942 г. в семьи москвичей было передано на воспитание более 9 тыс. детей, из них более тысячи усыновили, более 7 тыс. взяли под опеку и 727 человек на патронат³³⁶. К концу 1942 г. количество москвичей, желающих взять на воспитание осиротевшего ребенка, превысило численность находящихся в столице сирот³³⁷. Всего в годы войны москвичи приняли в свои семьи более 16 тыс. детей, из которых более 2 тыс. усыновили³³⁸.

Руины здания «Малого пассажа» на Крещатике
в оккупированной столице Украинской ССР

Убитые фашистами советские военнопленные
на одной из киевских улиц

Немецкий регулировщик у блокпоста в Киеве

Украинский полицай позирует немецкому фотографу на фоне женщин, пришедших узнать у оккупационных властей о судьбе арестованных близких

Тела погибших киевлян на бульваре Тараса Шевченко

Мирные жители на берегу реки Лопань
в оккупированном Харькове

Харьковчане в очереди за продуктами

Немецкие солдаты у витрины харьковского кафе

Здание Госпрома
в занятом гитлеровцами Харькове

Городской рынок во время оккупации

Немецкие автомобили
на харьковской площади Свободы

У моста в оккупированном Харькове

Харьковчанка рассматривает
немецкий пропагандистский плакат

Антисоветская пропаганда на улицах города

Отдельного внимания заслуживает отношение к сиротам на оккупированных территориях, где принять в свою семью сироту зачастую было не только тяжело в материальном плане, но и опасно для жизни³³⁹. Тем не менее тысячи женщин прятали у себя детей казенных односельчан. Так, Меланья Запольская, рискуя жизнью, приютила и выходила четверых малолетних (от одного года до 10 лет) детей казенной партизанки Анны Безбородовой, отец которых погиб на фронте³⁴⁰. Во всех оккупированных регионах сразу после их освобождения начиналось массовое усыновление сирот — фактически речь шла о юридическом оформлении уже существовавшего на практике положения. Так, в Орловской области к концу войны в семьи на воспитание были взяты около 19,5 тыс. детей, в Курской области — около 17,5 тыс., в Воронежской области — почти 15 тыс., в Смоленской области — более 12 тыс.³⁴¹

Активное участие в этом движении приняли и фронтовики. Усыновленные ими дети оставались жить в детских домах, но знали, что где-то на фронте у них есть родной человек. Фронтовики ежемесячно присылали деньги на содержание своих приемных детей и регулярно переписывались с ними³⁴². Именно в годы войны было положено начало явлению, впоследствии получившему название семейный детский дом, — когда на попечении приемных родителей оказывались пять и более детей. Так, 60-летняя А. И. Романова, председатель колхоза имени Н. К. Крупской в Кунцевском районе под Москвой, в 1942 г. взяла на воспитание четверых детей, а к 1948 г. число ее воспитанников достигло 15 человек. Восемь детей взяла на воспитание Бахрихон Амир Ходжаева. Всесоюзную известность получила Александра Авраамовна Деревская, взявшая на воспитание в годы войны 29 детей. А всего она усыновила 65 детей, из них 48 (17 девочек и 31 мальчика) разных национальностей довела до совершеннолетия³⁴³.

Начавшееся «снизу» с первых же дней войны движение по усыновлению детей было поддержано государством. 3 апреля 1943 г. СНК РСФСР утвердил инструкцию Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомюста РСФСР «О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей». С целью стимулирования процесса взятия на воспитание детей, лишенных родительской опеки, инструкция предусматривала льготы таким семьям. Однако подавляющее большинство семей, воспитывавших сирот, либо не имели возможности воспользоваться полагавшейся им государственной помощью, либо отказались от нее³⁴⁴. В годы войны усыновители юридически были приравнены к кровным родителям³⁴⁵.

Импульс, полученный общественным движением в годы войны, был настолько мощным, что сказывался еще некоторое время и в послевоенные годы. С одной стороны, государство остро нуждалось в широкой общественной помощи, без которой невозможно было бы справиться с беспризорностью, восстановить школьное обучение и сеть детских дошкольных, досуговых и лечебно-оздоровительных учреждений, обеспечить необходимым минимумом воспитанников детских домов и решить прочие насущные проблемы охраны материнства и детства. Само общество, в свою очередь, не менее нуждалось в том, чтобы опекать этих детей: еще не утихла боль военных утрат, было сильно чувство сопричастности к единому народному горю. Лозунг «Дети-сироты — дети народа» еще не утратил своей актуальности и многими воспринимался как призыв к действию. Вчерашние фронтовики активно участвовали в жизни детдомов, переписывались с их руководством и воспитанниками. Например, Дубовский специальный детский дом в конце 1940-х гг. ежедневно получал несколько десятков писем. Широкое распространение получило военно-патриотическое воспитание школьников при участии ветеранов войны. Так, Ейский детский дом часто навещал бывший член подпольной организации «Молодая гвардия» Радик Юркин; матросы Северного флота шефствовали над Сытъяковским детским домом Московской области³⁴⁶. Бывшие фронтовики часто проводили беседы с учащимися и воспитанниками детских домов, участвовали в детских вечерах, руководили отрядами юных следопытов, поисковыми отрядами, действовавшими под лозунгом «Чтить память павших героев».

Война стала временем тяжелейших испытаний для всего населения СССР. Основным содержанием военной повседневности советских людей являлся тяжелый, изматывающий

труд без отдыха, в условиях тотального недостатка питания, товаров первой необходимости, лекарственных средств. Система нормированного распределения продовольствия и промтоваров для городского населения, кадров промышленности и транспорта гарантировала им минимально необходимый уровень снабжения, но немалую роль сыграла инициатива самих трудящихся по изысканию дополнительных ресурсов: развитие огородничества, подсобных хозяйств, обменные операции. Стократ тяжелее пришлось труженикам села. Советская деревня, лишившаяся с началом войны значительной части производительных сил, в условиях почти двойного сокращения сельхозугодий и полного отсутствия материально-технического снабжения по-прежнему рассматривалась государственным руководством как источник дешевого сырья и рабочей силы для развертываемой военной промышленности.

В нечеловеческих условиях, при которых государство было вынуждено даже официально узаконить детский труд и фактически ввести милитаризацию сельскохозяйственного производства, советское крестьянство сумело обеспечить продовольствием армию, военную промышленность и городское население. Более того, как горожане, так и селяне СССР развернули в годы войны широчайшую деятельность по оказанию помощи фронту, участвовали в сборе финансовых средств, повышали производительность труда и наращивали производство за счет морально-идеологической мобилизации. Свой весомый вклад в победу внесли советская молодежь и женщины, составившие основную массу трудовых кадров в городе и на селе.

Война породила целый комплекс проблем по сохранению общественного здоровья, охране материнства и детства. Несомненной заслугой следует признать проводимую в годы Великой Отечественной войны в центре и на местах органами государственной власти и общественными организациями последовательную и систематическую работу в сфере здравоохранения и социального обеспечения, борьбу с сиротством, беспризорностью и безнадзорностью детей и подростков.

Жизнь населения в условиях фашистского оккупационного режима

Чрезвычайно тяжелым было положение жителей крупных городов на оккупированной советской территории. В Минске, например, генеральный комиссариат округа «Белоруссия» рейхскомиссариата «Остланд» выделял зимой 1941–1942 гг. на каждого работающего ежедневный рацион из 200 граммов хлеба и 10 граммов соли. Из-за низкой заработной платы рабочие не могли обеспечить себе прожиточный минимум за счет рынка. У населения не было возможности купить в магазинах промышленные и продовольственные товары, что создавало почву для процветания спекуляции. Занимались ею немецкие солдаты и те, кто добывал ценой предательства жизненно необходимые товары. Абсолютное же большинство населения было доведено до обнищания крайней степени.

Через год после начала войны один из фашистских чиновников докладывал в генеральный штаб, что положение русских рабочих безнадежно. Растущие рыночные цены находились в резком контрасте с получаемой рабочими зарплатой. Недельного заработка не хватало, чтобы удовлетворить самые необходимые дневные потребности в продуктах питания. Население буквально голодало и было вынуждено обменивать на продукты питания последнюю одежду и домашнюю утварь³⁴⁷.

По отношению к рабочим на оккупированной советской территории «новые хозяева» чинили грубый, откровенный произвол. Усиливая эксплуатацию и всемерно снижая жизненный уровень населения, оккупанты стремились получить избыток продуктов, сырья и дешевую рабочую силу для поддержания своего военно-промышленного потенциала. На оккупированной советской территории широкий размах приобрел саботаж всех мероприятий

оккупационных властей. Население городов в большинстве своем под любым предлогом уклонялось от работы, выводило из строя станки и оборудование. На предприятиях рабочие сознательно ухудшали качество выпускаемой продукции, нарушая технологию производства, что зачастую приводило к быстрой ее порче. Производительность труда на таких предприятиях была очень низкой.

Трудовой саботаж в различных формах проявляли рабочие промышленных и транспортных предприятий. Например, на курском и львовском железнодорожных узлах ремонтные работы подвижного состава проводились со значительным отставанием от технических норм. Гитлеровцы не смогли организовать четкую и бесперебойную работу на важнейших железнодорожных объектах из-за частых аварий и актов диверсий. В конечном счете, они вынуждены были заменить многих железнодорожных рабочих немцами, а к оставшимся железнодорожникам из числа местного населения приставили по одному конвоиру на двух работников.

В области сельского хозяйства осуществлялась также политика грабежа. Вскоре после начала войны фашистское руководство объявило, что все пахотные земли, луга, пастбища, равно как имущество колхозов, совхозов и МТС, являются собственностью Германской империи. В целях более полного контроля и учета сельхозпродукции, а также для организации своевременной уборки урожая оккупанты в некоторых случаях оставляли существовавшие колхозы, установив за этими хозяйствами строгий контроль. Были введены непосильные нормы принудительных поставок сельскохозяйственной продукции, денежных налогов и система подневольного, рабского труда. Силой оружия гитлеровцы принуждали крестьян ухаживать за скотом, убирать урожай, возложив на них ответственность за сохранность всей сельскохозяйственной продукции и своевременную сдачу ее заготовительным органам.

Германская печать и руководящие чиновники вынуждены были признать, что сельскохозяйственные работы в оккупированных районах не были обеспечены ни живой тягловой силой, ни тракторами, ни горючим, ни машинами. Была взята установка на проведение всех работ в основном ручным трудом. Одна из немецких газет 21 августа 1942 г. писала: «Босые женщины копали в прошлом году свекловицу, работая под осенним дождем и на морозе, потому что для тракторов не было горючего. Женщины стояли по колени в ледяной воде, замачивая коноплю. В настоящее время на полях тоже будут применяться сотни тысяч серпов, кос, лошадей, коров, но не комбайны и тракторы». Во многих районах Украины поля вскапывались лопатами и засеивались вручную. В селах Куштумовка, Балабино, Царицын Кут Запорожской области, в некоторых районах Курской области и в других местностях из-за полного отсутствия тягловых животных в плуги впрягались мужчины и женщины. В Германии и на некоторых заводах Украины поспешно изготавливались косы, серпы, грабли и другой простейший инвентарь. На Правобережной Украине этим производством были заняты, по сообщениям немецких газет, 28 предприятий, а из Германии было доставлено на Украину около 1 млн серпов³⁴⁸.

Чтобы восполнить убыль рабочей силы в наиболее обезлюдивших оккупированных областях, германские власти отправляли туда крестьян из других местностей. Так, на проведение весенних посевных работ в районе Кировоград — Днепропетровск — Николаев — Херсон были принудительно отправлены 400 тыс. крестьян из Киевского, Житомирского и Волыно-Подольского генеральных округов. За отсутствием транспорта люди должны были идти пешком. Добровольцам была обещана плата и бонусы на приобретение промтоваров, а за «особое прилежание и хорошее поведение» — увеличение приусадебных участков. Повсеместно проводилась мобилизация на сельскохозяйственные работы городских жителей: домашних хозяйств, студентов, школьников, служащих, безработных.

Как мобилизованные, так и местные жители выполняли сельскохозяйственные работы под надзором полиции и немецких управляющих. Последних к лету 1942 г. во всех оккупированных областях насчитывалось 13–16 тыс. человек. Для надзора за проведением уборочных работ выезжали окружные генеральные комиссары и все чиновники их аппарата. На Украине рабочий день в поле продолжался с 5–6 часов утра до 6–7 часов вечера. Для работы на при-

Фашистский террор на Украине

Жертвы нацистского погрома во Львове

Немецкие оккупационные власти Киева объявляют об эвакуации населения

Старик-водонос на Базарной площади оккупированного Смоленска

усадебных участках можно было использовать два дня в неделю, а остальное время каждый должен был работать на земле общинного хозяйства. За невыход на работу в первый раз на работника накладывался штраф 500 рублей, во второй раз виновный отправлялся в лагерь для военнопленных и у него конфисковалось все имущество. Там, где уклонение от работ принимало массовый и организованный характер, применялись также телесные наказания и расстрелы. Между советскими гражданами и немецкими управляющими неоднократно происходили кровавые стычки. По сообщениям немецких газет, «многие сельскохозяйственные руководители погибли на посту»³⁴⁹.

Приказом по группе армий «Юг» от 28 марта 1942 г. устанавливалось завести при постоянных гарнизонах огороды и обрабатывать их силами войсковых частей. Стремясь обеспечить хлебом в первую очередь армию, германские власти поручали уборку урожая в некоторых тыловых районах непосредственно воинским частям. Газета «Дейче Украине цейтунг» от 4 октября 1942 г. поместила очерк, содержащий следующее описание: «Дивизия охраняет большой участок. Везде оборудуются позиции. Нужен каждый человек. Но все же солдаты участвуют в уборке урожая и охраняют его от близкого врага»³⁵⁰. Генерал разъезжает по участку как управляющий имением. Вот идет отряд солдат с косами. На трех солдат имеется одна коса. Сельскохозяйственные орудия встречаются редко. На полях работает гражданское население. «Эти люди, — рассказывает генерал, — временно размещены в ближайших деревнях, население которых нам пришлось полностью выселить за связь с партизанскими отрядами»³⁵¹.

На сельскохозяйственные работы в оккупированные области привлекалась также рабочая сила из-за границы. Из Германии были присланы 30 тыс. членов организации «Гитлеровская молодежь». Они работали в государственных имениях и частично в крестьянских хозяйствах, при этом одновременно осуществляли дополнительный политический надзор за населением, вели пропаганду и проходили практическую подготовку как будущие колонизаторы³⁵².

Контингенты рабочей силы в Литве пополнили 50 тыс. немцев, переселенных в Германию в 1939–1940 гг. и возвращенных обратно после оккупации³⁵³. Кроме того, в апреле 1942 г. в Литву были переселены еще 3 тыс. немецких крестьян.

В Голландии, Дании и Бельгии проводилась вербовка крестьян, желающих переселиться на восток и вести там самостоятельное хозяйство либо работать в качестве управляющих. В этих же странах, а также в Норвегии велась вербовка молодежи на временную сельскохозяйственную работу и для подготовки к постоянной руководящей работе в оккупированных советских районах. По сообщению шведской газеты «Дагенес нюхетер», в Норвегии «вербовка на сельскохозяйственные работы провалилась». Западноевропейские крестьяне явно остерегались связывать свою судьбу с непрочными гитлеровскими завоеваниями³⁵⁴.

Мобилизуя все внутренние трудовые резервы и пытаясь привлечь рабочую силу из-за границы, немецкие власти одновременно вывозили крестьян из оккупированных районов СССР на работу в Германию, еще более усугубляя резкую убыль трудоспособного населения.

Во многих районах хлеб в счет обязательных поставок увозился немцами на свои склады прямо с полей. За утаивание хлеба, несвоевременную сдачу и всякое сопротивление германским солдатам и чиновникам при насильственном изъятии хлеба население подвергалось штрафам, физическим наказаниям, заключению в тюрьму и даже смертной казни. Так, в оккупированных районах Ленинградской области за несвоевременную сдачу хлеба накладывался штраф от 500 до 1000 рублей, а если это не давало результата, виновный подвергался телесному наказанию. В Смоленской области немцы объявили крестьян, уклоняющихся от сдачи хлеба, саботажниками, отбирали у них коров и кур, подвергали крестьян порке и другим физическим наказаниям вплоть до расстрела. В Литве за несвоевременное выполнение обязательных поставок виновные привлекались к военному суду, а торговля зерном была запрещена под страхом смертной казни. На Украине рейхскомиссар Э. Кох объявил, что крестьяне, утаивающие хлеб во время уборки, расхищающие зерно со складов, будут осуждаться особыми немецкими судами на длительное тюремное заключение с конфискацией всего имущества или на казнь, а если сокрытие или хищение хлеба будут зафиксированы несколько раз в одном и том же селе, то наказанию подвергнутся все жители села³⁵⁵.

Регистрация местных жителей в оккупированном Могилёве

Отправка могилевских евреев на принудительные работы

Благовещенский рынок в занятом фашистами Харькове

Советские беженцы у реки Сейм в оккупированном Льгове Курской области

Жители города Ржева в очереди за водой

Солдаты полевой дивизии люфтваффе в одной из русских деревень

Для «защиты урожая» на Украине была создана вооруженная охрана, которая имела право с каждым, кто попытается похитить или испортить зерно либо окажет сопротивление при его изъятии, расправляться как с партизаном, то есть убивать на месте. Сельские старосты, волостные старшины и полицейские активно содействовали оккупантам при реквизициях продовольствия и проведении связанных с этим репрессий. Несмотря на террор, крестьяне во многих районах затягивали сдачу продуктов, прятали зерно и картофель, оказывали в ряде случаев активное сопротивление при реквизициях продовольствия.

Особенно жестокие формы приняли реквизиции в прифронтовой полосе, превращенной немцами в «пустынную зону». Угоняя из этой зоны население, немцы реквизировали весь хлеб, скот, фураж и другие сельскохозяйственные продукты, абсолютно не считаясь с ранее установленными нормами и выполнением обязательных поставок. Реквизиции сопровождались сжиганием дотла целых деревень и массовыми зверскими убийствами. Такому же грабежу и разбою немецкие карательные отряды подвергали сотни деревень в районах действий партизан. Так, в феврале 1943 г. полному разрушению и опустошению подверглись Осиповичский, Березинский, Червенский, Руденский, Слуцкий, Старобинский, Житковичский, Петриковский и другие районы Белоруссии, а также многие районы в других оккупированных областях. Общее количество зерна, вывезенного в 1942 г. только с Украины, по сведениям, опубликованным в США, составляло 1 млн тонн. Такие же данные сообщали немецкие газеты и радиостанции³⁵⁶.

Благодаря постоянной агитации подпольщиков саботаж посевных и уборочных работ, укрытие от оккупантов и распределение между крестьянами урожая стали массовым явлением на оккупированной советской территории. Не выполнялись нормы выработки, затягивались сроки посевов и уборки урожая, что приводило к большим его потерям, занижалась

урожайность, путалась отчетность. Сохранилось немало свидетельств о самоотверженных действиях крестьян-колхозников, которые, стремясь сохранить имущество колхозов, одно за другим срывали мероприятия оккупационных властей. Несмотря на расправы, колхозники саботировали приказы оккупационных властей о сдаче хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, прятали и резали скот. Например, летом 1942 г. звеньевая колхоза «Мировая революция» Старооскольского района Курской области М. Винюкова подожгла колхозное поле, чтобы врагу не достался выращенный урожай зерновых.

За невыполнение трудовой повинности на промышленных предприятиях применялись телесные наказания и даже смертная казнь. Так, в Иванинском районе Курской области за самовольный уход с сахарного завода оккупанты подвесили к столбу 16-летних подростков Г. Дичанского и М. Рыжова. В селе Большие Угоны за невыход на работу были расстреляны рабочие сахарного завода Звягинцев и Дорохов. Трупы казненных каратели подвесили к столбам и прикрепили надписи «За невыход на работу».

Срыв мероприятий оккупантов усиливался по мере активизации деятельности партийного подполья и партизан. Установив связь с патриотами на предприятиях, партизаны и подпольщики указывали им наиболее важные объекты для саботажа и диверсий, учили методам их осуществления, снабжали минно-подрывной техникой.

Планируя войну против Советского Союза, руководители фашистской Германии рассчитывали, что смогут полностью обеспечить свою армию за счет оккупированных территорий. Гитлеровцы намечали использовать местные денежные ресурсы для выплаты жалованья военнослужащих, персонала гражданской администрации, полиции и прочих служб. За счет денежных средств оккупированных территорий предполагалось погашать государственный долг Германии.

Например, выкачиванием денежных средств в генеральном округе «Белоруссия» рейхс-комиссариата «Остланд» руководило германское налоговое управление при генеральном комиссариате. Оккупанты ввели две формы денежного налога: государственный и местный. Государственным налогом облагались государственные и частные предприятия, платившие налог с оборота, прибыли, подоходный налог. Местным налогом облагались все граждане. Количество и величина налогов постоянно росли, а за неуплату местных жителей ссылали на каторжные работы в Германию, сажали в тюрьму и даже казнили.

Кроме налогов фашисты ввели систему денежных штрафов, налагавшихся за малейшее неповиновение оккупационным властям. Обширная система штрафов и налогов была направлена на максимальный отъем денежных средств у населения. Только учтенный оккупантами приток денежных средств за 1942 г. по смете бюджета генерального округа «Белоруссия» составил 100 млн рейхсмарок. Не поддается никакому учету та часть денежных средств, которая попала в руки гитлеровцев путем прямого грабежа советских граждан и так называемой реквизиции³⁵⁷.

Жестокий оккупационный режим, установленный фашистами, грабежи, насилия, издевательства немецких властей и солдат над беззащитными мирными жителями сел и городов оккупированных местностей вызвали у населения не только негодование, но зачастую и противодействие, выражающееся в росте партизанского движения, открытых выступлениях агитаторов за советскую власть и актах, направленных на уничтожение представителей фашистской администрации.

Осуществление гитлеровцами политики геноцида в отношении советских людей началось с первых же дней войны. Расстрелы и массовые экзекуции приобрели колоссальные размеры. Солдаты и офицеры вермахта, каратели оперативных групп СС, пренебрегая международными соглашениями и конвенциями о законах ведения войн, повсеместно совершали чудовищные расправы над гражданским населением и военнопленными.

Многочисленные инструкции и приказы, подготовленные и изданные задолго до возникновения массового партизанского движения, рассылавшиеся из рейха на захваченную территорию под грифом «совершенно секретно», свидетельствуют о том, что немецко-фашистская оккупационная политика, ее цели и направление не сложились стихийно, а были

определены и разработаны заранее. Они вытекали из характера и сущности агрессивной войны, которую развязал германский фашизм.

Фашистский преступник Э. фон Бах-Зелевски, уполномоченный рейхсфюрера СС Г. Гиммлера, начальник штаба по борьбе с партизанами, сделал ряд заявлений на Нюрнбергском процессе, подтверждавших, что борьба с партизанами использовалась фашистами как предлог для массового уничтожения советских людей. Когда его спросили, существовали ли приказы, которые бы разграничивали партизан и мирное население, он ответил, что таких приказов не было, как и пояснений, кого следует считать партизаном. На вопрос советского обвинителя: «Подтверждаете ли Вы, что вся практическая деятельность немецких властей, немецких воинских соединений в борьбе с партизанами была направлена на выполнение этой директивы сократить число славян на 30 млн человек?», Э. фон Бах-Зелевски ответил: «Я считаю, что эти методы действительно привели бы к истреблению 30 млн, если бы их продолжали применять и если бы ситуация не изменилась в результате развития событий»³⁵⁸.

Уничтожение мирного населения во время карательных операций под видом борьбы с партизанами велось гитлеровцами с одной определенной целью — осуществить, используя любые меры, запланированное еще до начала войны истребление советских людей. Многие тысячи советских граждан были замучены и уничтожены в тюрьмах. Фашисты жестоко пытали и убивали тех, кто восставал против «нового порядка». Тюремь были постоянно переполнены. Акции по ликвидации заключенных гитлеровцы прикрывали термином «очистка тюрьмы». В начале 1942 г. гитлеровцы начали применять для массового уничтожения людей специальные автомашины — газенвагены, то есть душегубки.

Оккупанты осуществляли на оккупированной советской территории и варварский нацистский декрет об эвтаназии — умерщвлении душевно и неизлечимо больных. Под его действие подпадал широкий круг людей: старики, дети, душевнобольные. Так, 18 сентября 1941 г. фашисты учинили зверскую расправу над больными психиатрической больницы «Новинки» в Минске: 120 больных отравили газом в помещении бани, а 5 ноября расстреляли еще 300 больных.

Нацистский террор не минул и советских детей. Их уничтожали как социально-биологическую основу нашего народа. Детей принуждали к непосильному труду, морили голодом, заключали в концентрационные лагеря, вывозили на каторжные работы в Германию. Невероятно тяжелым оказалось положение сирот в детских домах на оккупированной территории. Ни военные, ни гражданские власти не были заинтересованы в поддержании их жизни: дети пухли от голода, умирали от болезни и холода. С изуверской жестокостью уничтожались дети, содержащиеся в концентрационных лагерях. Только в одном концлагере в Барановичах фашисты убили 5200 детей³⁵⁹.

Массовым явлением в годы войны был угон советских людей с оккупированных врагом территорий на работы в Третий рейх, ставший основным способом «вербовки» рабочей силы. С этой целью на оккупированной территории проводились облавы: полицейские подразделения с собаками перекрывали выходы из городов и других населенных пунктов, оцепляли улицы, базары, вокзалы и пойманных увозили в грузовиках, чтобы готовить их для отправки в Германию. Улицы городов и сел пустели, так как люди, опасаясь попасть в облаву, не выходили из дому. А накануне прихода советских войск гитлеровцы методами угроз и насилия заставляли людей в массовом порядке «эвакуироваться».

Таким образом, фактически речь шла о депортации миллионов советских людей, проживавших на оккупированной территории. В ряде населенных пунктов почти не оставалось жителей. Например, Новороссийск из-за массового угона населения в Германию к осени 1943 г. почти обезлюдел³⁶⁰. О том, что пережили люди в связи с подобными акциями, свидетельствует писатель А. Левада: «В Донбассе трудно найти семью, из которой не был бы взят кто-либо в немецкое рабство. В Ворошиловграде, как и во всех городах и селах области, это то, что наиболее потрясло людей... Моя бывшая квартирная хозяйка З. Я. Ковалевская рассказывала об этом так: «Вы видели когда-нибудь, как ловят петлями на базаре и тащат в будку собак? Так ловили немцы нас. Это была настоящая чудовищная охота на людей, охота со стрельбой и улюлюканьем»³⁶¹.

Большая часть советского гражданского населения, угнанного врагом с оккупированных территорий за пределы СССР, находилась в Третьем рейхе на положении «восточных рабочих», еще часть — в других европейских странах, подвластных и союзных Германии. Дискриминация, в том числе в оплате труда и нормах питания, и унижение человеческого достоинства стали реалиями жизни. По немецким инструкциям, «восточных рабочих» следовало строжайше изолировать и от немецкого населения, и от других иностранных рабочих, и от собственных земляков-военнопленных. Содержать «восточных рабочих» надлежало по возможности в огороженных и охраняемых рабочих лагерях. Использовать на производстве их разрешалось не индивидуально, что затрудняло контроль, а преимущественно рабочими колоннами. Лишь в сельском хозяйстве, и то не сразу, их дозволялось использование поодиночке, что было вынужденной мерой. Те «восточные рабочие», которые трудились в сельском хозяйстве, не имели права проживать в одном помещении со своими хозяевами — немцами. Обязательным для всех «восточных рабочих» было ношение хорошо видимого нагрудного знака OST.

С течением времени в положении «восточных рабочих» появились некоторые послабления: в ряде трудовых лагерей была снята колючая проволока, упрощена и облегчена практика выдачи увольнительных на выходные дни, но запрет посещать кинотеатры и рестораны оставался в силе. Определенное количество «восточных рабочих» (не менее 100 тыс. человек, как правило, завербовавшихся в Германию добровольно) согласились поступить на службу в немецкую армию и коллаборационистские формирования. Около 200 тыс. человек умерли за границей³⁶², порядка 150 тыс. больных и искалеченных «восточных рабочих» (включая беременных женщин) немцы возвратили в 1942–1943 гг. на оккупированную территорию СССР³⁶³.

Многие немцы постепенно в ходе войны меняли свои прежние представления об оstarбайтерах. Дело в том, что до начала войны с СССР в германском общественном сознании, воспитанном на идее расового превосходства арийцев, господствовало представление о советском народе как о «диких азиатах», «необразованной массе». Однако знакомство с советскими людьми, прибывшими в Германию в качестве военнопленных или рабочих, вольно или невольно приводило к изменению этих представлений. Многих немцев удивлял тот факт, что почти все русские были грамотны, владели рабочими профессиями и инженерно-техническими навыками, некоторые знали иностранные языки и умели музицировать.

Общее количество советских граждан, оказавшихся вследствие войны за пределами СССР, составляло около 6,8 млн человек: 3,3 млн пленных и 3,5 млн гражданского населения, угнанного на работы³⁶⁴. Из них к концу войны выжили около 5 млн человек: 1,7 млн военнопленных и 3,3 млн гражданских лиц.

В принятых в конце войны советскими властями решениях по репатриации советских граждан все перемещенные с территории СССР лица были причислены к категории «на-сильно угнанных». Дело в том что «эвакуация» немцами местного населения накануне прихода советских войск, как и «вербовка» рабочей силы в Германи почти всегда происходили в принудительном порядке, под угрозой применения силы в отношении уклоняющихся. В октябре 1942 г. немецкий комендант Чернигова издал приказ, который гласил: «Объявляется к неуклонному исполнению населения города Чернигова: все девушки и бездетные женщины в возрасте от 16 до 45 лет, которые проживают в г. Чернигове, должны явиться к месту вербовки рабочих в Германию (г. Чернигов — шерстяная фабрика, возле вокзала) с 9 до 12 и с 14 до 16 часов с 19 по 23 октября 1942 г. для немедленного отъезда в Германию. За невыполнение этого распоряжения, вступившего в силу немедленно, — расстрел»³⁶⁵.

Вместе с тем десятки тысяч преимущественно молодых людей, поддавшись на агитацию оккупантов о ждущей их в Третьем рейхе «красивой жизни», добровольно выехали на работу в Германию, причем впоследствии многие из них раскаивались в своем поступке. Массовым же явлением стало уклонение населения от отправки в нацистскую Германию, что само по себе являлось одной из форм сопротивления оккупационному режиму. Поэтому насильственный угон под страхом наказания в «немецкое рабство» стал основным способом «вербовки» рабочей силы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Луков Г. Д. Психология (Очерки по вопросам обучения и воспитания советских воинов). М., 1960. С. 43–44.
- ² Момыш-Улы Б. Психология войны. Алма-Ата, 1990. С. 39–40.
- ³ Павлов И. П. Полн. собр. соч. В 6-ти т. Т. III. Кн. 2. М., 1951. С. 209.
- ⁴ Коробейников М. П. Современный бой и проблемы психологии. М., 1972. С. 162.
- ⁵ Гуськов С. Если останусь жив... М., 1989. С. 216.
- ⁶ Там же. С. 109.
- ⁷ Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. С. 264–266.
- ⁸ Военная психология и педагогика. М., 1998. С. 316.
- ⁹ Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. М., 1990. С. 423–424.
- ¹⁰ Гудкова Г. Будут жить! М., 1986. С. 181.
- ¹¹ Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 1. С. 76.
- ¹² Комсомольская правда. 1994. 14 декабря.
- ¹³ Абдулин М. Страницы солдатского дневника. М., 1990. 2-е изд. С. 59, 61.
- ¹⁴ Закруткин В. Кавказские записки. 1941–1944. Симферополь, 1950. С. 242.
- ¹⁵ В годы войны. Статьи и очерки. М., 1985. С. 212–218.
- ¹⁶ Цит. по: Кринко Е. Ф. Пространство и время в воспоминаниях и письмах участников Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. X. М., Магнитогорск, 2010. С. 460.
- ¹⁷ Мирский М. Б. Обязаны жизнью. М., 1991. С. 155.
- ¹⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). М., 1997. С. 95–102, 148–150, 163–165.
- ¹⁹ Там же. С. 380–381.
- ²⁰ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92.
- ²¹ Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 23.
- ²² Приказ НКО СССР от 25 августа 1941 г.; Постановление ГКО СССР от 11 мая 1942 г.; Приказ НКО СССР от 12 мая 1942 г.; Постановление ГКО СССР от 6 июня 1942 г.; Приказ НКО СССР от 12 июня 1942 г.; Постановление ГКО СССР от 12 ноября 1942 г.; Приказ НКО СССР от 13 ноября 1942 г.; Постановление ГКО СССР от 30 апреля 1943 г.; Приказ НКО СССР от 2 мая 1943 г. (См.: Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). С. 73, 228, 252–253, 365–366; Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. Т. 13(2-3). С. 145).
- ²³ Кривель А. М. Это было на Хингане. М., 1985. С. 125.
- ²⁴ Тажидинова И. Г. Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Вып. X. С. 495.
- ²⁵ См.: Алексиевич С. У войны — не женское лицо. Минск, 1985. С. 101.
- ²⁶ Тажидинова И. Г. Указ. соч. С. 496.
- ²⁷ Песков В. Война и люди. М., 1979. С. 164.
- ²⁸ Наиболее известным является вариант этой песни из повести В. Курочкина «На войне как на войне». Несколько других версий опубликовано в книге: Незабываемые годы. Русский песенный фольклор Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 74–76.

²⁹ *Самойлов Д.* Указ. соч. С. 69.

³⁰ Так, в Центральном музее Вооруженных сил в Москве (ЦМВС РФ. 4/67082/3080/1–2) хранятся предсмертные письма старшего лейтенанта Александра Набоки к матери и жене. В сборнике «Говорят погибшие герои» (М., 1986. С. 333–334) эти же письма — к матери и невесте — подписаны именем красноармейца Олега Нечитовского. Письма О. Нечитовского были опубликованы после его гибели в газете «Комсомольская правда» 6 августа 1944 г., то есть на несколько месяцев раньше, чем погиб А. Набока. Факт удивительный, но закономерный. И можно ли считать заимствованные слова «чужими» для человека, который пал смертью храбрых, как и их автор, и своей судьбой подтвердил и это письмо, и эти слова?

³¹ *Самойлов Д.* Указ. соч. С. 70.

³² *Борисов А.* Встреча с погибшим другом. М., 1987. С. 126.

³³ *Кондратьев В.* Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. № 7. С. 117.

³⁴ *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 301–302.

³⁵ См.: *Песков В.* Указ. соч. С. 154.

³⁶ *Бордюгов Г. А.* Великая Отечественная: подвиг и обманутые надежды // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. М., 1991. С. 271.

³⁷ *Песков В.* Указ. соч. С. 117.

³⁸ *Самойлов Д.* Указ. соч. С. 66–67.

³⁹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. исследование. М., 1993. С. 315.

⁴⁰ *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. С. 260.

⁴¹ Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма. М., 1985. Вып. 2. С. 124.

⁴² *Симонов К.* Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1975. С. 94.

⁴³ *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. С. 212–213.

⁴⁴ *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 163–164.

⁴⁵ *Самойлов Д.* Указ. соч. С. 57–58.

⁴⁶ *Сармакешев В. Н.* А мы такие молодые. М., 1988. С. 122.

⁴⁷ *Кривель А. М.* Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989. С. 137–138.

⁴⁸ *Овчинникова Л.* Колокол на Долгом лугу. М., 1989. С. 39.

⁴⁹ *Ворков С. С.* Морская гвардия. О гвардейских кораблях и частях Краснознаменной Балтики. Л., 1990. С. 64–65.

⁵⁰ *Гудкова Г.* Указ. соч. С. 179–180.

⁵¹ *Мурманцева В. С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974. С. 119.

⁵² Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938 — июль 1956 г. М., 1956. С. 177–181.

⁵³ См.: Женщины Страны Советов. Краткий исторический очерк. М., 1977. С. 192.

⁵⁴ Женская военная судьба. Фотоальбом. М., 1995. С. 5; Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 269–270; Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 3. М., 1995. С. 179–180.

⁵⁵ *Иванова Ю. Н.* Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М., 2002. С. 170.

⁵⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 73. Л. 143.

⁵⁷ См.: *Мурманцева В. С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1987. С. 9.

⁵⁸ *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 150–151.

⁵⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 76. Л. 56–57.

⁶⁰ *Мурманцева В. С.* Женщины в солдатских шинелях. М., 1971. С. 103.

⁶¹ *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 143.

⁶² Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 269–270; Военная энциклопедия. Т. 3. С. 179–180.

⁶³ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). С. 111–113.

⁶⁴ *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 143–148.

⁶⁵ Там же. С. 145, 150.

⁶⁶ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 213–215.

- ⁶⁷ *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 151–153.
- ⁶⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). С. 222–223.
- ⁶⁹ *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 151.
- ⁷⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 70. Л. 117–121; Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). С. 212–213.
- ⁷¹ *Еремин В. Г., Исаков П. Ф.* Молодежь в годы Великой Отечественной войны. М., 1984. С. 117.
- ⁷² *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 157.
- ⁷³ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). С. 229–230.
- ⁷⁴ Там же. Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21(10). М., 1996. С. 126–127.
- ⁷⁵ *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 162.
- ⁷⁶ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). С. 230, 233.
- ⁷⁷ *Ерёменко А. И.* Сталинград. М., 1961. С. 293–294.
- ⁷⁸ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 269–270; Военная энциклопедия. Т. 3. С. 179–180.
- ⁷⁹ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 214; Эта же цифра приводится в первом издании. См.: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. исследование. С. 329.
- ⁸⁰ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 229.
- ⁸¹ *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 101.
- ⁸² ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 46. Л. 84.
- ⁸³ *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 58.
- ⁸⁴ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). С. 285.
- ⁸⁵ Там же. Приказы народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. Т. 13(2-3). С. 115.
- ⁸⁶ *Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945 гг.). Ростов н/Д., 2013. С. 154.
- ⁸⁷ Указания по организации гинекологической лечебно-профилактической помощи женщинам, служащим в Красной Армии. М., 1943; ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 22. Д. 3. Л. 3.
- ⁸⁸ См.: *Жордания Иосиф Федорович // Связь времен. Акушеры-гинекологи России за три столетия. Биографический справочник.* СПб., 2010.
- ⁸⁹ Военно-медицинский журнал. 1946. № 3. С. 16.
- ⁹⁰ Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 15.
- ⁹¹ См.: *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 242.
- ⁹² РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105.
- ⁹³ *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 241.
- ⁹⁴ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. Т. 13(2-3). С. 317–318.
- ⁹⁵ Там же. С. 304.
- ⁹⁶ *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 61–62.
- ⁹⁷ *Самойлов Д.* Указ. соч. С. 77.
- ⁹⁸ *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 176–177.
- ⁹⁹ *Симонов К.* Разные дни войны. Дневник писателя. С. 225–226.
- ¹⁰⁰ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 58.
- ¹⁰¹ Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма. С. 98.
- ¹⁰² Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 269–270; Военная энциклопедия. Т. 3. С. 179–180; Кавалеры ордена Славы трех степеней: Краткий биографический словарь. М., 2000.
- ¹⁰³ Уточненные данные по награждениям см.: *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 172, 247–255.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 172.

- ¹⁰⁵ См.: *Магид А.* Солдаты в рабочих ватниках: Страницы из дневника. М., 1969. С. 13; *Бирюкова С. Б.* Материально-бытовое обслуживание эвакуированных рабочих, служащих, ИТР в годы Великой Отечественной войны (на материалах республик Мордовия, Чувашия, Марий Эл). Саранск, 1996. С. 9–11.
- ¹⁰⁶ Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Сб. документов. Новосибирск, 1964. С. 60; Томская городская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов. Томск, 1962. С. 136.
- ¹⁰⁷ *Юрьева В. А.* Спасение населения в ходе эвакуации в годы Великой Отечественной войны. М., 1995. С. 16.
- ¹⁰⁸ Государственный архив Мурманской области (далее — ГАМО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 385. Л. 75–79; Ф. Р-808. Оп. 1. Д. 96. Л. 353–354.
- ¹⁰⁹ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 497; *Бирюкова С. Б.* Указ. соч. С. 6–7, 10; *Потемкина М. Н.* К вопросу об определении понятия «эвакуированное население периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)». Челябинск, 1992. С. 12–13.
- ¹¹⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 794. Л. 5–5 об.; *Араловец Н. А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009. С. 116–125.
- ¹¹¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 553. Л. 2–3; Д. 794. Л. 5–6 об.; Д. 795. Л. 5–151; Д. 1014. Л. 1; Д. 1456. Л. 9; Д. 1673. Л. 79.
- ¹¹² Законодательство о браке, семье и опеке. М., 1947. С. 45–48.
- ¹¹³ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. М., 2001. С. 247; Население России в XX веке. Ист. очерки. В 3-х т. Т. 2. М., 2001. С. 33.
- ¹¹⁴ *Жиромская В. Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012. С. 131–132.
- ¹¹⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 553. Л. 2–6; Д. 794. Л. 5–6 об.; Д. 1014. Л. 1; Д. 1456. Л. 9.
- ¹¹⁶ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1967. В 2-х т. Т. 2. М., 1968. С. 409.
- ¹¹⁷ История Москвы с древнейших времен до наших дней. В 3-х т. Т. 3. XX век. М., 2000. С. 226.
- ¹¹⁸ Москва прифронтовая, 1941–1942: архивные документы и материалы. М., 2001. С. 12–14.
- ¹¹⁹ Там же. С. 40–43.
- ¹²⁰ *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945): Цифры, документы. М., 2002. С. 503–504.
- ¹²¹ Москва — фронту. 1941–1945. Сб. документов и материалов. М., 1966. С. 18–81; Провал гитлеровского наступления на Москву: 25 лет разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. 1941–1966. М., 1966. С. 61; Война. Народ. Победа. 1941–1945. М., 1976. Кн. 1. С. 75–76.
- ¹²² Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 345.
- ¹²³ Москва — фронту. 1941–1945. Сб. документов и материалов. С. 49, 75.
- ¹²⁴ *Маляров В. Н.* Строительный фронт в годы Великой Отечественной войны. Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941–1945 гг. СПб., 2000. С. 149.
- ¹²⁵ Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы. М., 2001. С. 23.
- ¹²⁶ *Киселев А. С., Пономарев А. Н.* Быт военной Москвы // Этот противоречивый XX век. М., 2001. С. 194–195.
- ¹²⁷ История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 3. С. 214–215; Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы. С. 356, 358.
- ¹²⁸ История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 3. С. 214–215.
- ¹²⁹ Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы. С. 364–366, 372–374.
- ¹³⁰ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. / Пер. с нем. В 3-х т. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 101.
- ¹³¹ «Совершенно секретно! Только для командования!» Сб. документов. М., 1967. С. 261.
- ¹³² Ленинград в осаде. Сб. документов. СПб., 1995. С. 31, 579.
- ¹³³ «Совершенно секретно! Только для командования!» Сб. документов. С. 269.
- ¹³⁴ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 281.

- ¹³⁵ Ковальчук В. М. 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. СПб., 2005. С. 26.
- ¹³⁶ Там же. С. 27.
- ¹³⁷ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 98.
- ¹³⁸ 900 героических дней. Сб. документов и материалов. М., Л., 1966. С. 106.
- ¹³⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 212.
- ¹⁴⁰ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М., СПб., 2005. С. 34–35.
- ¹⁴¹ На защите Невской твердыни: Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Л., 1965. С. 208; Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Л., 1968. Ч. 2. С. 588–589.
- ¹⁴² Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М., 1959. С. 124.
- ¹⁴³ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. В 2-х т. Т. 1. М., 1954. С. 783.
- ¹⁴⁴ Павлов Д. В. Ленинград в блокаде (1941 год). М., 1961. С. 57, 60; Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. М., СПб., 2002. Кн. 2. С. 34.
- ¹⁴⁵ Жданов Н. Н. Огневой щит Ленинграда. М., 1965. С. 56.
- ¹⁴⁶ 900 героических дней. Сб. документов и материалов. С. 143.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 139.
- ¹⁴⁸ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сб. документов и материалов. В 2-х т. Т. 1. Л., 1944. С. 119.
- ¹⁴⁹ Блокада рассекреченная. СПб., 1995. С. 164.
- ¹⁵⁰ Демидов В. И. Снаряды для фронта. Л., 1985. С. 89.
- ¹⁵¹ Манаков Н. А. Экономика Ленинграда в годы блокады // Вопросы истории. 1967. № 5. С. 22; Дзенискевич А. Р. Военная пятилетка рабочих Ленинграда. 1941–1945. Л., 1972. С. 64.
- ¹⁵² Карасев А. В. Указ. соч. С. 158.
- ¹⁵³ Дзенискевич А. Р. Указ. соч. С. 65.
- ¹⁵⁴ Байков В. Память блокадного подростка. Л., 1989. С. 39–40.
- ¹⁵⁵ Блокада рассекреченная. С. 200.
- ¹⁵⁶ Карасев А. В. Указ. соч. С. 139.
- ¹⁵⁷ Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 372–373.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 374.
- ¹⁵⁹ На защите Невской твердыни: Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. С. 234–235, 240.
- ¹⁶⁰ Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 572.
- ¹⁶¹ См.: Сражались, работали, учились. Вузы Ленинграда в годы войны и блокады. СПб., 1994. С. 44–75.
- ¹⁶² Очерки истории Ленинграда. В 6-ти т. Т. 5. Л., 1967. С. 554.
- ¹⁶³ 900 героических дней. Сб. документов и материалов. С. 361–362.
- ¹⁶⁴ Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 374.
- ¹⁶⁵ Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинграде. Л., 1947. С. 37.
- ¹⁶⁶ Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 322.
- ¹⁶⁷ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 64.
- ¹⁶⁸ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая земля. Л., 1975. С. 94.
- ¹⁶⁹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 195–196.
- ¹⁷⁰ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая земля. С. 106.
- ¹⁷¹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 663.
- ¹⁷² Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 195.
- ¹⁷³ Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. М., Л., 1966. С. 62.
- ¹⁷⁴ Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. С. 220.
- ¹⁷⁵ Демидов В. И. Указ. соч. С. 121–122.
- ¹⁷⁶ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 109.
- ¹⁷⁷ Сувениров О. Ф. Помощь Ленинграда фронту людьми в первую блокадную зиму // Вторая мировая война. Мат. науч. конференции. М., 1966. Кн. 2. С. 162.

- ¹⁷⁸ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 1. С. 129.
- ¹⁷⁹ Демидов В. И. Указ. соч. С. 127.
- ¹⁸⁰ Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 216.
- ¹⁸¹ Худякова Н. Д. Вся страна с Ленинградом (1941–1943 гг.). Л., 1960. С. 58–59.
- ¹⁸² Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С. 63–65.
- ¹⁸³ Битва за жизнь. Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала блокады Ленинграда. СПб., 2006. С. 58–59.
- ¹⁸⁴ Музей обороны Ленинграда. М., Л., 1948. С. 44.
- ¹⁸⁵ 900 героических дней. Сб. документов и материалов. С. 300–301.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 239.
- ¹⁸⁷ Демидов В. И. Указ. соч. С. 128.
- ¹⁸⁸ Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. В 2-х т. Т. 2. М., 1948. С. 49.
- ¹⁸⁹ Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 — май 1942. СПб., 2013. С. 279.
- ¹⁹⁰ Блокада рассекреченная. С. 209.
- ¹⁹¹ Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С. 65–71.
- ¹⁹² Мазаева С. В., Тервонен Л. И. Блокадные дети. М., 2011. С. 219–220.
- ¹⁹³ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая земля. С. 135–136.
- ¹⁹⁴ Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014. С. 297.
- ¹⁹⁵ Буров А. В. Блокада день за днем. Л., 1979. С. 115.
- ¹⁹⁶ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. Л., 1984. С. 117–119.
- ¹⁹⁷ Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. СПб., 2001. С. 16.
- ¹⁹⁸ Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 298.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 226–227.
- ²⁰⁰ Болдырев А. Н. Осадная запись (блокадный дневник). СПб., 1998. С. 55.
- ²⁰¹ Ленинград в борьбе месяц за месяцем 1941–1944. СПб., 1994. С. 101–102.
- ²⁰² Жизнь и быт блокированного Ленинграда. СПб., 2010. С. 90.
- ²⁰³ Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 151.
- ²⁰⁴ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая земля. С. 178.
- ²⁰⁵ Ленинград в Великой Отечественной войне. Л., 1967. С. 608.
- ²⁰⁶ Ленинградская правда. 1942. 26 марта.
- ²⁰⁷ Манаков Н. А. В кольце блокады. Л., 1961. С. 144–145.
- ²⁰⁸ Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 391.
- ²⁰⁹ Ломагин Н. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2000. С. 266.
- ²¹⁰ Там же. С. 266.
- ²¹¹ Карасев А. В. Указ. соч. С. 229.
- ²¹² Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 — май 1942. С. 580–581.
- ²¹³ Баранов Н. В. Архитектура и строительство Ленинграда. Л., 1948. С. 50.
- ²¹⁴ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая земля. С. 182.
- ²¹⁵ Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 301–305.
- ²¹⁶ Манаков Н. А. В кольце блокады. С. 115.
- ²¹⁷ Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 251.
- ²¹⁸ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая земля. С. 285.
- ²¹⁹ Буров А. В. Указ. соч. С. 182.
- ²²⁰ Лисочкин И. Счастливые дни // Санкт-Петербургские ведомости. 2010. 7 мая.
- ²²¹ Ковальчук В. М. 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. С. 164.
- ²²² Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 167–169.
- ²²³ Операция «Искра». Л., 1973. С. 72.

- ²²⁴ Ковальчук В. М. 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. С. 182.
- ²²⁵ Там же. С. 183.
- ²²⁶ Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 256–258.
- ²²⁷ Непокоренный Ленинград. Л., 1985. С. 200.
- ²²⁸ Володарский Л. Восстановление и развитие промышленности Ленинграда // Плановое хозяйство. 1945. № 5. С. 66.
- ²²⁹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 716.
- ²³⁰ Подсчитано по: Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14-ти т. Т. 14. М., 2005. С. 10; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1019-а. Л. 27.
- ²³¹ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 324–325.
- ²³² Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 720. Л. 18–33; Д. 1248. Л. 86; Д. 1566. Л. 1.
- ²³³ Страна Советов за 50 лет. Статистический сборник. М., 1967. С. 125.
- ²³⁴ История крестьянства СССР. В 5-ти т. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 гг. М., 1987. С. 357; Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. С. 86–87.
- ²³⁵ Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 340.
- ²³⁶ Там же. С. 341.
- ²³⁷ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 1248. Л. 90.
- ²³⁸ Кознова И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000. С. 123.
- ²³⁹ Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 349; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 1225. Л. 63–64, 66.
- ²⁴⁰ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 1227. Л. 69, 71–72.
- ²⁴¹ Подсчитано по: Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. Сб. документов. М., 2003. С. 226–228.
- ²⁴² Бердинских В. Народ на войне. Вятка, 1996. С. 141.
- ²⁴³ Там же. С. 77; Анисков В. Т. Война и судьбы российского крестьянства. Вологда, Ярославль, 1998. С. 113; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 1227. Л. 1–16.
- ²⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 153. Л. 6.
- ²⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 32. Д. 108. Л. 8.
- ²⁴⁶ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 197–198.
- ²⁴⁷ Бердинских В. Указ. соч. С. 141; Кознова И. Е. Указ. соч. С. 35; Михайлова М. Что было у нас на столе в войну // Крестьянин. 2000. № 18; Зинич М. Будни военного лихолетья. 1941–1945. Вып. 2. М., 1994. С. 25.
- ²⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 231. Л. 7, 31; Ф. 17. Оп. 123. Д. 259. Л. 22–23, 27, 40.
- ²⁴⁹ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 758. Л. 244–246.
- ²⁵⁰ История крестьянства СССР. Т. 3. С. 250, 252.
- ²⁵¹ Правда. 1941. 1 августа.
- ²⁵² История крестьянства СССР. С. 250.
- ²⁵³ Там же. С. 261; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 138. Л. 10 об.; Д. 223. Л. 16, 28.
- ²⁵⁴ Максакова Л. В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. С. 259; Летопись Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Жители села Ракиты в годы войны: на фронте и в тылу. Рубцовск, 2012. С. 74–75.
- ²⁵⁵ Учительская газета. 1943. 13 и 22 января; 3 и 10 февраля.
- ²⁵⁶ Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 342; Сельское хозяйство Сибири в XX веке: Проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. С. 110.
- ²⁵⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. 16 июля.
- ²⁵⁸ Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 14.
- ²⁵⁹ Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв. СПб., 2012. С. 262.
- ²⁶⁰ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 720. Л. 32; Д. 1227. Л. 11–17.
- ²⁶¹ Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв. С. 117–118; Опыт историко-социологического изучения села Молдино. М., 1968. С. 252.

- ²⁶² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 720. Л. 32; Д. 1227. Л. 13.
- ²⁶³ Летопись Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Жители села Ракиты в годы войны: на фронте и в тылу. С. 72.
- ²⁶⁴ Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР, 1945. № 2. Ст. 10.
- ²⁶⁵ Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 564. Л. 2, 3 об.; Оп. 329. Д. 1452. Л. 1117; Население России в XX веке. Ист. очерки. Т. 2. С. 82.
- ²⁶⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 105. Л. 2; Д. 1452. Л. 103.
- ²⁶⁷ Гигиена и санитария. 1947. № 2. С. 33; Население России в XX веке. Ист. очерки. Т. 2. С. 91–93.
- ²⁶⁸ Население России в XX веке. Ист. очерки. Т. 2. С. 96.
- ²⁶⁹ См.: *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993. С. 66; *Исупов В. А.* Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 95.
- ²⁷⁰ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 66. Л. 52; Население России в XX веке. Ист. очерки. Т. 2. С. 98–99.
- ²⁷¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 546. Л. 15; Д. 797. Л. 13; Д. 1014. Л. 1; Д. 1456. Л. 9; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 355. Л. 25; Население России в XX веке. Ист. очерки. Т. 2. С. 100–102.
- ²⁷² Там же.
- ²⁷³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 2. Л. 1–3.
- ²⁷⁴ Там же. Л. 6.
- ²⁷⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 277. Л. 58.
- ²⁷⁶ Там же. Оп. 4с. Д. 2. Л. 18, 20, 23.
- ²⁷⁷ Там же. Л. 19, 24–25.
- ²⁷⁸ См.: *Кондакова Н. И.* Война, государство, общество. 1941–1945. М., 2002. С. 253–255.
- ²⁷⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 1. Л. 124а–124б.
- ²⁸⁰ Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. С. 240.
- ²⁸¹ См.: *Жангуттина Б. О.* Эвакуация советского населения в Казахстан (1941–1942) // Новый исторический вестник. 2006. № 14.
- ²⁸² РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 47. Д. 25. Л. 125.
- ²⁸³ Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Минск, 1967. Ч. 2. С. 307.
- ²⁸⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 7. Д. 24. Л. 172.
- ²⁸⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 560.
- ²⁸⁶ *Куманев Г. А.* Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 61.
- ²⁸⁷ *Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И.* Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны. Л., 1985. С. 24.
- ²⁸⁸ См.: *Нечаева А. М.* Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М., 2000. С. 130–134; *Синицын А. М.* Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 21.
- ²⁸⁹ *Суворова В. В.* Как мы перестроили работу детского сада на военный лад // Дошкольные учреждения в дни Отечественной войны. Сборник статей и материалов в помощь дошкольному работнику. Козьмодемьянск, 1942. С. 26.
- ²⁹⁰ К женщинам всего мира: Материалы митинга в защиту детей от фашистского варварства. М., 1942. С. 15.
- ²⁹¹ *Андреева Н. Г., Игнатьева О. В.* Эвакуированные дети в Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2007. С. 474.
- ²⁹² *Александрова Г. И., Макарова Т. И.* Вклад колхозного крестьянства во всенародную помощь осиротевшим детям в годы Великой Отечественной войны (По материалам Калининской, Костромской и Ярославской области). Калинин, 1987. С. 3–4.
- ²⁹³ *Свердлов Г. М.* Война и правовая охрана детей в СССР. Ташкент, 1943. С. 45–46.
- ²⁹⁴ *Аверьянова М. Г.* Край Раменский, век XX. Очерки краеведа. М., 1998. С. 161.
- ²⁹⁵ Цит. по: *Заозерских Е. В.* Боевые задачи работников дошкольного учреждения в дни Отечественной войны // Дошкольные учреждения в дни Отечественной войны. Сборник статей и материалов в помощь дошкольному работнику. С. 6.

²⁹⁶ *Русанова О.* Дети народа. М., 1948. С. 28; *Кобыш И. П.* Из дневника директора 114-й средней школы Выборгского района г. Ленинграда // Советская педагогика. 1943. № 1. С. 59–63; *Котов С. Д.* Детские дома блокадного Ленинграда. СПб., 2002. С. 20, 97, 178.

²⁹⁷ Цит. по: *Андреева Н. Г., Игнатьева О. В.* Указ. соч. С. 476–477.

²⁹⁸ Борьба партии за укрепление социально-политического единства советского общества. Петро-заводск, 1981. С. 93.

²⁹⁹ Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 801–803.

³⁰⁰ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 4с. Д. 66. Л. 64.

³⁰¹ Там же. Л. 15.

³⁰² Там же. Д. 12. Л. 3.

³⁰³ *Саидова Г. Ш.* Жизнь эвакуированных детей в Узбекистане в годы Второй мировой войны // Молодой ученый. 2013. № 12. С. 757–760.

³⁰⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 12. Л. 16.

³⁰⁵ Там же. Л. 42.

³⁰⁶ Там же. Д. 40. Л. 24.

³⁰⁷ Там же. Д. 39. Л. 3, 6.

³⁰⁸ Там же. Оп. 4с. Д. 38. Л. 6–8.

³⁰⁹ Там же. Д. 93. Л. 59.

³¹⁰ Там же. Л. 90–91.

³¹¹ Там же. Д. 17. Л. 7.

³¹² Там же. Л. 8.

³¹³ Там же. Д. 30. Л. 59.

³¹⁴ Там же. Л. 60.

³¹⁵ Там же. Д. 66. Л. 52.

³¹⁶ Там же. Оп. 7. Д. 69. Л. 37.

³¹⁷ Там же. Оп. 4с. Д. 17. Л. 13–14.

³¹⁸ Там же. Оп. 4с. Д. 37. Л. 118.

³¹⁹ Там же. Д. 56. Л. 31.

³²⁰ Там же. Л. 32.

³²¹ См.: *Гельфман П. И.* Забота советской общественности о детях // Из опыта работы попечительских советов детских домов. М., 1961. С. 28–29; *Рихтер З.* У нас нет сирот. М., 1942. С. 6–8; *Русанова О.* Указ. соч. С. 22; Детям фронтовиков — наша забота и любовь // Правда. 1942. 29 сентября; *Александрова Г. И., Макарова Т. И.* Указ. соч. С. 9–13.

³²² См.: *Синицын А. М.* Указ. соч. С. 26–27.

³²³ См.: *Нечена В. Г.* Деятельность местных органов в социальной сфере в годы Великой Отечественной войны (на материалах Европейского Севера) // Социальная работа в России: прошлое и настоящее. Сб. статей и материалов. М., Ставрополь, 1998. С. 230; *Синицын А. М.* Указ. соч. С. 26–27.

³²⁴ *Плешевеня В.* Деревенька моя... // Правда. 1987. 20 августа. С. 2; *Александрова Г. И., Макарова Т. И.* Указ. соч. С. 9.

³²⁵ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1941–1961 гг. М., 1988. С. 15.

³²⁶ Всего за годы войны супруги Гаврилыны усыновили четверых детей от двух до 12 лет (их старший сын, боец Красной армии Евгений, был усыновлен еще до войны, в 1937 г.). Сестры Ольги Федосьевны — Вера и Анастасия усыновили двух девочек шести лет (*Шановалова А.* Люди с большим сердцем // Огонек. 1946. № 5. С. 14–15).

³²⁷ См.: *Котов С. Д.* Указ. соч. С. 18–19, 31–37; *Раскин Л. Е.* Это было в Ленинграде... // Народное образование. 1965. № 5. С. 22.

³²⁸ См.: *Русанова О.* Указ. соч. С. 7–9, 38–39; *Гельфман П. И.* Указ. соч. С. 26–33, 41–42; *Рабинович М. Г.* На фронте и в тылу (Из истории профсоюза рабочих морского и речного флота 1941–1945 гг.). М., 1962. С. 115–116; *Свердлов Г. М.* Указ. соч. С. 44, и др.

³²⁹ *Раскин Л. Е.* Указ. соч. С. 30–32; *Щеглов В.* Возвращенное детство: Из жизни детских домов Сталинграда. Сталинград, 1951. С. 80–84.

³³⁰ О создании попечительских советов см.: *Вальков М. К.* Роль и задачи попечительских советов детских домов // Из опыта работы попечительских советов детских домов. М., 1961. С. 7; *Русанова О.* Указ. соч. С. 21.

³³¹ Широкою известность это явление получило благодаря повести В. Катаева «Сын полка» и одноименному кинофильму. Интересно, что роль сироты Вани Солнцева в фильме «Сын полка» сыграл 12-летний воспитанник подмосковного детского дома № 11/80 Юра Янкин. Исполнение главной роли в кинофильме помогло Юре, считавшему себя сиротой, найти отца. Съемки проходили в разных городах России, об их ходе регулярно сообщали местные газеты. Когда фильм был уже готов, на киностудию пришло два письма из Ставрополя от гвардии полковника Янкина, потерявшего во время войны сына Юру (*Арбат Ю.* «Сын полка» // *Огонек.* 1946. № 40. С. 38).

³³² См.: *Войтехов Б.* Седой мальчик // *Правда.* 1942. 15 октября. С. 2; *Проценко В.* Герои среди вас // *Народное образование.* 1965. № 5. С. 19; *Галич Б.* Гремит музыка боевая // *Огонек.* 1946. № 7. С. 25–26.

³³³ Цит. по: *Александрова Г. И., Макарова Т. И.* Указ. соч. С. 8.

³³⁴ *Свердлов Г. М.* Указ. соч. С. 44.

³³⁵ *Кононенко Е.* «Ты не сирота, малыш!» (О благородном почине женщин «Красного богатыря») // *Правда.* 1942. 31 января.

³³⁶ *Рихтер З.* Указ. соч. С. 41. Следует отметить, что как опекунов, так и патронирование в годы войны нередко было вынужденной заменой усыновлению, оформить которое юридически было невозможно в связи с неопределенностью судьбы родителей либо отсутствием документального подтверждения их смерти.

³³⁷ *Кононенко Е.* Указ. соч.; К женщинам всего мира: Материалы митинга в защиту детей от фашистского варварства. С. 11–13; *Рихтер З.* Указ. соч. С. 6–26; *Свердлов Г. М.* Указ. соч. С. 46.

³³⁸ Сироты воспитываются в семьях трудящихся // *Правда.* 1945. 26 октября.

³³⁹ Подробнее см.: *Синицын А. М.* Указ. соч. С. 28; *Свердлов Г. М.* Указ. соч. С. 44.

³⁴⁰ См.: *Русанова О.* Указ. соч. С. 29–30; *Бурносков В.* Мать // *Правда.* 1945. 25 октября. С. 3; *Рихтер З.* Указ. соч. С. 16–26.

³⁴¹ См.: Сироты воспитываются в семьях трудящихся // *Правда.* 1945. 26 октября; Следуя примеру советских патриотов // *Правда.* 1942. 17 февраля.

³⁴² *Рихтер З.* Указ. соч. С. 10–11; Речь заместителя директора детдома Валентины Коршуновой; Речь работницы Елены Овчинниковой // К женщинам всего мира: Материалы митинга в защиту детей от фашистского варварства. С. 16.

³⁴³ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1941–1961 гг. С. 23; Подвиг матери // *Правда.* 1974. 21 марта. С. 6; *Русанова О.* Указ. соч. С. 7–9, 36–37.

³⁴⁴ См.: *Рихтер З.* Указ. соч. С. 20–21; *Свердлов Г. М.* Указ. соч. С. 45–46.

³⁴⁵ Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усыновлении» от 8 сентября 1943 г. было разрешено вносить усыновителей в качестве родителей в свидетельство о рождении, а также давать усыновляемым фамилию и отчество по имени усыновителей. См.: *Пергамент А.* Некоторые вопросы усыновления // *Социалистическая законность.* 1949. № 2. С. 21–25.

³⁴⁶ См.: *Вальков М. К.* Указ. соч. С. 7, 9–21, 80–90; *Громов В.* На героических традициях // *Народное образование.* 1965. № 5. С. 44–45; *Нечесова Е. А.* Попечители Ейского детского дома // Из опыта работы попечительских советов детских домов. М., 1961. С. 70; *Станулионис А.* Школа носит имя героя // *Народное образование.* 1965. № 5. С. 42–43; *Щеглов В.* Указ. соч. 52–54, 62–70.

³⁴⁷ *Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков.* В 3-х т. Т. 1. Минск, 1983. С. 189.

³⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 25.

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Имеются в виду партизаны.

³⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 26.

³⁵² Там же.

³⁵³ Возвращение немцев в Литву, кроме того, имело целью усилить там политическое влияние фашистов и противопоставить его влиянию польских националистов.

³⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 26.

³⁵⁵ Там же. Л. 28.

³⁵⁶ Там же. Л. 29.

³⁵⁷ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. Т. 1. С. 191.

³⁵⁸ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. В 7-ми т. Т. 3. М., 1958. С. 360.

³⁵⁹ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. Т. 1. С. 182.

³⁶⁰ *Безыменский Л. А.* Провал операции «Нептун». М., 1980. С. 69.

³⁶¹ *Коваль М. В.* Борьба населения Украины против фашистского рабства. Киев, 1979. С. 26.

³⁶² Мир и политика. 2012. № 5. С. 30.

³⁶³ *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С. 68.

³⁶⁴ По советским источникам, общее количество угнанного врагом с оккупированной территории СССР в разные годы гражданского населения варьируется в пределах от почти 4 млн до 4,3 млн человек (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 2466. Л. 1–3). В вышедшем в 1973 г. 10-м томе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» приведены уточненные данные — 4,26 млн человек (История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. 10. С. 390). В это число включены как насильственно угнанные советские граждане, так и те, кто добровольно записался на работу в Германию или предпочел уйти с немцами под видом «беженцев». Некоторая часть угнанных по разным причинам по дороге сбежала, была освобождена партизанами и наступавшими частями Красной армии. С учетом всего этого получается, что за пределы СССР реально было уведено насильственным образом не более 3,5 млн советских гражданских лиц.

³⁶⁵ *Загоруйко М. М., Юденков А. Ф.* Крах плана «Ольденбург»: О срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М., 1980. С. 323.